

У578
459

У578
АЛЪЯНС

**меча
и бизнеса**

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
и МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АН СССР

АЛЪЯНС

меча и бизнеса

(Военно-промышленные комплексы
империалистических государств)

Ответственные редакторы:
чл.-корр. АН СССР О. Н. Быков,
д-р экон. наук Е. В. Бугров

Москва
«Мысль»
1988

РЕДАКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

д-р экон. наук **М. И. Бурлаков**
канд. экон. наук **Ю. И. Бобраков**

Авторский коллектив:

- Введение — чл.-корр. АН СССР **О. Н. Быков**
Глава I — д-р ист. наук **А. Д. Никонов**, д-р экон. наук **Р. А. Фа-
рамазян**
Глава II — д-р экон. наук **Л. М. Громов**, канд. экон. наук **А. А. Ни-
колин**
Глава III — канд. техн. наук **Б. И. Комзин**
Глава IV — д-р экон. наук **Е. В. Бугров**
Глава V — д-р экон. наук **В. П. Глушков**, д-р экон. наук **Е. С. Хе-
син**, д-р экон. наук **В. Н. Шенаев**
Глава VI — канд. ист. наук **В. Г. Лешке**, канд. экон. наук **И. С. Це-
лищев**
Глава VII — д-р экон. наук **С. Е. Благоволин**
Глава VIII — канд. филолог. наук **В. В. Борисов**
Глава IX — канд. ист. наук **Ю. Е. Федоров**

Ученый секретарь — **А. А. Николин**

А $\frac{0604000000-044}{004(01)-88}$ 18-88

ПРЕДИСЛОВИЕ

На страницах мировой печати, на форумах и конференциях по проблемам войны и мира продолжают широко обсуждаться вопросы о сущности, целях и механизме деятельности военно-промышленных комплексов (ВПК). Общественность хочет знать правду о движущих силах гонки вооружений, о причинах сохранения угрозы ядерной войны. В этих дебатах ВПК все чаще и все убедительнее характеризуется как источник военной опасности, как авантюристическая и агрессивная сила современного капитализма. 80-е годы дали новые подтверждения таким оценкам.

Древнеримское изречение «хочешь мира, готовься к войне» безнадежно устарело и воспринимается здравомыслящими людьми как фальшивый и крайне опасный тезис. Но в США и других странах НАТО есть силы, которые продолжают цепляться за анахронизмы и объявлять рост военной мощи вкладом в укрепление национальной и международной безопасности. В наше время наращивание вооружений, стремление к военному превосходству не укрепляют, а лишь подрывают всеобщую безопасность. Реальности ядерного века дают убедительнейшие аргументы в пользу вывода о том, что безопасность не обеспечить на путях гонки вооружений.

Милитаристской демагогии о безопасности с помощью накопления и совершенствования оружия противостоит вывод первой спецсессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению: «С давних пор государства стремились обеспечить свою безопасность путем обладания оружием. Следует признать, что в некоторых случаях их существование действительно определялось наличием у них соответствующих средств обороны. Однако накопление оружия, особенно ядерного оружия, представляет собой сегодня скорее угрозу, нежели защиту для будущего народов».

На карту поставлено само существование человеческой цивилизации и жизни на Земле в условиях, когда в мире накоплено свыше 50 тыс. ядерных боеголовок, а их расчетная взрывная мощность в миллион раз превышает силу взрыва бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Дальнейшая гонка вооружений резко усиливает опасность глобальной катастрофы для человечества.

XXVII съезд КПСС провозгласил необходимость нового политического мышления в критический период развития земной цивилизации, когда целостность и взаимозависимость современного мира включает единство судеб всех стран перед лицом нависшей опасности ядерной катастрофы и когда государства могут защитить себя не военно-техническими, а лишь политическими средствами, действуя сообща и добиваясь формирования всеобъемлющей системы международного мира и безопасности. В основе нового политического мышления лежит вывод о том, что задача выживания стала для человечества приоритетом.

Среди реакционных сил капиталистического мира, блокирующих переход к новому политическому мышлению и соответствующей практике в международных делах, главенствующая роль принадлежит военно-промышленным комплексам. В них объединены организации и лица, экономически и политически заинтересованные в гонке вооружений, наращивании военных бюджетов, срыве переговоров по ограничению и сокращению вооружений, нагнетании международной напряженности. ВПК добивается соответствия государственного курса своим корыстным интересам и политическим амбициям, блокируется с другими реакционными группировками правящего класса в целях дальнейшей милитаризации политики, экономики и других сфер общественной жизни ведущих капиталистических стран.

Всестороннее исследование военно-промышленного комплекса, его роли и влияния в политике и экономике империалистических государств относится к числу важных задач, поставленных Коммунистической партией Советского Союза перед советскими учеными-обществоведами. Вскрыть истинные цели и мотивы деятельности ВПК — значит выявить глубинные корни оппозиции разоружению в главных капиталистических странах, яснее понять подоплеку противодействия в США и других странах НАТО перестройке международных отношений по критериям нового политического мышления. Определить возможности и пределы влияния ВПК, выявить противоречия, которые порождает его деятельность, — значит не только показать отсутствие фатальной предопределенности роста влияния комплекса, но и вскрыть направления, по которым можно успешно бороться против ВПК. В книге в теоретическом и практи-

ческом плане рассматриваются эти и другие стороны возникновения и функционирования военно-промышленных комплексов империалистических государств.

Путем такого анализа авторский коллектив намерен принять участие в развернувшейся в нашей стране и за границей дискуссии по принципиально важному вопросу о возможности демилитаризации капиталистического общества. «В состоянии ли капитализм освободиться от милитаризма, может ли он экономически функционировать и развиваться без него?» — так был сформулирован этот вопрос Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Милитаризм — проявление империализма, в природе которого коренится военная опасность. Однако взаимосвязанность и взаимозависимость современного мира, главенствующая роль в нем общечеловеческих ценностей, и в первую очередь сохранения самой жизни на Земле, диктуют необходимость изучать истоки и последствия милитаризма с целью выявить, способен ли капитализм адаптироваться к условиям разоружающегося мира. Научное и политическое значение этой проблемы возросло после подписания в Вашингтоне Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности, показавшего возможность поворота от гонки вооружений к разоружению.

Предлагаемая читателям книга имеет поисковый характер, ее авторы на базе изучения военно-промышленных комплексов формулируют свои порой различающиеся подходы к оценке степени и форм милитаризации политики и экономики капиталистических стран и возможностей преодоления заложенного в ней противодействия процессу создания мира без войн и оружия.

ВПК В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО- МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Раскрытие сущности военно-промышленного комплекса, его роли в экономике и политике капитализма второй половины XX в. стало одной из важных задач в исследовании современного империализма, в анализе причин гонки ядерных и других вооружений, смертельно опасной для человечества угрозы войны. Современная милитаристская политика империализма неразрывно связана с деятельностью военно-промышленных комплексов.

1. Корни и сущность ВПК

Характерной чертой государственно-монополистического капитализма (ГМК) является соединение силы буржуазного государства с силой монополий в единый механизм в целях сохранения и упрочения капитализма как общественной системы путем активного противодействия силам социального прогресса, прежде всего мировой системе социализма, рабочему и коммунистическому движению в странах капитала, национально-освободительному движению, массовым демократическим движениям. Процесс соединения силы монополий и буржуазного государства носит многоплановый характер. Можно говорить о сращивании государственного аппарата с крупнейшими банками, с нефтяными, химическими, металлургическими и множеством других монополий, в особенности с современными транснациональными. Вместе с тем развитие государственно-монополистического капитализма сопровождалось нарастающей активизацией связей между монополиями и государством в области военных приготовлений, строительства и использования вооруженных сил.

Конкретное содержание и характер такого рода связей, степень их прочности и практического воздействия на экономику и политику имеют свою специфику

в различных империалистических странах, так же как и особенности формирования и функционирования ГМК. Но это, разумеется, не может отменить того факта, что процесс соединения военного бизнеса с государственной властью развивается вместе с ГМК. Именно в результате этого процесса в ведущих капиталистических странах сложилась и функционирует система, именуемая военно-промышленным комплексом.

Военно-промышленный комплекс — это особое милитаристское звено в структуре современного государственно-монополистического капитализма, специфическое объединение военно-промышленных монополий с государственным аппаратом, прежде всего с его высшими военными подразделениями, которые непосредственно связаны с созданием, наращиванием и использованием военной мощи в качестве основного средства агрессивной внешней и реакционной внутренней политики, выступают за непрерывное усиление гонки вооружений в своекорыстных экономических и политических целях.

Развитие в империалистических странах милитаризма характеризуется прежде всего созданием огромной военной машины, разбуханием аппарата военных ведомств, усилением влияния военщины на экономическую, политическую, социальную и духовную жизнь буржуазного общества. Одна из важнейших черт милитаризма — подчинение немалой части экономического потенциала империалистических государств планам подготовки и ведения войн. Это ведет к гипертрофированному развитию военной экономики как специфической части национального хозяйства.

Вся история империализма от конца прошлого века до наших дней подтверждает глубокую правоту ленинского вывода о том, что монополистический капитализм, «по *экономическим* его коренным свойствам, отличается наименьшим миролюбием и свободолубием, наибольшим и повсеместным развитием военщины», как и ленинского положения о том, что *политически* «империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции»¹.

На XXVII съезде КПСС эти ленинские мысли были конкретизированы применительно к современным условиям. «Империализм в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную, авантюристическую политику, — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС. — Здесь можно сказать о целом комплексе побудительных мотивов: хищнических аппетитах фаб-

рикантов оружия и влиятельных военно-бюрократических группировок, корыстной заинтересованности монополий в источниках сырья и рынках сбыта, страхе буржуазии перед происходящими переменами, наконец, попытках решить за счет социализма собственные обостряющиеся проблемы»².

Уже в начале XX в. стали складываться связи военно-промышленных компаний с государственными учреждениями, что явилось как бы предысторией военно-промышленного комплекса. Еще до первой мировой войны в Германии, Англии и других европейских странах существовали крупные по масштабам того времени военные концерны (Круппа, Виккерса и др.). В США также существовали «торговцы смертью», например широко известная «пороховая империя» Дюпон. Военные фирмы еще тогда устанавливали личные контакты с правительством, поддерживали тесные связи с военными ведомствами, использовали государственные заказы для личного обогащения, оказывали влияние на экономическую жизнь страны, на внешнюю политику.

Появление и широкое использование в первой мировой войне новых, более совершенных и сложных видов вооружения и боевой техники (танков, авиации, броневых автомобилей и др.) способствовало резкому возрастанию материальных издержек войны. Она предъявила качественно новые требования к экономике, подчинила значительную часть экономического потенциала противоборствующих сторон интересам войны. В 1918 г. удельный вес военной продукции в общей промышленной продукции Германии составил 75 %, Франции — 75, Великобритании — 65, США — 40 %³.

Колоссальные потребности войны в материальных ресурсах вызвали необходимость расширения государственного вмешательства в экономическую жизнь, ускорили процесс соединения экономической мощи крупных монополий с политической властью буржуазных государств, привели к образованию и усилению военно-государственного монополистического капитализма⁴. В целях регулирования экономики были созданы специальные государственные органы. Регулирование происходило путем использования различных форм и методов как прямого, так и косвенного вмешательства государства в экономику. Прямое вмешательство государства в экономику было особенно велико в Германии. В. И. Ленин неоднократно характеризовал экономику этой страны в годы первой мировой войны как военно-

государственный монополистический капитализм. В 1917 г. В. И. Ленин указывал, что «в Германии юнкеров и капиталистов... на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов»⁵.

Связи между «торговцами смертью» и органами государственной власти устанавливались и развивались в империалистических странах и в годы между двумя мировыми войнами. В этот период, особенно в 30-х годах, процесс сращивания поставщиков вооружения с той частью государственного аппарата, которая непосредственно осуществляет руководство военными приготовлениями, достиг наибольшего размаха и глубины в фашистской Германии и милитаристской Японии. Хорошо известно, например, какую зловещую роль сыграли военные концерны Круппа, Флика и других финансово-промышленных воротил в установлении фашистского режима Гитлера и подготовке второй мировой войны. В 1937 г. Гитлер удостоил Густава Круппа звания «фюрер военного хозяйства». Это звание получил ряд военных промышленников, некоторые из них процветают и сейчас в ФРГ⁶. В империалистических странах, вставших на путь фашизма и подготовки к агрессивной войне (Германия, Италия, Япония), были взяты на вооружение и развиты методы военно-государственного капитализма с его жесткой системой государственного регулирования хозяйства.

В возрождении милитаризма в Германии в межвоенный период, в развитии ее военной промышленности и подготовке к новой войне немалую роль сыграли монополисты США и Великобритании. Они рассматривали Германию как ударную силу в борьбе с Советским государством и возлагали на нее большие надежды. Американские корпорации вложили в германскую промышленность десятки миллиардов марок, оказывали ей научную и техническую помощь в развитии военного производства. В самих же США вплоть до второй мировой войны связи фабрикантов оружия и военщины не получили существенного развития. Они располагали относительно небольшими размерами вооруженных сил и военного производства, представленного в основном государственными арсеналами и верфями.

Сильнейший толчок росту военно-промышленных монополий, их взаимодействию с государственным аппаратом и его милитаристскими подразделениями дала

вторая мировая война. Громадный рост государственно-го спроса на военную продукцию потребовал перевода всей экономики на военные рельсы. В это время еще больше ускорился процесс дальнейшего превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический: возросло вмешательство государства в экономику с целью ее полного подчинения интересам войны. Так, в государствах фашистского блока были созданы чрезвычайные органы государственного управления экономикой. В Германии основным органом военно-экономического управления и регулирования военным производством стало министерство вооружения и боеприпасов, которое в сентябре 1943 г. было преобразовано в министерство вооружений и военного производства. При этом в министерстве был создан совет вооружения, куда входили генеральные директора военных концернов и представители военной верхушки.

В США, Великобритании и других капиталистических странах антигитлеровской коалиции также были созданы специальные государственные органы по контролю за военным производством и его регулированию (в США такие функции были возложены на управление военного производства, в Великобритании — на министерство снабжения). Государственные органы активно вмешивались во все сферы экономики, распределяя рабочую силу, дефицитное сырье и материалы, регулируя цены и заработную плату и т. д.

В годы второй мировой войны к производству военной продукции в огромных масштабах государством привлекались тысячи фирм, с которыми устанавливались тесные и разнообразные связи. На выполнении многомиллиардных военных заказов многие сравнительно небольшие частные предприятия, производившие самолеты, артиллерийское и стрелковое вооружение, танки и другую военную технику, превратились в крупные военно-промышленные монополии, имевшие самые тесные связи с военными кругами и различными звеньями государственного аппарата и оказывавшие заметное влияние на экономику и политику воюющих империалистических стран.

В послевоенный период милитаристские процессы в капиталистическом обществе не только не пошли на убыль, а стали приобретать все более широкий размах. В ведущих империалистических странах, особенно в США, стало типичным развитие таких процессов на постоянной основе, наличие в мирное время многомил-

лионных армий и крупной военной промышленности, невиданные ранее масштабы использования новейших научно-технических достижений для создания, накопления и постоянного совершенствования ракетно-ядерного и другого оружия массового уничтожения. В этих условиях новым явлением в развитии милитаризма стало формирование военно-промышленных комплексов, их деятельность и возрастающая роль в политике и экономике империалистических стран. Правомерно говорить о совокупности факторов, которые обусловили становление и особенности развития военно-промышленных комплексов империализма в современных условиях.

ВПК стал быстро развиваться в разгар «холодной войны» под флагом антикоммунизма и антисоветизма, в конкретных исторических условиях, когда было положено начало усилению интенсивности военных приготовлений и втягиванию в них широкого круга стран. При этом центр милитаризма переместился из Западной Европы в США, взявших на себя роль лидера капиталистического мира, претендующего на мировую гегемонию. Растущая милитаризация политики империалистических стран стала одной из решающих предпосылок и вместе с тем одним из основных последствий развития и активной деятельности ВПК. Открыто делая ставку на военную силу в решении международных проблем, империализм, прежде всего американский, использует ВПК как оружие в борьбе против мирового социализма и других революционных сил современности, а также для военного обеспечения за рубежом интересов могущественных транснациональных корпораций, их доступа к зарубежным рынкам, сферам приложения капитала, источникам сырья и энергии.

Развитие ВПК в капиталистических странах обусловлено не только внешнеполитическими, но и внутриполитическими причинами, что находится в прямой связи с продолжающимся углублением всех присущих капитализму противоречий. В этих условиях господствующие классы, опираясь на вооруженные силы, пытаются сохранить и укрепить свои позиции в классовых конфликтах в капиталистических странах. А правящая элита буржуазных государств стремится использовать не только национальные вооруженные силы, но и военную машину союзников, международных военно-политических группировок, в частности НАТО.

Материальной основой существования и функционирования ВПК в системе современного ГМК служат

военно-экономические приготовления. Именно огромными военными затратами американского империализма объясняется тот факт, что наибольшего расцвета в послевоенные годы ВПК достиг в США. Можно сказать, что абсолютные масштабы военной экономики страны являются важными показателями степени развития ВПК. В прошлом военная экономика в мирное время, как правило, имела небольшие размеры. Только накануне и в период войн происходило ее существенное развитие. После второй мировой войны агрессивная политика империализма, интенсивная гонка вооружений в сочетании с научно-технической революцией привели к формированию крупного, постоянно функционирующего и в мирное время военного сектора экономики. В результате в ведущих империалистических странах ВПК стал важным элементом в структуре ГМК.

Деятельность ВПК затрагивает экономику в широком диапазоне, поскольку сейчас в производстве военной продукции прямо или косвенно участвуют многие отрасли хозяйства. Но основу материальной базы комплекса составляют прежде всего такие наиболее милитаризованные и наукоемкие отрасли, как авиаракетная, радиоэлектронная, атомная, кораблестроение и производство бронетанковой техники, артиллерийско-стрелкового вооружения и боеприпасов.

Научно-технический прогресс, ведущий к систематическому усложнению и удорожанию вооружения и военной техники, оказал огромное воздействие на становление и функционирование ВПК. Создание многих сложных систем современного оружия стало не под силу отдельным военным монополиям. В связи с этим потребовалось активное вмешательство государства. Оно широко участвует в формировании основного и оборотного капитала военно-промышленных корпораций, оказывает им в различных формах финансовую и иную помощь. Все это сопровождается быстрым развитием государственно-монополистических тенденций, переплетением государственного и частного капитала в военной экономике.

Прибегая к прямой фальсификации, буржуазные ученые и политики пытаются доказать, что ВПК есть «универсальное» явление, характерное для всех промышленно развитых стран безотносительно к их социально-экономическому строю. Они «открывают» ВПК и в социалистических странах, с тем чтобы переложить и на них ответственность за безудержную гонку воору-

жений. При этом злонамеренно игнорируется тот факт, что в СССР и других странах социализма нет тех условий, которые порождают ВПК, нет ни классов, ни социальных слоев, ни профессиональных групп, которые были бы заинтересованы в войне или ее подготовке, рассчитывали бы нажиться на этом. Военная мощь Советского Союза полностью подчинена целям его миролюбивой политики и дипломатии, усилия которых неизменно направлены на упрочение мира и международной безопасности.

ВПК является одной из важнейших и опаснейших сторон развития государственно-монополистического капитализма. Уровень его развития и степень влияния в существенной степени определяются особенностями экономического и политического развития, масштабами и характером милитаристских приготовлений данного государства, его военной стратегией, которая в свою очередь формируется под непосредственным воздействием внутренней и внешней политики. Военная стратегия предъявляет конкретные требования к военно-экономической и военно-технической политике государства. Все это весьма существенно влияет на развитие военно-промышленных компаний, а значит, на их положение и роль в военно-промышленном комплексе империалистического государства. Чем выше степень милитаризации государственной внутренней и внешней политики, тем более агрессивный характер имеет обслуживающая такую политику военная стратегия, тем шире и мощнее развивается военная промышленность и тем большее влияние приобретает ВПК в политической и экономической структуре империалистического государства.

Опыт истории и особенно резкое усиление милитаризма в США, начавшееся на рубеже 70-х и 80-х годов, достаточно убедительно показывают, что ВПК приобретает наибольшее политическое влияние и экономическую силу там и тогда, где и когда внешняя и военная политика империалистического государства всецело подчинена интенсивному наращиванию военной мощи ради получения военного превосходства и завоевания на этой основе мирового господства. Для этого помимо определенных материальных возможностей необходимо наличие созревшего и слившегося воедино стремления к доминирующему положению в мире со стороны если не всех, то во всяком случае значительной группы наиболее экономически мощных и экспансионистских фракций господствующего класса данного империалистического

государства. Сила и опасность ВПК во многом зависят от степени «переплетения» его специфических интересов с интересами других монополистических фракций, от способности обеспечить соответствие государственной политики этим интересам. Далеко не случайно, что особую поддержку комплекс находит со стороны той части монополистической буржуазии, которая имеет капиталовложения за границей, обеспечивающие транснациональным корпорациям огромные прибыли, источники сырья и рынки сбыта товаров. Поддержание и систематическое наращивание военной мощи в основе своей отвечают интересам значительной части монополистической буржуазии. В наибольшей степени ВПК выражает интересы тех агрессивных, милитаристских кругов правящего класса, которые рассматривают военную силу как основное средство решения международных проблем, борьбы против мировой социалистической системы, сохранения капиталистического способа производства.

Учитывая это, было бы упрощением объяснять невиданные масштабы гонки вооружений и развитие милитаризма в империалистических странах только деятельностью ВПК, его экономической и политической заинтересованностью в усилении этих опасных процессов. Первопричиной развития милитаризма и все усиливающейся гонки вооружений, как уже отмечалось, является империалистический агрессивный внешнеполитический курс, который в свою очередь определяется закономерностями империализма, особенно в условиях повышения роли наиболее агрессивных группировок монополистического капитала.

Несомненно, однако, и то, что в общем контексте империалистической политики ВПК играет особо реакционную роль. В своекорыстных целях он резко стимулирует развитие присущих монополистическому капитализму милитаризма и авантюризма, выступает против разрядки международной напряженности, добивается увеличения военных бюджетов, торпедирует предпринимаемые прогрессивными силами мира усилия в области разоружения.

В характере деятельности, механизме функционирования и влияния ВПК в различных странах имеются как общие, так и специфические черты, обусловленные уровнем развития производительных сил, масштабами, структурой и направленностью милитаристских приготовлений, расстановкой внутриполитических сил, разли-

чиями в степени участия частного и государственного капитала в военном бизнесе, национальными традициями и т. д.

Между ВПК различных империалистических стран существуют тесные связи, причем они имеют тенденцию к расширению и углублению. В послевоенные годы деятельность американского ВПК во многом способствовала развитию военной промышленности в ряде других капиталистических стран. Вместе с тем происходит и обострение межимпериалистических противоречий как в военно-политической, так и в военно-экономической сфере. Идет ожесточенная конкурентная борьба между ВПК империалистических государств за дележ военных прибылей, за участие в экспорте оружия, масштабы которого за последние десятилетия резко возросли.

Существенное воздействие на характер и масштабы связей между национальными ВПК оказывают такие факторы, как деятельность агрессивных военно-политических блоков и союзов, развязывание нового тура гонки вооружений, стремление империализма объединить милитаристские и реакционные силы капиталистического мира, ускоренными темпами нарастить его совокупную военную мощь в целях борьбы против революционных сил современности. Все это, несомненно, способствует укреплению позиций ВПК в системе современного государственно-монополистического капитализма.

2. Основные компоненты ВПК

Военно-промышленные комплексы, и это следует подчеркнуть, не являются формально-конституированными объединениями со сколько-нибудь четкой структурой и системой управления. Они выступают как неформальная общность организаций и лиц, имеющих особые и устойчивые взаимоотношения в области военных приготовлений и извлекающих на этой основе определенные экономические и политические выгоды.

Существуют различные взгляды на структуру ВПК. Так, американский ученый Г. Адамс в книге «Железный треугольник» выделяет три компонента ВПК: военно-промышленные корпорации, Пентагон и комиссии по делам вооруженных сил и по ассигнованиям в конгрессе США. Встречаются и расширительные толкования компонентов ВПК, когда в его состав помимо верхушки военищины, государственного аппарата, владельцев и представителей военно-промышленных концернов

включают, например, профсоюзные организации, члены которых трудятся на военных предприятиях или участвуют в выполнении военных заказов через систему субподрядных связей. Можно встретить утверждения, что комплекс разросся до бескрайних пределов и объединяет чуть ли не всех в современном капиталистическом обществе. Такое расширительное определение состава ВПК оказывается удобным самому комплексу, так как ответственность за развитие милитаризма и форсирование гонки вооружений переносится не столько на реальные, сколько на надуманные звенья ВПК. Концепция «безбрежности» ВПК приводит к отождествлению его с государственно-монополистической структурой в целом, а его интересов — с интересами самых широких слоев населения капиталистического общества. Тем самым маскируются классовая сущность и роль этого реакционного феномена, связанные с ним интересы и амбиции наиболее агрессивных кругов правящего класса.

При характеристике структуры ВПК встречается и другая крайность, когда в его состав включается лишь небольшая группа высокопоставленных лиц, принимающих важные военно-экономические и военно-политические решения, когда форсирование гонки вооружений объясняется деятельностью только военных министерств или только военно-промышленных фирм. Такое сужение состава и границ ВПК практически ведет к недооценке его опасности.

В целях исследования и оценки реального места ВПК в структуре современного ГМК необходимо вычленить и показать в относительно самостоятельной функциональной роли именно ту особую группировку правящего класса капиталистических стран, которая непосредственно срослась с милитаризмом и само существование и деятельность которой самым тесным образом связаны с гонкой вооружений. Развернутая научно обоснованная характеристика военно-промышленного комплекса содержится в новой редакции Программы КПСС, утвержденной XXVII съездом КПСС: «Монополии, производящие оружие, генералитет, государственная бюрократия, идеологический аппарат, милитаризованная наука, слившись в военно-промышленный комплекс, стали наиболее рьяными проводниками и организаторами политики авантюризма и агрессии. Зловещий союз фабрикантов смерти и империалистической государственной власти — это опора крайней реакции, постоянный и воз-

растающий источник военной опасности, убедительное подтверждение политической и социально-нравственной несостоятельности капиталистической системы»⁷.

Это важное положение Программы КПСС дает ключ к пониманию сущности, компонентов и особо опасной роли ВПК, его органической взаимосвязи с экономикой и политикой империалистических государств.

В военно-промышленном комплексе как сложном конгломерате институтов и лиц, имеющих устойчивую общность интересов и активно взаимодействующих в сфере военных приготовлений, центральное место занимают монополии — производители вооружения и военной техники. Возникает важный вопрос о том, кого же из многочисленных поставщиков военной продукции следует вообще относить к военно-промышленным корпорациям. Это связано с тем, что сейчас трудно найти промышленную корпорацию, которая занималась бы только и исключительно выпуском военной продукции, не участвуя в гражданском производстве. На наш взгляд, военно-промышленными можно считать лишь те корпорации, которые прочно специализируются на выпуске военной продукции и систематически получают большие, и прежде всего первичные, военные заказы государства. Важнейшим критерием также являются, разумеется, относительные и особенно абсолютные масштабы выпускаемой военной продукции. При этом вовсе не обязательно, чтобы доля военной продукции в обороте такой корпорации всегда была преобладающей, она может быть и меньшей по сравнению с гражданским производством, но должна иметь существенное значение для всей деятельности компании.

К военно-промышленным корпорациям как компоненту ВПК относятся, таким образом, те, которые занимают господствующие позиции в военной промышленности, выступают в качестве генеральных подрядчиков военных министерств и организаторов военного производства, активно участвуют в создании современных сложных систем оружия, поддерживают тесные и устойчивые связи с правительственным военным аппаратом, пользуются большими государственными финансово-экономическими льготами (в частности, получают от государства значительную часть основного и оборотного капитала, функционирующего в военном производстве), располагают производственными возможностями для быстрого наращивания выпуска военной продукции при чрезвычайных обстоятельствах,

оказывают влияние на определение масштабов и структуры военного спроса государства.

В военно-промышленные комплексы входят прежде всего крупнейшие концерны, играющие ведущую роль в военном производстве современного капитализма. В США на долю 25 наиболее крупных военно-промышленных корпораций приходится около 50 % общей стоимости первичных военных заказов министерства обороны США. Аналогичная картина наблюдается и в других империалистических странах. Например, в каждой из таких стран, как Франция, Великобритания, ФРГ и Италия, на долю 15—30 крупнейших фирм приходится подавляющая часть общего национального объема выпуска военной продукции.

Росту влияния крупнейших военно-промышленных корпораций в немалой степени способствует углубление процесса концентрации производства и централизации капитала, что сопровождается поглощением небольших и быстрым ростом крупных фирм. Высокий уровень концентрации и монополизации военного производства виден на таком примере. По данным американских цenzов, на долю всего лишь четырех крупнейших корпораций авиаракетно-космической промышленности в 70-х годах приходилось около 70 % объема выпускаемой продукции отрасли, свыше 60 % общего числа занятых, около 50 % капиталовложений в здания и оборудование и около 70 % стоимости потребляемых материалов⁸. О масштабах деятельности крупнейших американских поставщиков вооружений говорит и следующий факт. В 70-х годах каждая из пяти ведущих корпораций авиаракетно-космической промышленности США («Боинг», «Макдоннелл-Дуглас», «Локхид», «Дженерал дайнэмикс» и «Юнайтед текнолоджиз») по общим объемам выпускаемой продукции значительно превышала оборот аналогичной отрасли западноевропейских стран, вместе взятых.

Современная крупная военно-промышленная корпорация — это, как правило, фирма с несколькими отделениями, многочисленными производственными предприятиями в различных районах страны, а нередко и за рубежом, с десятками тысяч занятых, с годовым объемом производства, исчисляемым в миллиардах долларов. Основные военно-промышленные корпорации являются крупнейшими не только по объемам военного производства, но и по стандартам капиталистической экономики в целом. Многие из крупных американских военных

фирм по размерам активов и оборота входят в число первых 100 промышленных корпораций США.

Усилению господствующих позиций крупнейших военно-промышленных компаний в военной экономике способствует и то, что они разрабатывают и производят практически все наиболее сложные системы оружия, ведут в широких масштабах военные исследования и разработки, что обеспечивает техническое превосходство их продукции над изделиями других поставщиков, монопольное положение в выпуске отдельных видов вооружения.

Значительные сдвиги происходят в распределении крупных поставщиков военной продукции по отраслям экономики. В послевоенные годы среди крупных военных поставщиков резко сократился удельный вес автомобильных, судостроительных компаний и фирм некоторых других традиционных отраслей промышленности и, наоборот, значительно увеличилась доля авиационных, ракетных, электронных и других компаний, использующих передовую технологию и специализирующихся на выпуске наукоемкой продукции. Указанные сдвиги связаны с изменением структуры военных заказов, что в свою очередь обусловлено быстрым развитием военной техники, а также изменениями в военной стратегии.

При исследовании компонентов ВПК следует также иметь в виду, что почти во всех капиталистических странах в производстве военной продукции участвуют как частные, так и государственные предприятия. Однако еще в годы первой и особенно второй мировой войны выявилось, что государственные предприятия не в состоянии удовлетворить колоссально возросшие потребности войны. Произошло широкое привлечение частного капитала, рвавшегося в сферу военных заказов и прибылей, к выпуску военной продукции. В настоящее время в капиталистических странах наблюдается разное долевое участие государства и частных фирм в производстве вооружений и военной техники. В США господствующее положение в военном производстве занимают частные корпорации: на их долю приходится свыше $\frac{4}{5}$ общей стоимости выпускаемой в этой стране военной продукции. В странах Западной Европы государственные предприятия играют значительно большую роль в выпуске военной продукции, чем в США. Так, во Франции, Великобритании и Италии на долю государственных и смешанных предприятий приходится основная доля вы-

пуска вооружений и военной техники. В целом же и в странах Западной Европы частный капитал занимает видное место в военном производстве. Это прежде всего относится к ФРГ, где почти вся военная промышленность сосредоточена в частном секторе.

Участие государственного капитала, государственных или смешанных фирм в военном производстве накладывает известный отпечаток на механизм функционирования ВПК в отдельных странах, но сохраняет его реакционную сущность и функциональное назначение. ВПК как существенная особенность современного государственно-монополистического капитализма неотделим от частнобуржуазных интересов, от готовности корпораций ставить эти интересы выше общественной заинтересованности в прекращении гонки вооружений, укреплении мира и безопасности.

Активное участие буржуазного государства в формировании государственно-монополистической собственности не меняет ее капиталистического характера. Такая собственность по своей социально-экономической сущности тождественна другим типам капиталистической собственности. Буржуазное государство — это не надклассовый орган, а совокупный капиталист, рьяно защищающий интересы своего класса, в особенности его монополистической верхушки. «Современное государство, — писал Ф. Энгельс, — какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист»⁹.

Следует подчеркнуть, что военно-промышленные монополии различных стран действуют и в одиночку, и совместно. Еще до первой мировой войны было создано несколько международных синдикатов по производству отдельных видов оружия, пушек, пулеметов, броненосцев и др. Военные синдикаты, главные из которых до второй мировой войны находились в Западной Европе — центре милитаризма того времени, общими усилиями добивались наращивания военных приготовлений империалистических государств, натравливали их друг на друга. Ради умножения своих прибылей они поставляли вооружение не только своим странам и их союзникам, но, как показывает опыт минувших войн, и враждебным и даже воюющим с ними государствам. В годы первой мировой войны, указывая на связь немецких и английских фирм в производстве оружия, В. И. Ленин отмечал, что «международно-переплетенный капитал делает ве-

ликолепные дела на вооружениях и войнах»¹⁰. Во время второй мировой войны некоторые американские монополии продолжали оказывать различные виды помощи фашистской Германии. Например, дочерние предприятия крупнейших американских корпораций «Дженерал моторс» и «Форд» в Германии поставляли гитлеровским вооруженным силам тяжелые военные грузовики и авиационные двигатели.

Связи между военно-промышленными корпорациями различных стран особенно усилились после второй мировой войны, чему способствует научно-техническое и производственное сотрудничество капиталистических государств (прежде всего в рамках НАТО и других военно-политических союзов) в военно-экономической сфере на межгосударственном и межфирменном уровнях. Такое сотрудничество проявляется в форме обмена патентами, лицензиями, технической информацией, совместного выполнения программ научно-исследовательских работ, разработки и производства вооружений и военной техники и т. д. Транснациональные военно-промышленные корпорации быстрыми темпами активизируют свою деятельность в различных странах. Все это способствует укреплению связей между национальными ВПК, усилению общности их корыстных интересов при сохранении соперничества между ними, борьбы за дележ рынков и прибылей.

К числу основных компонентов ВПК, как уже отмечалось, относится высший эшелон военных подразделений государственного аппарата, той его части, которая непосредственно связана с разработкой и реализацией государственных (правительственных) решений в области военных приготовлений. Реальное значение этого компонента определяется прежде всего тем, что именно через него осуществляется взаимосвязь интересов военно-промышленных монополий, государственной политики, военной стратегии и конкретной военной деятельности.

В первую очередь речь идет о военных министерствах, которые осуществляют планирование строительства вооруженных сил, руководство их материально-техническим оснащением. Именно военные министерства непосредственно занимаются закупками военной продукции, размещением заказов на разработку и производство вооружений и военной техники, поддерживают широкие контакты с военно-промышленными фирмами. Большую роль в разработке военной политики

и стратегии государства, установлении общих размеров его военного потребления играют генеральные штабы, штабы отдельных видов вооруженных сил.

Партнерство военного бизнеса и военного истеблишмента может рассматриваться как основа, ядро военно-промышленного комплекса. При этом важно подчеркнуть, что причины, корни взаимосвязи этих партнеров по ВПК особенно глубоки. Их взаимоотношения отличаются устойчивостью, масштабностью связей в производственной, научно-технической, финансово-экономической, административно-организационной и других областях. На весь характер отношений между ними накладывает отпечаток взаимная материальная заинтересованность. Это и выгоды определенной части госаппарата от сотрудничества с военно-промышленными монополиями (доходные посты, взятки, «гонорары» и т. п.). Это и корыстные интересы военно-промышленных корпораций (получение через госаппарат выгодных заказов, а с ними прибылей и сверхприбылей). И все же дело не сводится только к устойчивости партнерских отношений и общей материальной заинтересованности данных компонентов ВПК.

Важно подчеркнуть, что эти два компонента ВПК и раздельно, и совместно преследуют далеко идущие политические цели. Они активно добиваются соответствия государственной политики интересам военно-промышленных корпораций и военщины, буквально рвутся к политической власти. ВПК крайне опасен своими политическими амбициями и действиями, опасен той реакционной ролью, которую он играет как союз монополий, производящих оружие, с империалистической государственной властью.

Связи военного бизнеса с государственным аппаратом не ограничиваются его военными звеньями. Они распространяются и на те «гражданские» подразделения государственной власти, которые играют существенную роль в формировании политики и военной стратегии государства (в США — Совет национальной безопасности, госдепартамент, ЦРУ), разработке военного бюджета (Административно-бюджетное управление), его рассмотрении и утверждении (комиссии по делам вооруженных сил и ассигнованиям американского конгресса).

Кстати говоря, эти аспекты деятельности ВПК всячески затушевываются и маскируются империалистическими политиками и идеологами. Ими прилагается

немало усилий, чтобы снять с государства в лице его высшего политического руководства ответственность за деятельность ВПК и ее тяжелые для дела мира последствия. Иногда такого рода усилия предпринимаются в весьма своеобразной форме. Примечательной является, например, попытка «отмежеваться» от ВПК, которая имела место в известном прощальном послании президента США Д. Эйзенхауэра от 17 января 1961 г.

В этом послании, где впервые был применен термин «военно-промышленный комплекс», содержался призыв остерегаться установления военно-промышленным комплексом чрезмерного влияния независимо от того, является ли оно преднамеренным или непреднамеренным. Констатировалось также, что потенциальная возможность усиления «неправомерной власти» существует и будет существовать. Несомненно, что это получившее широкий общественный резонанс предупреждение Д. Эйзенхауэра объективно сыграло и продолжает играть известную роль в моральной дискредитации ВПК в глазах народов. Однако оно имело и другую сторону, поскольку отражало стремление Д. Эйзенхауэра создать ложное впечатление о его личной непричастности к деятельности американского ВПК, обособить комплекс от политической структуры страны. А ведь такая причастность в данном случае более чем очевидна.

В качестве президента США он одновременно являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами и, следовательно, находился на самой вершине государственной политической и военной власти. При его самом непосредственном участии подхлестывалась «холодная война», провозглашалась политика «отбрасывания коммунизма», разрабатывалась опаснейшая военная стратегия «массированного возмездия» и в соответствии с ней велась материальная подготовка ядерного нападения на СССР и другие социалистические страны, создавались условия для консолидации и процветания военно-промышленного комплекса США.

Вместе с тем принадлежность к самому высшему эшелону государственной политической и военной власти сама по себе, конечно, не может служить основанием для механического включения президентов или других глав правительств и государств (равно как и политических деятелей более низких рангов) прямо или непосредственно в состав ВПК. В качестве высших представителей государственной власти они призваны выражать интересы правящего класса в целом, а не его

отдельных фракций, хотя и могут в своей деятельности делать крен — даже крутой — в сторону одной из них, и в частности в сторону ВПК, что было характерно для положения в США на рубеже 80-х годов.

Процесс милитаризации, развивающийся в империалистических странах, захватывает и другие сферы общественной жизни. Компонентами ВПК стали также милитаризованная наука и мощный идеологический аппарат империалистических государств, непосредственно связанные с планируемыми и проводимыми военными приготовлениями.

Наука в империалистических странах милитаризована в значительно большей степени, чем экономика. Современная гонка вооружений разворачивается прежде всего по линии качественного совершенствования вооружений, что связано с широким использованием достижений научно-технического прогресса в военных целях. В программах строительства вооруженных сил стран НАТО первостепенное значение придается модернизации военной техники, разработке, производству и принятию на вооружение многих новых систем и видов оружия. Погоня за военно-техническим превосходством, стремление создавать все более эффективные средства уничтожения обусловили высокую наукоемкость военного производства. Военно-промышленные фирмы располагают крупными научно-исследовательскими центрами, в которых работают тысячи ученых и инженеров. Военные исследования и разработки практически полностью финансируются государством, они стали выгодным бизнесом и особенно привлекают военно-промышленные комплексы.

Важное место в развитии и функционировании ВПК занимает идеологический аппарат. В империалистических государствах действуют многочисленные идеологические и научные организации и центры, которые специально занимаются разработкой и обоснованием агрессивной политики. Для пропаганды милитаристской идеологии, нагнетания военного психоза правящие круги Запада используют все каналы воздействия на духовную жизнь общества, и в первую очередь средства массовой информации.

Усиление культа военной силы одновременно сопровождается широким распространением различных буржуазных военно-экономических концепций о якобы «благотворном», «оздоравливающем» влиянии гонки вооружений на социально-экономическую жизнь, в частно-

сти на занятость, на повышение уровня жизни населения и т. д. Буржуазная пропаганда стремится с помощью изощренных приемов и методов распространить среди широких слоев населения милитаристскую, шовинистическую и антикоммунистическую идеологию с тем, чтобы расширить социальную базу милитаризма. Возвеличивая культ военной силы, прививая ненависть к другим народам, империалистические государства добиваются обеспечения политической и психологической готовности общества к усилению гонки вооружений, материальной подготовке к войне.

В любом империалистическом государстве имеются (в той или иной степени зрелости) элементы ВПК. Состав и степень влияния комплекса зависят от национальных особенностей, конкретно-исторической обстановки, динамики взаимодействия многих политических и экономических факторов внутреннего и международного характера. ВПК приобретает значение активного, самостоятельного фактора милитаризма там и тогда, где и когда существуют соответствующие условия, и прежде всего достаточно высокий уровень милитаризации всей государственной политики. Чем выше этот уровень, тем больше простора и возможностей для развития и функционирования ВПК, усиления его роли и влияния в данном империалистическом государстве.

Масштабы государственного военного потребления определяются ежегодно в процессе разработки и утверждения военного бюджета, в котором в концентрированном виде отражаются военно-стратегические планы, характер и направленность военных приготовлений страны. Военный бюджет есть законодательно утвержденное требование государства на получение денежных, а затем и натуральных ресурсов определенного объема и структуры для удовлетворения конкретных военных потребностей. В результате именно военный бюджет по существу предопределяет размеры и структуру военной экономики в целом, а значит, масштабы и основные направления деятельности ВПК страны, ибо ВПК существует и процветает на базе государственных военных заказов, за счет государственного финансирования.

Уровень таких заказов, их объем и номенклатура определяются прежде всего военно-политическими, органически связанными с внешнеполитическими, целями государственных властей, и в этом смысле можно считать, что ВПК зависит от них и обслуживает их интере-

сы. Но этим не исчерпывается вопрос о роли и влиянии ВПК.

Исключительно важно указание в Программе КПСС на то, что ВПК являются одновременно «проводниками и организаторами политики авантюризма и агрессии». Тем самым отмечается двойственный характер роли ВПК в развитии милитаристских процессов в империалистических государствах.

С одной стороны, ВПК выполняет служебную функцию («проводника»), будучи способом и средством реализации военной и внешней политики страны. Имея глубинные классовые корни, ВПК выступает как милитаристский механизм, как опаснейшее оружие на службе монополистической буржуазии, ее наиболее реакционных и агрессивных кругов.

С другой стороны, деятельность ВПК не сводится только к пассивной, служебной роли. Он одновременно оказывает огромное и всевозрастающее обратное воздействие на политику, является «организатором» политики авантюризма и агрессии, активнейшим самостоятельным фактором милитаризации политики и экономики империалистического государства.

Однако степень влияния ВПК, особенно в политической области, не есть нечто раз и навсегда данное. Это влияние может быть нарастающим или убывающим, поскольку оно — результат противоборства способствующих и противодействующих этому факторов. Исторический опыт, в том числе и приобретенный в годы разрядки международной напряженности, убедительно показывает, что в реальной жизни никакого автоматизма или фатальности возрастания роли ВПК в системе международных отношений нет. Ее нужно и можно ограничивать. Это так же верно, как верно и то, что в наше время нет фатальной неизбежности мировой войны.

Конечно, и в наши дни агрессивная сущность империализма не изменилась. Но к счастью для всего человечества, исторические условия теперь коренным образом изменились. В мире существуют мощные общественные силы, способные обуздать агрессивные тенденции империализма. Радикальные изменения в соотношении сил в мире, в том числе и военных, активная миролюбивая политика Советского Союза и других социалистических стран, усиливающаяся борьба народов против милитаризма и его проявлений в той или иной степени принуждают правящие круги империалистических стран идти на некоторые шаги в направлении к ограничению

гонки вооружений, к сокращению сферы милитаризации, а значит, и деятельности ВПК.

При этом важно отметить, что даже наиболее агрессивные круги империалистических стран, в том числе и США, хотя бы они этого или не хотят, но все более и более будут вынуждены считаться с реальностями ядерного века, со сложившимся военно-стратегическим паритетом и, конечно, с опасностью гибели цивилизации и своей собственной в случае развязывания ими ядерной войны.

Совершенно ясно, что современный капитализм может существовать и в условиях значительного уменьшения роли военно-промышленных комплексов. Возможности устойчивого ограничения их влияния возрастают. В нынешнем взаимосвязанном и взаимозависимом мире все больше набирают силу новые подходы к проблемам войны и мира, настойчиво пробивает себе дорогу новое политическое мышление, открывая перспективу для разработки и претворения в жизнь международных мер, направленных на обуздание гонки вооружений, что не может не вести к подрыву политических и экономических позиций милитаризма в капиталистическом мире.

Все это говорит о том, что при всей крайне негативной роли военно-промышленных комплексов они далеко не так всесильны, как может показаться. Ведь это же исторический факт, что при существовании и деятельности комплексов внешнеполитический курс США, ФРГ, Великобритании и других империалистических стран в послевоенный период совершал довольно существенные зигзаги — от «холодной войны» к разрядке и от разрядки опять к конфронтации и нагнетанию международной политической и военной напряженности. В современном мире, в том числе в самих империалистических странах, есть силы, способные эффективно противодействовать наиболее опасным милитаристским устремлениям ВПК и тем самым влиять на политику этих стран в сторону усиления в ней элементов реализма и здравого подхода к проблемам войны и мира.

3. Механизм функционирования ВПК

В послевоенные годы в ведущих империалистических странах сформировался современный механизм функционирования ВПК — сложная, широкоразветвленная сеть взаимодействия компонентов ВПК и распространения его влияния в капиталистическом обще-

стве. Для этого используются самые разнообразные средства и методы — от освященных буржуазным законодательством официальных и полуофициальных процедур до самых грязных финансовых махинаций, подкупа и шантажа. В ходе функционирования этого механизма уже сложились традиции взаимоотношений, каждый из компонентов выполняет свои определенные задачи.

Одной из важнейших сфер деятельности ВПК является военная экономика, закономерности развития которой в существенной степени определяют механизм функционирования комплекса. Глубокий отпечаток накладывают на него особенности работы «по заказу казны», характер и специфическое предназначение военной продукции. Необходимо подчеркнуть, что масштабы деятельности комплекса в значительной мере зависят от политики и военных заказов государства — единственного (или основного) покупателя и потребителя производимой военной продукции.

Наличие единственного покупателя военной продукции, относительная немногочисленность крупных правительственных военных программ и ограниченное количество крупных военно-промышленных корпораций придают всему механизму функционирования военной экономики специфические черты, способствуют взаимодействию поставщиков военной продукции с государственными органами, развитию партнерских отношений между ними. В военной сфере между продавцом и покупателем появляются постоянные и тесные контакты. Их связывает общая заинтересованность в расширении военного производства и создании для этого благоприятных условий, т. е. прежде всего в нагнетании международной напряженности и подхлестывании гонки вооружений.

В определении масштабов и структуры военных приготовлений существенную роль играют милитаризованные звенья государственного аппарата, и особенно военные министерства. Именно они разрабатывают исходные положения военной стратегии, составляют текущие и перспективные планы наращивания военной мощи, подготавливают решения о создании и развертывании все новых систем оружия, разрабатывают предложения к проекту военного бюджета. Борьба за военные ассигнования — это платформа теснейшего взаимодействия монополий — производителей оружия и государственных военных органов. Военный бюджет оказывает решающее влияние на размеры государственного во-

енного спроса, а следовательно, и производимой военной продукции. Ни одна военно-экономическая программа не может быть осуществлена, пока на нее не будут выделены ассигнования, поэтому решение многих проблем военного строительства связано прежде всего с военным бюджетом. В ходе его разработки, рассмотрения и утверждения ежегодно устанавливается, в каких размерах и на какие конкретные военные программы будут выделены средства.

Важно учитывать, что на формирование государственной военной политики, на определение военных потребностей империалистических государств самое активное воздействие оказывают военно-промышленные монополии. Они в тесном союзе с верхушкой военины и гражданскими руководителями милитаризованных звеньев госаппарата разрабатывают программы создания конкретных видов и систем оружия, обосновывают необходимость их принятия на вооружение в «национальных интересах», во имя обеспечения «национальной безопасности». Это важнейший канал давления со стороны ВПК на государственную политику в сторону ее нарастающей милитаризации.

В указанных целях военно-промышленные монополии активно используют обмен руководящими кадрами между высшими военными звеньями государственного аппарата и крупными военно-промышленными корпорациями, совместное участие в консультативных и иных органах и другие формы «личной унии». Известно, что военные промышленники получают крупные гражданские посты в министерствах обороны, а генералы, адмиралы и старшие офицеры — обычно из числа ведавших закупками вооружения и военной техники — после ухода с военной службы занимают высокооплачиваемые должности в военно-промышленных корпорациях. В США такой процесс получил название «вращения дверей». В послевоенный период через такие двери прошли тысячи людей. Как остроумно заметил сенатор У. Проксмайер, «вращения двери между военной промышленностью и Пентагоном не только открыты, но и крутятся с бешеной скоростью»¹¹. Все формы «личной унии» в сочетании с широким развитием лоббистской деятельности крупнейших военно-промышленных корпораций стали существенным звеном в механизме функционирования такой неформальной общности организаций и лиц, каковой является ВПК.

Важную роль в механизме взаимодействия основных

компонентов ВПК играют различные комитеты и ассоциации фабрикантов оружия. В США существует, например, Координационный комитет военно-промышленных ассоциаций, обеспечивающий постоянную связь между министерством обороны и крупными военно-промышленными корпорациями. В ФРГ большая роль в развитии связей военных концернов с государственным аппаратом принадлежит созданной в 1970 г. Рабочей группе по проблемам военной экономики, которая объединяет представителей бундесвера, министерства обороны и 27 крупнейших военных концернов этой страны.

Сложный механизм функционирования ВПК теснейшим образом связан с системой государственно-монополистического регулирования. Особенности военной экономики империалистических стран привели к тому, что в этой сфере, где наиболее отчетливо проявляется переплетение интересов монополий и государства, возникают и развиваются особые формы государственно-монополистического регулирования. В широких масштабах используются его прямые и косвенные методы, вплоть до объединения в военном производстве государственных и частных капиталов.

Формы и методы прямого — административного и законодательного — регулирования, включая разработку текущих и перспективных планов в области военного производства, носят обязательный, директивный характер и оказывают непосредственное воздействие на военную экономику. Например, в США существует закон о военном производстве, который предоставляет президенту и американскому правительству широкие права в области расширения и стимулирования развития военного производства, установления в случае необходимости первоочередности выполнения промышленностью военных заказов по системе приоритетов, накопления запасов и контроля за распределением стратегического сырья и материалов, регулирования цен и т. д.

В капиталистических странах широко применяется и такая форма непосредственного государственного воздействия, как огосударствление, т. е. прямое подчинение государству тех или иных предприятий и соответственно тех или иных секторов военной экономики, что особенно характерно для военного времени. Например, в годы второй мировой войны расширение военного производства США происходило главным образом за счет государственных капиталовложений. Доля государства в об-

щих расходах на строительство военных предприятий за 1940—1945 гг. составила около 60 %¹². Это объясняется в основном тем, что частные монополии, по-своему учитывая опыт первой мировой войны, отказывались инвестировать капитал в военные предприятия, учитывая перспективу уменьшения спроса на их продукцию после окончания войны. В этих условиях США для увеличения масштабов военного производства пошли на строительство большого количества государственных предприятий за счет федерального бюджета. С июля 1940 по июнь 1945 г. в основной капитал обрабатывающей промышленности было вложено 23 млрд долл., из которых около $\frac{3}{4}$ приходилось на долю государства. Подавляющая часть этих капиталовложений была направлена на создание специализированных предприятий, предназначенных для выпуска военной продукции. В годы второй мировой войны на государственные средства был построен 1691 военный завод, в том числе 72 по производству танков, 209 — артиллерийско-стрелкового оружия, 315 — боеприпасов, кроме того, подверглись реконструкции многие старые заводы. Большие государственные капиталовложения привели к тому, что к концу войны значительная часть новых промышленных мощностей принадлежала государству. В середине 40-х годов в его руках находилась примерно $\frac{1}{3}$ основного капитала всей обрабатывающей промышленности страны.

Быстрое увеличение абсолютных и относительных размеров принадлежащего государству основного капитала происходило главным образом за счет капиталовложений в военную сферу. Чистая стоимость принадлежащего федеральному правительству основного капитала (за вычетом амортизации) военного назначения выросла с 13,4 млрд долл. в 1940 г. до 119,4 млрд в 1945 г. (в текущих ценах), а ее удельный вес в общей стоимости основного капитала федерального правительства — соответственно с 29,1 до 75,0 %. Доля же федеральных военных активов в общем объеме государственных активов (включая активы штатов и местных органов власти) выросла с 10,1 % в 1940 г. до 50,8 % в 1945 г.

После второй мировой войны подавляющая часть государственной собственности в форме предприятий, оборудования и другого имущества была продана частным корпорациям. Такая распродажа была в сущности формированием и расширением сферы частного капитала в американском ВПК. При этом 70 % государ-

ственных предприятий, находившихся в эксплуатации монополий, были проданы по цене в 2—3 раза ниже их действительной стоимости. Американское государство в широких масштабах и на весьма льготных условиях предоставляет частным поставщикам военной продукции государственные сооружения и оборудование, а также сдает в аренду десятки предприятий, находящихся в собственности Пентагона. В итоге частный сектор занял господствующие позиции в американском военном производстве.

Значительно больше размеры государственного сектора в военной промышленности ряда стран Западной Европы. Во Франции, Великобритании и Италии государственные и смешанные государственно-частные фирмы играют важнейшую роль в разработке и производстве вооружения и военной техники.

В странах империализма широкое распространение получила практика участия государства в формировании, расширении и модернизации основных производственных фондов поставщиков военной продукции путем погашения всех (или большей части) соответствующих расходов военно-промышленных корпораций. Военные министерства оказывают частным производителям военной продукции финансовую помощь для приобретения отдельных видов специализированного оборудования, строительства или переоснащения некоторых промышленных предприятий, предназначенных для выполнения военных заказов. Важной формой участия государства в решении проблем формирования оборотного капитала военных поставщиков являются системы «авансовых» и «прогрессивных» платежей, специальные дотации.

В целом существующая система финансово-экономических взаимоотношений между государством и частными поставщиками военной продукции, в том числе форма оплаты военных контрактов и аренды государственных средств производства, приводит к тому, что в США в среднем около половины основного и до 90 % оборотного капитала военных подрядчиков формируется за счет средств федерального бюджета. При этом в наибольшей степени государственными материальными и финансовыми ресурсами пользуются крупнейшие военно-промышленные фирмы.

В условиях господства частной собственности на средства производства возможности государства регулировать развитие военной экономики методами ее прямо-

го подчинения ограничены. Поэтому для государственно-монополистического регулирования военной экономики буржуазные государства используют в основном косвенные формы и методы, в частности различные финансово-экономические рычаги. Они играют перво-степенную роль в регулировании развития военной экономики и основываются на использовании системы экономических стимулов, предусматривающих материальную заинтересованность и материальную ответственность за выполнение программ военного производства. Эти методы широко используются в регулировании военной экономики, организации, поддержании и развитии военного производства в мирное время, в условиях мобилизационной подготовки, наконец, в переводе всей экономики на военные рельсы в период войны. Среди финансово-экономических рычагов государственного регулирования военной экономики следует особо выделить размещение высокоприбыльных военных контрактов, предоставление монополиям субсидий, кредитов и права ускоренной амортизации основного капитала.

Система ускоренной амортизации основного капитала была применена впервые в годы первой мировой войны, но широкое распространение она получила в годы второй мировой войны и до сих пор остается по существу скрытой формой субсидирования военно-промышленных фирм. Формально система ускоренной амортизации предоставляет монополиям право за счет налоговых льгот списать стоимость основного капитала за более короткий срок, чем средняя продолжительность жизни оборудования. Но кроме налоговых льгот эта система приводит к искусственному завышению издержек производства, вздуванию цен на военные товары и тем самым способствует увеличению прибылей корпораций за счет государственного бюджета.

В механизме функционирования ВПК важную роль играет такой фактор, как отсутствие открытого рынка военных товаров. В противоположность гражданским отраслям, продукция которых реализуется после ее производства, военно-промышленные корпорации приступают к изготовлению специфических военных товаров (ракет, самолетов, кораблей, танков и др.) после получения заказа от правительственных органов на поставку военной продукции и тем самым имеют гарантированный рынок. Через контрактную систему устанавливаются прочные и тесные связи между производителями и потребителями военной продукции.

Система военной контрактации является не только важным рычагом государственно-монополистического регулирования военной экономики, но и основой разносторонних связей и партнерских взаимоотношений военного бизнеса и государственных военных органов. Именно посредством установления объема, структуры и географического распределения военных заказов государство — основной покупатель военной продукции — оказывает определяющее влияние на развитие военного производства. При заключении военных контрактов предварительно оговариваются не только объем и структура, но и подробная характеристика и качество военной продукции. Таким образом, буржуазные государства, как правило, через свои военные министерства и военнo-штабные органы имеют возможность вмешиваться в производственный процесс, навязывать поставщикам оружия и боевой техники свои требования и контролировать их.

Государство заключает контракт на выполнение военного заказа, как правило, с одним головным подрядчиком, возлагая на него финансово-экономическую и организационную ответственность за выполнение заказа в целом. Одновременно государство в обязательном порядке требует от головного подрядчика передачи значительной части заказа субподрядчикам. На долю субподрядчиков первого, второго и т. д. порядка часто приходится 50—60 % общей стоимости заказа. Система «головной подрядчик — субподрядчик — поставщики» позволяет увязать воедино экономические, технические и производственные возможности многочисленных фирм и финансовые ресурсы государства для выполнения технически сложных и капиталоемких военных заказов. Такая система организации военной контрактации привела к тому, что административно-хозяйственные функции по руководству исполнению военных контрактов в основном находятся в руках головных подрядчиков. Последние получили большую свободу не только в выработке выгодных для них финансовых условий контрактов, но и в организации работ, в выборе субподрядчиков и субпоставщиков. Если за выполнение военного заказа перед государством отвечает головной подрядчик, то перед последним несут ответственность его субподрядчики, поставляющие компоненты, части, детали и т. д.

Военные министерства ежегодно заключают десятки тысяч контрактов с частными фирмами на поставки вооружения и военной техники, на проведение НИОКР,

строительство военных объектов и осуществление многих других видов работ военного назначения. Военный контракт представляет собой документ, регулирующий экономические, правовые, организационно-технические, иные отношения между военными министерствами и частными производителями военной продукции. При заключении контрактов устанавливаются их стоимость, запланированная норма прибыли, порядок финансирования (авансовые платежи и полная оплата работ) и другие условия выполнения заказа. Через механизм военной контрактации буржуазные государства оказывают воздействие на масштабы и структуру военной экономики, ее географическое размещение, на ход реализации отдельных военных программ, качественные характеристики выпускаемой военной продукции и т. д.

Большую роль в государственно-монополистическом регулировании военной экономики играет система образования цен на военную продукцию. Такой процесс ценообразования происходит под воздействием интересов, нередко конфликтных, государства и частных компаний. Буржуазное государство стремится использовать политику и практику ценообразования для стимулирования участия частного капитала в военном производстве, ускорения научно-технического прогресса, улучшения качества вооружения, снижения цен на военные поставки и повышения эффективности военных затрат. Частные же поставщики военной продукции в корыстных целях всячески добиваются искусственного взвинчивания цен и увеличения своих прибылей. Высокий уровень монополизации военного производства позволяет частному сектору брать верх в переговорах с военными ведомствами по конкретным условиям выполнения военных контрактов, добиваться их высокой прибыльности.

Возможности такого хода и исхода переговоров связаны с тем, что на военном рынке практически отсутствует стихийное колебание цен под влиянием спроса и предложения. Цены на военную продукцию устанавливаются не по законам обычного открытого рынка, а в основном при переговорах между представителями правительства и корпорациями. Ограниченное влияние конкуренции на ценообразование используется военными поставщиками для вздувания цен, обогащения за счет казны. В условиях борьбы за военно-техническое превосходство и повышения требований к качеству военной продукции прочность позиций корпораций в сфере во-

енного производства зависит главным образом от их возможности производить технически сложную продукцию необходимого качества и в нужные сроки, от наличия у них высококвалифицированных кадров, от их прошлого опыта в выполнении военных заказов и успехов в проведении научно-исследовательских работ в военных целях, а также от связей с военными и другими органами государственной власти.

Принципиальную важность имеет проблема доходности военного бизнеса, роль прибыли как средства государственного регулирования военной промышленности. В военном производстве особенно наглядно проявляется действие основного экономического закона капитализма — получение максимальной прибыли. Норма прибыли военно-промышленных корпораций, как правило, значительно выше по сравнению с фирмами, выпускающими гражданскую продукцию. Фабриканты оружия стремятся увеличить как норму, так и массу прибыли.

В целях повышения эффективности функционирования военной экономики, расширения частных капиталовложений в этой области буржуазные правительства со своей стороны при заключении военных контрактов активно используют систему регулирования нормы прибыли. Крупнейшие поставщики военной продукции не только стремятся к такому прямому росту доходности своих операций по военным контрактам, но и получают от государства большие финансовые и экономические льготы, служащие источником дополнительных прибылей: щедрые авансовые платежи, бесплатное использование результатов НИОКР, выполненных в государственных научно-исследовательских центрах, возможность манипулировать сроками поставок, компенсация перерасходов (нередко неоправданных), первоочередное снабжение дефицитными материалами и т. д.

Было бы, однако, ошибочным полагать, что между компонентами ВПК и внутри каждого из них царит гармония отношений. Это далеко не так. Функционирование ВПК неразрывно связано с конкурентной борьбой между военно-промышленными монополиями за выгодные государственные заказы, за внешние рынки сбыта военной продукции. Обычным делом является и соперничество между различными звеньями государственного аппарата, связанными с военными приготовлениями, а также между высшим командованием армии, ВВС и ВМС. При всей общности интересов империалистического военного госаппарата и военно-промышленных

корпораций между ними нередко возникают трения и конфликты, сопровождающиеся шумными скандалами и даже судебными разбирательствами, особенно когда выплывают наружу и становятся достоянием гласности факты казнокрадства и надувательства государства со стороны монополий — производителей вооружений. Сегодня по-прежнему актуальны слова В. И. Ленина о том, что «капиталистическое хозяйство «на войну» (т. е. хозяйство, связанное прямо или косвенно с военными поставками) есть систематическое, узаконенное *казнокрадство*»¹³.

К такому казнокрадству причастны не только специализированные военно-промышленные корпорации, но и некоторые другие монополии, для которых производство военной продукции не является основным бизнесом. Крупные военные заказы получают нефтяные и строительные компании, корпорации, специализирующиеся на предоставлении различного рода услуг в области военных приготовлений. И каждая из них норовит урвать у государства как можно больший куш.

Говоря о высокой прибыльности военных заказов, не следует абсолютизировать «выгоды» и «привлекательность» военного бизнеса для деловых кругов капиталистических стран. Усиление конкуренции между военно-промышленными фирмами за получение военных заказов и совершенствование существующей системы государственного финансового контроля за деятельностью поставщиков военной продукции ставят определенные преграды и пределы на пути увеличения нормы и массы военных прибылей.

Подчеркивая опасное возрастание роли и влияния ВПК, важно вместе с тем учитывать, что конкретные экономические и иные мотивы, которыми руководствуются в ходе гонки вооружений различные группы монополистического капитала, политические группировки, различные слои населения, могут существенно различаться как в отдельные периоды, так и в долгосрочном плане. В определенных условиях это может приводить к обострению конфликтных интересов ВПК и других фракций правящего класса, которые либо совсем не участвуют в военном бизнесе, либо вовлечены в него в незначительной степени и поэтому с реалистических позиций оценивают политические и социально-экономические последствия безудержного милитаризма. Так, сверхприбыли военного бизнеса нередко вызывают выступления буржуазных деятелей и группировок с крити-

кой деятельности ВПК, с требованиями ограничить масштабы военных приготовлений. Однако такие требования зачастую натываются на решительное противодействие ВПК. Разнообразен арсенал средств такого противодействия, способов и каналов влияния ВПК на политическую и экономическую жизнь империалистических государств.

Усилению влияния ВПК способствует то, что новые витки гонки вооружений, раздувание военных бюджетов предоставляют в его распоряжение огромные дополнительные ресурсы, укрепляющие позиции военно-промышленных кругов. В этом же направлении действуют некоторые особенности современного научно-технического развития. Поскольку целый ряд крупных систем оружия, например авианосцы, атомные подводные лодки, тяжелые самолеты и др., в силу их огромной технической сложности могут производиться лишь на единичных специализированных частных предприятиях, военно-промышленные монополии получают возможность навязывать свои условия правительствам, активно воздействовать на военно-техническую политику, на программы производства вооружений.

Вовлекая в военное производство миллионы рабочих и служащих, военно-промышленные монополии стремятся внушить им мысль, что производство орудий смерти является столь же правомерным источником дохода, как и производство гражданской продукции. Рекламируя «достоинства» военного производства с точки зрения занятости и подкупая квалифицированных специалистов, военно-промышленные монополии пытаются расширить и укрепить свою социальную базу.

С целью нейтрализовать общественно-политические силы в США и других странах НАТО, противодействующие росту влияния ВПК, в 80-х годах там приведен в действие идеологический аппарат, активно используются средства массовой информации для раздувания пропагандистской кампании о «советской военной угрозе». В результате реакционным кругам, особенно в США, удалось всколыхнуть среди определенной части населения шовинистические, ура-патриотические, милитаристские настроения. Имея в виду дальнейшее укрепление своих позиций, военно-промышленные комплексы всячески препятствуют оздоровлению международной обстановки, подстегивают гонку вооружений, противодействуют любым шагам в направлении разоружения и даже ограничения производства средств массо-

вого уничтожения. Ведущиеся ими пропагандистские и идеологические кампании направлены не только против социалистических стран, но и против всех миролюбивых сил планеты. Ограничивать масштабы и негативные для дела мира последствия деятельности ВПК — значит бороться за предотвращение ядерной катастрофы.

Одной из важных предпосылок успеха такой борьбы является понимание той истины, что позиции ВПК в политике и экономике империалистических государств не незыблемы. Укрепление или ослабление этих позиций возникает в острой общественно-политической борьбе, в борьбе противоречий: между ВПК как одной из группировок правящего класса с другими его фракциями, между интересами широких народных масс и агрессивными кругами монополистической буржуазии, а рассматривая вопрос в широком плане — между силами мира и силами войны на мировой арене.

В борьбе против исходящей от ВПК угрозы миру и безопасности народов немалое значение имеет тот факт, что политика империалистического государства, в том числе и его военная политика, формируется и реализуется под воздействием хода и результатов непрерывно происходящей внутри правящего класса борьбы двух тенденций, на которую неоднократно указывал В. И. Ленин. На рубеже 80-х годов верх в этой борьбе в силу многих причин внутреннего и международного характера на какое-то время одержала агрессивная, милитаристская тенденция. Но умеренная тенденция не исчезла, как не исчезли те круги господствующего класса западных стран, которые обладают способностью трезво оценить реальности современного мира, понять опасность и в конечном счете историческую бесперспективность милитаристского политического курса. Большие потенциальные возможности для усиления борьбы против ВПК связаны и с тем, что его деятельность, направленная на материальную подготовку войны, слом военно-стратегического равновесия, в корне противоречит подлинным жизненным интересам всех народов.

В авангарде широкого фронта сил, борющихся за мир и социальный прогресс, уверенно идут Советский Союз и другие социалистические страны. XXVII съезд КПСС выдвинул новую реалистическую программу и разработал принципиальные основы создания всеобъемлющей системы международной безопасности. Глубокая приверженность социалистических стран идеалам мира,

социальной справедливости отвечает коренным чаяниям и потребностям подавляющего большинства человечества. В своей внешней политике они последовательно и инициативно выступают за уменьшение международной напряженности, за ограничение и прекращение гонки вооружений на основе принципа равенства и одинаковой безопасности, за прочный мир на Земле.

Советский Союз и его союзники никогда не стремились и не стремятся к военному превосходству, они считают, что для обеспечения безопасности необходимо сохранение примерного равенства военных сил при снижении уровня ядерных потенциалов противостоящих сторон, который сейчас непомерно высок.

Советский Союз и другие страны Организации Варшавского Договора неоднократно заявляли, что они никогда и никому не позволят сломать сложившееся военно-стратегическое равновесие. СССР и другие братские социалистические страны являются главной моральной и материальной силой, оберегающей мир от ядерной катастрофы, угроза которой исходит от наиболее реакционных и агрессивных кругов империализма — его военно-промышленных комплексов.

ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА ВПК

Современное капиталистическое военное производство — экономическая база возникновения и деятельности военно-промышленных комплексов империалистических государств, источник как нарастающего выпуска средств поражения живой силы и техники, так и высоких доходов для «фабрикантов смерти».

1. Масштабы и структура военного производства

Материальной основой милитаризма служит капиталистическое военное производство. В узком смысле — это производство конечной военной продукции, потребляемой вооруженными силами, — оружия и военной техники, средств связи, управления и разведки, боеприпасов и горюче-смазочных материалов, предметов вещевого и продовольственного обеспечения личного состава. В широком смысле — это еще и выпуск средств производства, необходимых для создания конечной военной продукции, — стратегического сырья, конструкционных материалов, топлива, электроэнергии, машин и оборудования для военных предприятий и т. д., а также предметов потребления для работников, занятых изготовлением этой продукции.

В целом номенклатура закупаемых в странах НАТО товаров военного назначения составляет миллионы наименований. Однако центральное место в ней занимают средства непосредственного истребления людей и уничтожения материальных ценностей, техника доставки этих средств к местам их применения. В функциональном, да и в технико-технологическом отношении данные товары в наибольшей степени отличаются от продукции гражданских секторов экономики. Эта специфика проявляется и в стоимостном, и в натурально-вещественном отношениях.

Развязанная и подстегиваемая империализмом гонка

вооружений привела к созданию в странах НАТО мощного постоянно действующего военного сектора капиталистического хозяйства, экономически обеспечивающего наращивание и использование военной мощи. В удовлетворении быстро растущих материальных потребностей вооруженных сил, в изготовлении разнообразных товаров военного назначения в той или иной степени и форме участвует подавляющее большинство отраслей экономики этих стран. В современных условиях все более интенсивного применения в военных целях достижений научно-технической революции заметно усиливаются и усложняются связи военного производства с капиталистической экономикой в целом. Подтверждаются слова Ф. Энгельса в письме Н. Даниельсону: «С того момента как военное дело стало одной из отраслей крупной промышленности (броненосные суда, нарезная артиллерия, скорострельные орудия... бездымный порох и т. д.), крупная промышленность, без которой все это не может быть изготовлено, стала политической необходимостью. Все это нельзя производить без высокоразвитой металлообрабатывающей промышленности, а эта промышленность не может существовать без соответствующего развития всех других отраслей промышленности...»¹

В настоящее время свою продукцию военным министерствам стран — членов НАТО поставляют предприятия добывающей промышленности и энергетики, лесного и сельского хозяйства. Услуги военным ведомствам оказывают предприятия транспорта и связи, строительные и торговые организации. Однако подавляющая часть закупаемой в странах Североатлантического блока военной продукции производится отраслями обрабатывающей промышленности, и в первую очередь теми из них, которые выпускают конечную военную продукцию по государственным заказам.

Наиболее милитаризованными отраслями промышленности стран НАТО, своеобразным «костяком» их военного производства являются авиаракетостроение, производство космической и радиоэлектронной техники, судостроение, производство бронетанковой техники, артиллерийского и стрелкового вооружения. На их долю регулярно приходится большая часть закупаемой военными ведомствами продукции: в США — 60—65 %, в ФРГ — более 75, в Великобритании — 65—70 %. Аналогично обстоит дело и во Франции. Именно эти отрасли наиболее тесно связаны с военными приготовлениями империализма, и именно к ним относятся основные

предприятия ведущих военных поставщиков стран НАТО — «Дженерал дайнэмикс», «Макдоннелл-Дуглас», «Дженерал электрик», «Юнайтед технолоджиз», «Локхид», «Боинг» (США), «Мессершмитт-Бёльков-Блом», «Даймлер-Бенц», «Сименс» (ФРГ), «Бритиш аэроспейс», «Дженерал электрик», «Плесси» (Великобритания), «Аэропасиаль», «Марсель Дассо-Бреге», «Матра» (Франция), ФИАТ (Италия).

Стремление ВПК США и их основных партнеров лидировать в военных приготовлениях ведет к количественным и качественным сдвигам в военном производстве стран — участниц блока. Это нашло свое выражение в заметном, особенно в последние годы, росте того, что можно (по аналогии с общими характеристиками капиталистического производства, сформулированными К. Марксом) назвать техническим строением вооруженных сил, т. е. отношением совокупности всех материально-технических средств обеспечения военной деятельности к численности вооруженных сил и других военных формирований. Существенно увеличилась доля затрат на разработку и производство вооружения и военной техники в общей значительно возросшей массе военных расходов. Так, если в 1977 финансовом г. США израсходовали на закупки вооружения и военной техники, исследования и разработки военного профиля, военное строительство, совершенствование ядерного оружия (так называемая «военная деятельность в области ядерной энергии») 32,4 млрд долл., или 33,2 % всех средств, затраченных на «оборонные цели» по военной статье государственного бюджета, то в 1984 финансовом г. эта сумма возросла до 94,8 млрд долл., или 41,7 %. В 1985 и 1986 финансовых гг. она составила соответственно 108,8 и 121,3 млрд долл., или 43,1 и 44,4 %, а в 1987 финансовом г. на наращивание технического компонента американской военной мощи выделено 129,3 млрд долл., или 45,8 %. ВПК добивается дальнейшего роста (в абсолютном и относительном выражении) затрат на его наращивание. Эти данные свидетельствуют о крупных и растущих масштабах американского военного производства.

На развитие военного производства США значительное влияние оказывает «программа перевооружения Америки», работы по реализации которой развернулись в 80-х годах. В рамках этой программы центральное место занимает ускоренное наращивание стратегических ядерных вооружений. В настоящее время феде-

ральным правительством закупаются межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) МХ, баллистические ракеты на подводных лодках (БРПЛ) «Трайидент-1», стратегические бомбардировщики В-1В. В ближайшем будущем планируется начать производство МБР «Миджитмэн», БРПЛ «Трайидент-2», бомбардировщиков «Стелс». К числу особо важных относятся также программы производства крылатых ракет большой дальности воздушного и морского базирования. Продолжаются работы по созданию новых, более мощных видов химического оружия, в том числе бинарных боеприпасов.

С конца 70-х годов в стране идет широкомасштабная модернизация «обычных» вооружений. В числе приоритетных — программы приобретения новейших истребителей F-15, F-16 и F-18, штурмовиков А-10, танков М-1 «Абрамс», боевых машин пехоты «Бредли», вертолетов огневой поддержки АН-64А, зенитных и противотанковых ракетных систем, различных разведывательно-ударных комплексов (например, «Ассолт брейкер»). Перевооружение ВМС США — это программа существенного увеличения численности боевых кораблей и повышения их боевой мощи. Закупки атомных ракетных подводных лодок (класса «Огайо») и ударных атомных подводных лодок (класса «Лос-Анджелес»), ракетных крейсеров (типа «Тикондерога»), новых атомных авианосцев, других боевых кораблей (включая модернизацию четырех линкоров) призваны обеспечить дальнейшее усиление военно-морского флота. Значительные средства расходуются на укрепление материальной части сил быстрого развертывания, оснащению их новыми средствами переброски (авиационными и морскими) и ведения боевых операций (новыми танками, артиллерийскими и ракетными системами, вертолетами). Создаются базы снабжения этих сил, накапливаются запасы боеприпасов, топлива, снаряжения.

Все большее внимание в США уделяется совершенствованию систем командования, контроля, связи и разведки. С помощью этих систем стратеги Пентагона рассчитывают существенно повысить эффективность своих как ядерных, так и обычных вооружений. Ведется отработка единой системы управления вооруженными силами в условиях глобального и регионального конфликтов.

В последние годы началось создание научно-технической и материальной базы для реализации нового на-

правления гонки вооружений, получившего в официальных кругах США наименование «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). В рамках этой программы «звездных войн» ведутся исследования и разработки с целью создания ударного космического оружия, основанного как на традиционных, так и на новых физических принципах (лазерное, пучковое оружие и др.).

Тенденции расширения военного производства характерны и для других ведущих стран НАТО. В ФРГ, например, военные расходы за последнее десятилетие возросли более чем на $\frac{1}{3}$ — с 33,5 млрд марок в 1977 г. до 51,3 млрд в 1987 г. Особенно быстрыми темпами росли средства, выделяемые на закупки авиационной и ракетной техники, танков и бронетранспортеров, различных электронных систем и боевых кораблей. Новый импульс развитию западногерманского военного производства дала принятая в 1984 г. долгосрочная программа «переворужения» бундесвера. В соответствии с ней только на закупки новейших систем вооружения и военной техники в ФРГ предполагается израсходовать в ближайшие 12 лет 240 млрд марок. В рамках данной программы, которая должна обеспечить дальнейшее наращивание мощи бундесвера — ударной силы НАТО в Европе, планируется осуществить переоснащение бронетанковых соединений страны танками следующего поколения — «Леопард-3», принять на вооружение ряд новых артиллерийских систем и ракетных комплексов, приобрести истребитель следующего поколения (разработку его предполагается вести совместно с Великобританией и Италией), вертолеты различного назначения, несколько типов боевых кораблей. Все большие суммы будут выделяться на создание систем управления и связи.

В Великобритании при общем более чем двукратном росте военных расходов — с 7,5 млрд ф. ст. в 1979 финансовом г. до 18,1 млрд ф. ст. в 1986 финансовом г. — доля затрат на разработку и производство вооружения и военной техники возросла с 40,0 до 50,1 %. При этом подавляющая часть средств была израсходована на приобретение продукции, производимой предприятиями страны (самостоятельно или в рамках кооперации с другими государствами Западной Европы). Являясь ядерной державой, Великобритания значительную часть средств выделяет на совершенствование ракетно-ядерного оружия. В стране закончена реализация программы «Шевалин» — модернизация головной части ракет «По-

ларис А-3», а в дальнейшем (в конце 80-х — начале 90-х годов) планируется замена подводных лодок, оснащенных этими ракетами, подводными лодками с ракетами «Трайидент» американского производства. В условиях, когда военные функции Великобритании как члена НАТО во многом связаны с обеспечением морских коммуникаций в северо-восточной части Атлантического океана, значительное внимание военного министерства уделяется программам наращивания ВМС, создания морских и авиационных средств вооруженной борьбы на океанском театре военных действий. В последние годы это были, в частности, программы строительства противолодочных авианосцев класса «Инвинсибл» (завершена в 1984 г.), ударных атомных подводных лодок класса «Свифтшур», эсминцев типа «42» и др. Заметное место в структуре военных расходов Великобритании занимают затраты на модернизацию самолетов вертикального взлета и посадки «Си Харриер», приобретение палубных вертолетов «Си Кинг», вертолетов противолодочной обороны «Линкс», зенитных ракетных комплексов «Си Вулф». Значительная часть средств английского военного бюджета идет также на укрепление материальной части британской Рейнской армии — важного компонента военной группировки блока НАТО в Центральной Европе, в том числе на закупки многоцелевых истребителей «Торнадо», танков «Челленджер», боевых машин пехоты МВТ-80, ряда артиллерийских систем и т. д.

Существенно увеличились соответствующие расходы Франции. Если в 1977 г. на военные НИОКР, закупки и строительство был израсходован 41 % всех военных затрат страны, то в 1986 г. эта доля достигла 47,7 %, или 83,3 млрд франков, а в 1987 г. — 50,7 %, или 85,8 млрд. Центральное место в структуре военных расходов Франции занимают программы усиления ядерного потенциала страны, на долю которых регулярно приходится 30—40 % всех затрат, выделяемых на техническое оснащение вооруженных сил. В 1987 г. была принята Пятилетняя программа ускоренного наращивания технического компонента французской военной мощи. В рамках этой программы, стоимость которой оценивается более чем в 470 млрд франков, должны быть построены новые и переоборудованы действующие атомные подводные лодки-ракетоносцы, модернизированы самолеты «Мираж-4» (они должны быть также переоснащены новыми ядерными ракетами класса «воздух — земля»), приняты на вооружение тактические

ракетные комплексы «Гадес» с ядерными боеголовками и т. д. Значительные средства выделяются на разработку и производство новых «обычных» систем оружия. В ближайшие 5—6 лет наибольшее внимание будет уделяться, в частности, программам создания вертолетов огневой поддержки, танков, ракетных систем залпового огня, зенитных и противотанковых ракетных комплексов, средств управления боевыми операциями.

Наряду с широкомасштабными военными программами США и их союзники осуществляют модернизацию и расширение своей военно-промышленной базы, обновление производственного аппарата военных предприятий. Значительные средства расходуются на разработку и освоение новейшей технологии, наращивание мощностей у субподрядчиков и поставщиков комплектующих узлов и деталей систем оружия. В странах НАТО реализуются финансируемые правительствами разнообразные научно-исследовательские программы, в рамках которых осуществляется создание новых, высокопроизводительных средств производства. Если учесть, что основную роль в реализации этих программ играют, как правило, ведущие военно-промышленные корпорации, то становится ясно, что подобные программы способствуют росту объема военного производства и одновременно укреплению финансово-экономического положения корпораций — производителей и торговцев оружием.

Обширность рынка товаров военного назначения, несомненно, благоприятствует деятельности крупных предприятий, выпускающих эту продукцию, концентрации и централизации капитала, процветанию монополистических объединений, в существенной мере или преимущественно специализирующихся на производстве вооружений.

Важным обстоятельством, характеризующим функционирование современного капиталистического военного производства и благоприятствующим усилению военно-промышленных комплексов, является интенсивное развитие вооружения и военной техники. Непрерывный и ускоряющийся процесс совершенствования вооружений, повышение их боевой «эффективности» с необходимостью ведут к ускорению их «морального износа», что придает новый импульс гонке вооружений.

Развитие вооружения и военной техники характеризуется стремительным повышением их тактико-технических характеристик (в которых и проявляется потреби-

тельная стоимость военных товаров). Растут скорость, мощность, дальность и точность оружия, увеличиваются выдерживаемые им перегрузки и диапазоны температурных колебаний. Все более высокие требования предъявляются к его надежности и эффективности управления в боевых условиях (включая быстроедействие, способность к перенацеливанию, противодействие помехам и т. д.). Все это ведет к дальнейшему усложнению вооружения и военной техники, к прогрессирующему преобразованию многих средств вооруженной борьбы в крупные системы оружия, специализированные по целям и задачам, видам боевых действий, разнообразным ландшафтно-географическим зонам и природным средам, в том числе новым (например, для использования в космическом пространстве).

Современная система оружия — это прежде всего интегрированный военно-технический комплекс, состоящий из боевого средства (например, ракета или бомбардировщик), обеспечивающего и вспомогательного оборудования (стационарные сооружения, устройства навигации, наведения, связи, сбора и обработки информации, средства управления, материально-технического обеспечения и некоторые другие). Все компоненты системы оружия связаны единством целевого назначения.

США и их партнеры по НАТО активизировали работы по созданию военно-технических комплексов повышенной сложности, что резко усиливает опасность выхода оружия из-под контроля. Теория «супероружия» лежит в основе многих реализуемых ныне программ разработок и производства ракетных и авиационных систем, боевых кораблей и танков. Эти системы обильно насыщаются оптическими и инфракрасными сенсорными устройствами, новейшими радиолокационными приборами. При их создании используются технологии, снижающие вероятность радиолокационного обнаружения (технология «Стелс») и обеспечивающие возможность движения по так называемым «непредсказуемым» траекториям (это относится в первую очередь к крылатым ракетам большой дальности). Особенно велика в них доля электронных компонентов, микрокомпьютеров. В частности, затраты на электронику в цене современных ракетных систем доходят до 75 %.

В последние годы заметно возрос уровень координации в использовании систем оружия. В странах НАТО создаются комплексы систем, объединенных одним функциональным назначением. Примерами могут служить

разведывательно-ударные комплексы, состоящие из целого ряда разведывательных (спутники-разведчики, самолеты электронной разведки, системы разведки наземного базирования) и поражающих (тактические и оперативно-тактические ракетные системы, самолеты тактической авиации, армейские вертолеты) элементов. Предназначенные для нанесения ударов на большую глубину, эти комплексы разрабатываются с учетом их тесного взаимодействия с американской спутниковой навигационной системой «Нэвстар», которая должна сыграть важнейшую роль в наведении поражающих элементов на малоразмерные цели. Требования комбинированного, согласованного применения всех компонентов военной мощи империалистических государств учитываются при создании большинства военно-технических комплексов. По мнению советских ученых Е. Велихова и А. Кокошина, эти изменения свидетельствуют о развитии отдельных средств ведения войны в своего рода военную техносферу².

С ростом сложности военной техники растет и ее стоимость. Цена новых систем, как правило, в несколько раз превышает цену систем предыдущего поколения. Так, если в конце 60-х годов на закупку одного стратегического бомбардировщика В-52 США тратили менее 8 млн долл., то бомбардировщик нового поколения В-1В стоит 280 млн долл. В 70-х годах на закупку одной межконтинентальной баллистической ракеты «Минитмен-3» выделялось немногим более 9 млн долл. В настоящее же время цена новой ракеты аналогичного класса МХ превышает 70 млн долл. Боевой танк М-1 почти в 3 раза дороже своего предшественника М-60А3, цена танка «Леопард-2» почти в 2 раза выше, чем танка «Леопард», а палубный истребитель «Харриер» стоит в 4 раза больше самолета «Хантер», который он заменил.

О масштабах программ разработок и производства крупных систем оружия и, следовательно, их прибыльности для военно-промышленных корпораций говорят следующие данные. Из публикуемых министерством обороны США данных о приобретении систем оружия следует, что на выполнение только 91 особо крупной и важной программы военные ведомства намерены израсходовать более 750 млрд долл. При этом, наращивая ядерные силы, они предполагают затратить на: создание ракет МХ — 20,8 млрд долл., разработку и производство атомных подводных лодок с ядерными ракетами «Трайидент» — 51,1 млрд, стратегических бомбарди-

ровщиков В-1В — 26,8 млрд, крылатых ракет «Томагавк» — 13 млрд долл.³

Однако в сравнении с затратами на реализацию программы космического вооружения Америки эти расходы кажутся не столь уж значительными. По предварительным оценкам, программа «звездных войн» обойдется американским налогоплательщикам в 1 трлн долл. и больше. Характеризуя «стратегическую оборонную инициативу», бывший заместитель министра обороны США Р. Делозер заявил: «В случае развертывания новых систем конгресс будет потрясен их стоимостью»⁴.

В ФРГ стоимость программ закупок 322 истребителей «Торнадо» составляет 25 млрд марок, 4,5 тыс. бронетранспортеров — 12 млрд, 1800 танков типа «Леопард-2» — 7 млрд, 6 фрегатов и 18 подводных лодок — почти 10 млрд марок.

В Великобритании на приобретение ракетной системы для подводных лодок «Трайдект» предполагается израсходовать 10 млрд ф. ст., свыше 11 млрд ф. ст. расходуется на многоцелевые истребители «Торнадо», около 3 млрд ф. ст. — на комплексы вооружений для сухопутных войск и т. д.

Прогрессирующее усложнение систем оружия сопровождается также заметным удлинением сроков их создания. Так, например, в 70-х годах на разработку оружия для армии США шло в среднем в 2 раза больше времени, чем в годы второй мировой войны. Возросли и сроки выполнения программ производства вооружения и военной техники, что во многом связано с проблемами подготовки соответствующей материальной базы.

Интенсивное совершенствование систем оружия, рост требований к их тактико-техническим характеристикам сопровождаются значительными качественными изменениями в средствах производства, существенная часть которых может теперь применяться исключительно или преимущественно в военном секторе экономики. Быстро увеличивается номенклатура конструкционных материалов, используемых при производстве вооружения и военной техники. Расширяется практика их комбинированного применения. Особенно большое распространение в последние десятилетия получили композиционные материалы, создаваемые путем заполнения матричных решеток (из металла, пластмасс, стекла, смол и т. д.) специальными армирующими волокнами или частицами (стеклянными, кварцевыми, поликристаллическими, многофазными и др.). Выбор решетки

и наполнителя осуществляется целенаправленно, с тем чтобы обеспечить получение материала с заданными свойствами, соответствующими особым режимам функционирования военной техники. В настоящее время композиционные материалы играют решающую роль в производстве космической, ракетной, авиационной, бронетанковой техники, боевых кораблей.

Непрерывно совершенствуются и орудия труда. В изготовлении систем оружия применяются новейшие средства и методы обработки материалов, соответствующие как их все более сложному характеру, так и специфическим требованиям, предъявляемым к качеству военных изделий, их техническим параметрам (лазерная, электроискровая, электрохимическая технология обработки, химическое фрезерование, электронно-лучевая, плазменная, диффузионная сварка и т. д.). Сегодня ряд предприятий (их число быстро растет) крупнейших поставщиков авиационной и ракетно-космической техники США, Японии, ведущих западноевропейских стран НАТО практически полностью автоматизированы. На них широко используются робототехника, гибкие структуры.

Возрастает роль в производственном процессе систем технического контроля. Многочисленные электронные тестеры, рентгеноскопическая техника, датчики повышенной чувствительности встраиваются в технологические линии с тем, чтобы обеспечить соответствие военных изделий специально установленным военными ведомствами стандартам качества и надежности (которые становятся все более жесткими). Однако в условиях небывало возросшей сложности систем оружия все эти технически совершенные средства контроля не всегда в состоянии вовремя выявить отклонения от стандартов, некоторые из важнейших компонентов оказываются необследованными, что приводит к отказам систем (случай гибели космического корабля многоразового пользования «Чэлленджер», пожалуй, наиболее разительное и драматическое свидетельство ненадежности технического контроля за состоянием сверхсложных систем).

Объективные процессы усложнения и удорожания военной техники, рост капитальных затрат на единицу выпускаемой военной продукции обуславливают существование своеобразного «финансового и научного порога» для участия корпораций в военном производстве. Только переступив его, фирма может рассчитывать на крупный контракт военного ведомства. Наличие этого «порога» приводит к тому, что подавляющая часть

наиболее выгодных, так называемых «первичных», заказов на создание крупных систем оружия достается прежде всего ведущим военно-промышленным монополиям. Интенсивное изменение систем оружия — одна из важнейших черт современной гонки вооружений — служит, таким образом, укреплению лидирующего положения «китов» военного бизнеса. Последовательная смена поколений этих систем является фактором, способствующим дальнейшей концентрации военного производства в руках немногочисленной группы военно-промышленных монополий.

Являясь сложнейшими образцами военной техники, системы оружия отличаются высокой степенью автоматизации управления, насыщенностью электронной аппаратурой, сочетанием прецизионных механических, гидравлических, оптических и других приборов и устройств. Это обуславливает привлечение к их созданию субподрядчиков и поставщиков из различных отраслей капиталистической экономики. В выполнении военных программ в настоящее время участвуют, как правило, тысячи фирм, специализирующихся на производстве отдельных узлов, агрегатов и компонентов, на выпуске специальных конструкционных материалов и оборудования, многие виды которых не имеют аналогов в гражданской сфере.

Привлекая к разработке и производству сложных систем оружия сотни и тысячи мелких и средних фирм, военно-промышленные корпорации расширяют сферу своего влияния, распространяют монополистический контроль далеко за пределы рынков выпускаемой ими продукции. Разностороннее и неуклонно расширяющееся взаимодействие крупнейших торговцев оружием с субподрядчиками и поставщиками различных узлов, деталей и материалов способствует мобилизации в интересах ВПК значительной части научно-технического и промышленного потенциала империалистических государств. Одновременно усиливающиеся процессы специализации и кооперации в сфере военного производства все активнее используются государством в его стремлении окружить деятельность военно-промышленных предприятий ореолом национальной значимости и социальной полезности⁵.

2. Государственно- монополистическое взаимодействие в производстве вооружений

Современное капиталистическое военное производство — это сфера активного практического сотрудничества основных компонентов ВПК — военно-промышленных корпораций и военных звеньев государственного аппарата. Теснейшее взаимодействие тех, кто закупает и потребляет военную продукцию, и тех, кто ее производит и продает, обусловлено спецификой этого сектора экономики стран империализма, особенностями формирования и функционирования рынка военной продукции.

Как известно, В. И. Ленин особенность этого рынка охарактеризовал следующим образом: «Когда капиталисты работают на оборону, т. е. на казну, это уже — ясное дело — не «чистый» капитализм, а особый вид народного хозяйства. Чистый капитализм есть товарное производство. Товарное производство есть работа на *неизвестный* и свободный рынок. А «работающий» на оборону капиталист «работает» вовсе не на рынок, а *по заказу* казны, сплошь и рядом даже на деньги, полученные им в ссуду от казны»⁶. Конечно, в настоящее время значительная часть товаров невоенного назначения также выпускается по предварительным заказам и контрактам. Однако для рынка военных товаров это — абсолютное правило.

Современный военный рынок является рынком, масштабы и структура которого полностью регулируются государственными военными заказами и заказами на экспортные поставки оружия, размещение которых также осуществляется под контролем военных ведомств (т. е. государство действует практически как единственный покупатель на данном рынке). Функционирование военного рынка определяется сложным комплексом экономических и политических отношений (формального и неформального характера), которые существуют между государственными органами и военно-промышленными корпорациями. Тесные деловые отношения складываются между партнерами в процессе формирования государственного военного спроса, выработки направлений и характера военно-закупочной политики, на всех этапах непосредственного создания военной продукции. Многие из этих отношений реализуются в рамках существующих в империалистических

странах систем государственно-монополистического регулирования военного производства, которые являются реальным механизмом слияния силы государства и монополий, согласования их интересов. Основой такого согласования служит, с одной стороны, удовлетворение растущих материальных потребностей вооруженных сил, а с другой — создание для военно-промышленных корпораций наиболее выгодных условий для выполнения военных заказов.

Развитие государственно-монополистического регулирования военного производства отражает в настоящее время как объективный процесс усиления государственного воздействия на деятельность военных поставщиков, так и существенно возросшее влияние ведущих подрядчиков «оборонных» министерств на партнеров в госаппарате. Военно-промышленные корпорации настойчиво стремятся использовать регулирующую деятельность государства для расширения сферы монополистического контроля, укрепления своих позиций в структуре государственно-монополистического капитализма.

Центральной сферой взаимодействия государственных органов и военно-промышленных корпораций в рамках системы государственно-монополистического регулирования военного производства является формирование военного спроса. Планирование его масштабов и структуры — одна из традиционно основных форм реализации военной функции буржуазного государства. Так же традиционно эта задача решается при составлении военных бюджетов, когда запросы военных ведомств согласовываются с имеющимися финансовыми, материальными, научно-техническими и другими возможностями. В условиях тесного «бюрократического симбиоза» военных поставщиков и военных ведомств военно-экономические планы и программы представляют собой компромисс, к которому приходят стороны, — компромисс общеклассовых и узкогрупповых целей и интересов. В ходе выработки этого компромисса государственные органы нередко выполняют чисто партнерские функции по отношению к фабрикантам оружия. Различными способами и под разными предлогами они стремятся обеспечить военно-промышленным компаниям устойчивую «занятость», постоянную загрузку их производственных мощностей.

В результате в ведущих странах НАТО сложилась практика своеобразной преемственности как в определении военных потребностей, так и в размещении военных

заказов: за завершением работ по одним крупным контрактам обычно следует подписание следующих. Зачастую заказы выдаются на создание систем оружия, которые по своим характеристикам сходны с разрабатываемыми или производимыми ранее, но, как правило, более дорогостоящи. И это происходит, несмотря на то что, как заявляют даже представители военных ведомств, надобность в изготовлении таких систем нередко весьма проблематична. Наглядным примером может служить принятое в середине 70-х годов министерством обороны США решение о создании многоцелевого истребителя F-18 для военно-морских сил страны. Подоплекой данного решения, против которого энергично возражало министерство ВМС, считавшее более целесообразным проведение модернизации уже действующих самолетов F-14, было стремление руководителей Пентагона «загрузить» мощности предприятий одного из своих ведущих поставщиков — «Макдоннелл-Дуглас», временно оставшегося без авиационных заказов и боровшегося за их получение. Подобная практика по существу означает, что государство, гарантирующее своим военным поставщикам сбыт заказанных им изделий, одновременно обеспечивает им и устойчивый, долгосрочный спрос на их продукцию.

В формировании спроса на военную продукцию отнюдь не последнюю роль играют и сами поставщики. Как отмечают американские исследователи, военно-промышленные корпорации в значительной степени сами создают спрос на свою продукцию. Эту мысль проводит известный экономист Дж. Гэлбрейт. В своей книге «Новое индустриальное общество» он пишет, что военно-промышленная фирма со своей стороны разрабатывает наметки, касающиеся предполагаемых противников, пунктов вероятного нападения, характера ответных военных действий и прочих факторов, от которых зависят военные поставки. Увязывая свои планы с другими планами того же назначения, в том числе и государственных органов, она помогает выработать официальную точку зрения, относящуюся к нуждам обороны⁷. В другой книге — «Экономические теории и цели общества» — он указывает на получившую широкое распространение практику, когда крупные производители оружия, такие, как «Локхид», «Дженерал дайнэмикс», «Грумман», предлагают Пентагону системы оружия, которые, по их мнению, выгодно разрабатывать и производить. Пентагон же с помощью военной фирмы

определяет свою потребность в ее продукции, после этого фирма принимается за разработку данной продукции⁸. И уже совсем откровенно говорят о своей роли в формировании военного спроса сами промышленники: «Мы превосходим их (военно-закупочные органы. — Авт.) в техническом отношении и ведем наступление. Мы кормим их с ложечки. В конечном счете мы стремимся навязать им наши собственные идеи и проекты...»⁹

Мощным катализатором практического взаимодействия военно-промышленных корпораций и государственных органов в целом, в вопросах формирования государственного военного спроса и определения основных направлений военно-закупочной деятельности в частности является научно-техническая революция. Стороны резко активизировали обмен информацией, нацеливая его на все более дальнюю перспективу. Военным поставщикам предоставляются сведения о долгосрочных планах наращивания вооружений, о возможных в будущем потребностях в различных видах вооружения и военной техники, ведущихся по заказам государственных органов исследованиях и разработках (результаты которых либо имеют непосредственно военное назначение, либо могут быть использованы при производстве военной продукции). В свою очередь корпорации информируют военные ведомства о своих намерениях в области укрепления и расширения военно-промышленной базы, обновления производственного аппарата военных предприятий и т. д.

Важными практическими формами такого взаимодействия стали многочисленные комитеты, советы, комиссии и рабочие группы, объединяющие в своем составе представителей военных ведомств и военно-промышленных кругов. Действующие как на постоянной, так и на временной основе, эти органы рассматривают различные аспекты отношений, существующих между государственным заказчиком военной продукции и ее производителями, участвуют в решении разнообразных задач современного военного производства и одновременно являются форумами, способствующими более полному ознакомлению сторон с интересами и возможностями друг друга. Эти же цели преследуют организуемые в странах НАТО рекламные выставки «перспективной военной техники». Интенсивный обмен информацией идет также в ходе многочисленных прямых контактов чиновников военных министерств с сотрудниками военно-промышленных корпораций.

Стремясь к дальнейшему усилению информационного обмена в сфере военного производства, империалистические государства проводят политику создания целевой информационной инфраструктуры. При министерствах обороны, органах, отвечающих за военное планирование и военные закупки, организуются специализированные документационные центры и системы, осуществляющие распространение среди ведущих военных поставщиков сведений военно-политического и общеэкономического характера, научно-технических данных.

Весьма тесно государственные органы и военные поставщики взаимодействуют и при разработке конкретных требований к тактико-техническим и эксплуатационным характеристикам военных изделий. Военно-промышленные корпорации участвуют в подготовке проектов технических заданий военных контрактов, а затем проводят их детальный анализ и вносят предложения по их корректированию. В результате, несмотря на то что формально лидирующая роль в данном процессе принадлежит государственному заказчику-потребителю военной продукции, фактически разработка требований к создаваемым системам оружия осуществляется при самом активном, а в ряде случаев даже решающем участии фабрикантов оружия.

Развитые отношения «практического сотрудничества» связывают государственные органы и военно-промышленные корпорации в процессе подготовки и заключения военных контрактов. В ходе прямых переговоров, а с использованием этого метода в настоящее время в странах НАТО размещается подавляющее большинство заказов на создание вооружения и военной техники *, стороны окончательно согласовывают тактико-

* Другой метод размещения военных заказов — «свободные торги» — применяется сейчас главным образом при закупке предметов продовольственного и вещевого обеспечения личного состава вооруженных сил. В последнее время в ведущих странах НАТО развернута шумная кампания в поддержку конкурентных торгов. Государственными органами осуществлен ряд мероприятий по усилению «конкурентного начала» на военном рынке. Однако, как показывает практика, даже в тех случаях, когда военные ведомства организуют конкурентные торги, их проведение зачастую сводится к простой формальности. Во-первых, заказы получают преимущественно те фирмы, которые поддерживают наиболее тесные отношения с военно-закупочными органами. Во-вторых, ведущие военно-промышленные корпорации, даже проиграв «конкурс», либо получают крупные субподряды, либо (что все чаще наблюдается в США) привлекаются в дальнейшем, после предоставления им необходимой документации и финансовой помощи, к выпуску этих же военных изделий — к производству третьей, четвертой и последующих партий оружия.

технические характеристики, которые должна иметь разрабатываемая или производимая продукция, устанавливают объем и стоимость контракта, уточняют сроки его выполнения. На этих переговорах, которые ведутся в основном за «закрытыми дверями», военные поставщики добиваются, как правило, заключения контракта на наиболее выгодных для себя условиях. Они широко используют личные связи с высшим военным руководством, более высокую научно-техническую и экономическую квалификацию своих представителей. Особенно это характерно для корпораций, занимающих монопольные позиции на рынках того или иного оружия.

Одним из ключевых и наиболее трудных вопросов, решаемых на переговорах заказчика и поставщика, является вопрос цены военной продукции. Это связано с тем, что в практике США и их союзников по НАТО цены на военную продукцию складываются не на рынках готовых изделий, не в зависимости от соотношения спроса и предложения, а, как правило, задолго до изготовления изделий — на фазе подготовки контракта, в результате функционирования государственно-монополистического механизма ценообразования. Основные черты этого механизма отражают, во-первых, высокий уровень монополизации военного производства, дающий военно-промышленным корпорациям большие возможности контролировать весь комплекс условий реализации производимой ими продукции, и, во-вторых, то особое положение, которое занимает в определении цен государство — основной заказчик, покупатель и потребитель средств вооруженного насилия. Функционирование механизма ценообразования осуществляется в условиях теснейших контактов между высшими военными подразделениями государственного аппарата и руководящими штабами ведущих военно-промышленных корпораций, в равной мере принадлежащих к элите господствующего класса и связанных между собой общностью интересов и ротацией кадров.

В рамках данного механизма ценообразования на основе специальных процедур осуществляется калькуляция издержек производства, выбирается формула расчета цены и устанавливается зависимость выплачиваемого подрядчику вознаграждения от размеров и структуры используемого капитала, стоимости и качества изделий. Анализируя процессы ценообразования в военном производстве США, советский экономист В. П. Васютович отметил тесное взаимодействие сторон,

подчеркнув вместе с тем достаточно четкое распределение функций между ними. Он показал, что государство воздействует преимущественно на общие условия ценообразования, настаивая в рамках своей закупочной политики на том или ином типе контракта и связанном с ним виде цены. Частные же военные монополии гораздо в большей степени, чем государство, имеют отношение к практической калькуляции производственных издержек. А это позволяет им оказывать зачастую определяющее влияние на величину и уровень цен¹⁰. Аналогично действуют механизмы ценообразования и в других ведущих странах НАТО. Добавим, что формулируемые государством принципы ценообразования дают чиновникам военно-закупочных органов возможность широко маневрировать в оценке предлагаемых фирмами калькуляций издержек производства и начислении прибыли по военным заказам. По существу государство своими правовыми акциями направляет процесс образования цен на военную продукцию в соответствии с интересами ведущих военно-промышленных монополий.

В системе отношений, определяющих функционирование военного рынка, важное (а в ряде случаев определяющее) место занимают отношения по поводу создания финансовых, материальных и научно-технических предпосылок выполнения «заказов казны». Рост сложности и стоимости современного вооружения и военной техники, увеличение масштабов военных приготовлений привели к тому, что выполнение многих военных программ без активной помощи государства оказалось не под силу ни отдельным компаниям, ни даже их объединениям. Создание таких крупных систем оружия, как атомные подводные лодки, авианосцы, ракетные и авиационные системы и т. п., может быть осуществлено только с помощью государства, опирающегося на научный и производственный потенциал всей страны и использующего при этом мощный механизм государственного финансирования.

Условия современных военных контрактов предусматривают активное участие государства в формировании основного капитала военно-промышленных корпораций — крупномасштабные прямые вложения государственных средств в предприятия и производственное оборудование, предназначенные для выполнения военных заказов. (В Великобритании и Франции значительная часть военной продукции выпускается непосредственно на государственных предприятиях.) Контракты

содержат также положения о широком использовании государственных средств для формирования и пополнения оборотного капитала военных поставщиков. Они, в частности, отражают порядок поэтапного («прогрессивного», или «авансового») погашения государственным заказчиком текущих расходов фирм — производителей оружия. Значительные масштабы (особенно в ФРГ и во Франции) приняла практика предоставления военным поставщикам государственных субсидий и целевых (выделяемых для решения определенных военно-экономических задач) дотаций.

Наряду с прямым финансированием деятельности поставщиков военной продукции государственные органы используют разнообразные формы косвенной финансовой помощи. Они предоставляют своим подрядчикам, реже субподрядчикам, разнообразные налоговые и амортизационные льготы, передают в длительную аренду за символическую плату принадлежащие государству средства производства.

Активно взаимодействуют государственные органы и военно-промышленные корпорации при решении проблемы обеспечения военного производства материальными ресурсами. Введенные в большинстве стран НАТО специальные организационно-управленческие системы гарантируют приоритетный доступ поставщиков военной продукции на рынки стратегического сырья и дефицитных материалов. В США, например, с помощью систем «военных материалов» и «военных приоритетов» обеспечивается первоочередное снабжение военно-промышленных корпораций специальными видами стали, медью, титаном, кобальтом, некоторыми другими металлами.

В странах блока действуют также системы так называемого раннего оповещения, нацеленные на заблаговременное выявление затруднений с поставками сырья и материалов. В случае необходимости (а вернее, по требованию торговцев оружием) военные министерства имеют право даже на принудительное размещение заказов на поставки этих видов ресурсов своим подрядчикам. В последние годы действие таких систем все шире распространяется на фирмы, изготавливающие некоторые виды узлов и деталей систем оружия. Немалую роль в решении проблемы ресурсного обеспечения военного производства играют также созданные в ведущих странах НАТО крупные государственные запасы многих видов стратегического сырья и практика их

использования в особо «острых» (с точки зрения выполнения военных программ) ситуациях.

Быстрыми темпами развивается взаимодействие государства и военно-промышленных корпораций непосредственно в процессе выполнения военных заказов. Все более широкое распространение получают здесь такие формы их практического сотрудничества, как совместное осуществление государственными лабораториями и военно-промышленными корпорациями работ по созданию некоторых новейших систем оружия (или их основных компонентов). Государственные центры все шире используются для снабжения фирм оперативной научно-технической информацией (в том числе о ведущихся в стране по государственным контрактам разработках производственной технологии) *. Специалисты из государственных организаций привлекаются к решению сложных научно-технических и производственных задач, участвуют в перестройке систем внутрифирменного управления и налаживании кооперационных связей в рамках системы «подрядчик — субподрядчики — поставщики» (вплоть до совместной разработки программы размещения важнейших субподрядов) и др. Важными объектами государственно-монополистического взаимодействия являются также программы модернизации производственной базы военных поставщиков, подготовки высококвалифицированных кадров для военных предприятий.

Итак, государственно-монополистическое взаимодействие в сфере военного производства играет ключевую роль в создании все новых и новых видов и систем оружия и боевой техники, в дальнейшем усилении этого сектора капиталистической экономики. С помощью многообразных научно-технических, финансово-экономических и организационно-административных взаимосвязей военно-промышленных корпораций и государственных органов обеспечивается наращивание военной мощи империализма.

* В ведущих странах НАТО установлен порядок, в соответствии с которым военно-промышленным корпорациям обеспечивается доступ к результатам всех НИОКР, выполненных за государственный счет.

3. Военный бизнес и частнособственнические интересы

Современное военное производство — это основная сфера реализации экономической заинтересованности ВПК в развитии милитаризма, заинтересованности, которая усиливает роль комплекса как генератора политики авантюризма и агрессии. Военное производство характеризуется особо благоприятными условиями для функционирования монополистического капитала, для извлечения им сверхприбылей. В советских исследованиях справедливо отмечается, что «с этими прибылями связаны корыстные интересы высших должностных лиц и акционеров военно-промышленных компаний, они — источник средств для «подарков» и «гонораров» военным чинам за их «услуги», оплачиваемые также и путем предоставления «теплых местечек» в корпорациях уходящим на пенсию генералам и крупным чиновникам»¹¹. Для ВПК как мощной группировки правящего класса получение барышей от гонки вооружений является одной из основных «узкогрупповых» целей и, более того, даже способом выживания в условиях ожесточенного соперничества между различными фракциями монополистической буржуазии.

Высокая прибыльность капиталистического военного производства — объективная реальность. В этом секторе экономики стран НАТО соединение силы монополий с силой государства сопровождается активным вовлечением в высокодоходный процесс выполнения военных заказов все новых и новых звеньев государственно-монополистического хозяйственного механизма. Буржуазное государство, используя многообразные рычаги воздействия на военное производство, добивается сотрудничества с частным сектором путем обеспечения «работающим» на войну корпорациям высоких и устойчивых прибылей. Это делает военный бизнес привлекательным для частного капитала. В практическом взаимодействии государственных военных органов и военно-промышленных компаний вопрос о доходности бизнеса на производстве оружия и военной техники занимает в сущности центральное место.

Современное капиталистическое военное производство — это выпуск товаров на рынок, на котором существует стабильное и значительное превышение цен на военную продукцию над ценами ее производства (фактические издержки плюс средняя для капиталистическо-

го производства прибыль). Это превышение, свидетельствующее о сверхприбылях военного бизнеса, обусловлено прежде всего особенностями как ценообразования в военном производстве, так и его финансирования. Речь идет, во-первых, о гарантированной оплате военным поставщикам всех (или подавляющей части) издержек производства, связанных с работой по «заказам казны», и, во-вторых, об определении размеров их прибыли в прямой зависимости от величины этих издержек. Понятно, что таким образом создается мощный стимул, побуждающий военно-промышленные корпорации раздувать свои затраты и в результате «законно» взвинчивать свои доходы.

Подготавливаемые военными поставщиками калькуляции издержек производства обычно содержат завышенные оценки затрат на закупки средств производства, материалов, оплату рабочей силы. Особенно часто подобные завышения происходят при калькуляции косвенных расходов, доля которых в общей сумме производственных издержек весьма значительна. Характеризуя деятельность военно-промышленных корпораций по определению издержек производства, американский экономист У. Кофер заявил на недавних слушаниях в палате представителей конгресса США: «Крупные компании действуют, руководствуясь принципом, что им следует представлять к оплате все свои косвенные издержки, так как если их не оспорят финансовые контролеры, то все будет в порядке»¹². Добавим, что, как отмечалось на тех же слушаниях, оспаривается, как правило, довольно незначительная часть представленных фирмами счетов. Кроме того, многие из таких счетов (в среднем до 37 %) в дальнейшем все же погашаются военно-закупочными органами. Военно-промышленные корпорации широко практикуют завышение уровня различных выплат руководящим работникам и научно-техническому персоналу * и включение в калькуляции некоторых расходов, связанных с производством ими продукции гражданского назначения.

Нередко военные поставщики даже требуют от военно-закупочных органов возместить их расходы на организацию приемов высокопоставленных деятелей военных ведомств, на обработку общественного мнения,

* В США, в частности, недавнее исследование Главного контрольно-финансового управления показало, что суммарные выплаты руководству двенадцати крупных поставщиков министерства обороны в среднем на 51 % превышают аналогичные выплаты у гражданских фирм.

«контакты» с парламентариями и т. п. Так, расследование, которое весной 1985 г. провело агентство финансового контроля военных контрактов министерства обороны США, показало, что один из ведущих поставщиков военной продукции — аэрокосмический концерн «Боинг» — пытался включить в свои издержки средства, израсходованные на финансирование избирательной кампании в штате Вашингтон. Другой крупный подрядчик Пентагона — «Макдоннелл-Дуглас» — добивался повторного погашения заказчиком одних и тех же своих расходов, представлял счета, не связанные (ни прямо, ни косвенно) с выполнением «заказов казны». И таких примеров буржуазная печать приводит немало. В настоящее время в преднамеренном завышении издержек производства на десятки миллионов долларов обвиняются также «Дженерал дайнэмикс» и «Рокуэлл интернэшнл», «Текстрон» и «Дженерал электрик», «Мартин-Мариетта» и «Грумман», другие ведущие производители вооружения и военной техники. Признавая, что подобные завышения издержек не являются чем-то из ряда вон выходящим, представители военно-закупочных органов вместе с тем как бы извиняют своих поставщиков, отмечая, что у них, дескать, отсутствуют необходимые стимулы к тому, чтобы не представлять заказчику сомнительные, а точнее, явно фальсифицированные счета *.

Чрезмерный рост издержек производства во многом обусловлен также так называемой «пирамидой прибылей». Своим существованием эта «пирамида» обязана принятой в империалистических государствах практике организации и оплаты работ по военным заказам, которые осуществляются в рамках системы «подрядчик — субподрядчик». Оплачивая работу субподрядчиков (погашая издержки и выплачивая прибыль), военные поставщики относят эти расходы к своим собственным

* Следует вместе с тем отметить, что в ряде случаев монополии идут на умышленное уменьшение размеров предстоящих затрат, а следовательно, и цены изделий. Чаще всего это случается тогда, когда военно-промышленные корпорации при прямой поддержке (иногда, правда, молчаливой) со стороны военно-закупочных органов стремятся создать условия, облегчающие принятие решений о выделении из государственной казны необходимых финансовых средств. Тактика «стартового занижения» издержек используется ими и в ходе немногочисленных конкурентных торгов, в борьбе за крупные заказы на поставки вооружения и военной техники. Действуя так, они исходят (и как показывает практика, вполне обоснованно) из того, что после получения контракта им удастся наверстать упущенное.

издержкам производства и требуют их учета при начислении своих собственных прибылей. Аналогично поступают и субподрядчики. В результате «издержками производства» военных поставщиков оказываются не их фактические затраты, а суммарные расходы всех фирм, принимающих участие в выполнении заказов, и их прибыли.

Однако, даже имея дело с явно раздутыми издержками, государственные органы тем не менее зачастую соглашаются не только полностью оплатить их, но и выплатить поставщикам рассчитанные на их основе завышенные прибыли. В тех случаях, когда поставщиками являются ведущие военно-промышленные монополии, военно-закупочные ведомства практически безоговорочно идут на удовлетворение платежных требований «китов» военного бизнеса.

Практика подобных «уступок» обусловлена самой политикой буржуазного государства, стремящегося использовать интенсивные государственные финансовые инъекции для ускоренного наращивания военной промышленности, создания благоприятных условий для функционирования военно-промышленного капитала. Немалую роль в «уступчивости» военно-закупочных органов играет и та обстановка «учета взаимных интересов и услуг», которая царит на переговорах корпораций с государственными органами. Кроме того, во многих случаях последние оказываются просто не в состоянии проверить обоснованность предлагаемых им оценок предстоящих или произведенных затрат. В условиях, когда выдача крупных военных заказов осуществляется преимущественно не на основе «ценовой конкуренции», а по прямой договоренности между поставщиками и военными ведомствами, подлинный контроль соответствия объявленных издержек корпораций фактическим затратам крайне затруднен или вообще невозможен. Это связано помимо «особой» обстановки на переговорах с недостаточной квалификацией сотрудников государственных контролирующих органов, нежеланием фирм—производителей военной продукции предоставить в распоряжение этих органов необходимые данные о своей деятельности и т. д. Велико здесь и значение того обстоятельства, что к выполнению заказов на создание крупных систем оружия привлекаются в настоящее время тысячи субподрядчиков и поставщиков. В результате сложность и масштабность объекта контроля становятся просто огромными.

В раздувании издержек военно-промышленных корпораций немалую роль играет само буржуазное государство. Его амортизационная политика, обеспечивающая ускоренное, не зависящее от реальных режимов снашивания списание стоимости основных производственных фондов военных поставщиков (до $\frac{2}{3}$ и более стоимости оборудования в первой половине амортизационного срока), ведет к существенному увеличению их издержек производства, а следовательно, и к росту начисленных на основе этих издержек прибылей фабрикантов оружия. Кроме того, в условиях, когда в соответствии с принятыми в странах НАТО законами амортизационные отчисления не подлежат налогообложению, выдаваемые военно-промышленным корпорациям сертификаты на ускоренную амортизацию по существу являются сертификатами на дополнительную (и весьма немалую) прибыль, а вся амортизационная политика государства может рассматриваться в качестве важного инструмента содействия росту доходности операций по выполнению военных заказов.

Издержки военных поставщиков растут и в результате включения в их состав с согласия военных министерств целого ряда дополнительных накладных расходов фирм, которые, хотя и не учитываются при определении прибыли по военным заказам, тем не менее исправно оплачиваются заказчиком. В числе этих расходов, в частности, затраты на содержание неиспользуемой части мощностей предприятий (промышленный резерв расширения производства вооружений) *.

В последние годы США и их союзники предпринимают заметные усилия по так называемому «совершенствованию» государственно-монополистического механизма образования цен на военную продукцию. Как явствует из официальных заявлений руководителей военных министерств, эти усилия продиктованы, во-первых, необходимостью привести данный механизм в соответствие с требованиями проводимых в странах НАТО широкомасштабных программ наращивания военной мощи, во-вторых, «заботой» об экономии средств налогоплательщиков. Однако осуществляемые в этой области меры нередко ведут к дальнейшему росту нормы и массы прибыли, получаемой военно-промышленными корпорациями на государственном военном рынке, т. е. явля-

* Так, только в распоряжение авиапромышленных корпораций США Пентагон выделял в 70-х годах на эти цели ежегодно 300—500 млн долл.

ются мерами по «вскармливанию» военно-промышленного комплекса.

В результате всех этих «совместных» действий военных поставщиков и военно-закупочных органов установленные в контрактах цены на большинство товаров военного назначения оказываются явно завышенными. По оценке американского ученого С. Мелмана, «цены по выполняемым правительственным (читай: военным. — *Ред.*) контрактам на 25 — 100 % превышают цены, которые могли бы быть запрошены на осуществление сопоставимой работы на коммерческий рынок»¹³.

Однако военно-промышленные корпорации, как правило, не довольствуются теми прибылями, которые гарантируют им условия правительственных контрактов. Подписание этих контрактов и уже первые внушительные затраты государственных средств ставят их в привилегированное положение монопольных исполнителей военных заказов, — положение, из которого торговцы оружием начинают активно извлекать все новые выгоды. Предлагая, а по сути дела навязывая государственным покупателям многочисленные изменения (так называемые «усовершенствования») конструкций военных систем, они добиваются резкого увеличения соответствующей компенсации. Так они, например, действуют, когда при подписании контракта ими использовалась тактика занижения оценок предстоящих затрат. Аналогичные шаги предпринимаются военно-промышленными корпорациями при заключении контрактов на поставки запасных частей и модернизацию военной техники.

Возможность подобных действий со стороны фирм обуславливается как несовершенством государственного контроля за ходом выполнения военных заказов, так и тем, что для покупателя и потребителя военной продукции решающее значение имеет, как правило, не цена, а боевые качества изделий. Эта особенность военного рынка была специально подчеркнута в докладе генерального секретаря ООН «Экономические и социальные последствия гонки вооружений» (1978 г.). В нем указывалось, что «в области современной военной техники при разработке новых видов оружия обеспечение точных технических характеристик и скорейшее внедрение новых образцов, как правило, отодвигают на второй план соображения о расходах», а «увеличение расходов в этом секторе может быть беспрепятственно перенесено на покупателя»¹⁴. Это же положение вновь подтверждается

в докладе за 1982 г. Налицо условия, которые просто не могут не способствовать росту цен военных товаров. И цены растут, даже «галопируют», как часто пишет сейчас буржуазная пресса.

Так, в США, по данным Научного совета министерства обороны этой страны, цены на военную продукцию росли в конце 70-х — начале 80-х годов почти в 1,5 раза быстрее общего индекса цен на промышленные товары. При этом особенно быстрыми темпами увеличивались цены технически сложных изделий, например: ракет — в среднем на 21 % в год, авиационных радаров — на 23, электронных систем различного назначения — на 16 %. Наиболее впечатляющим является рост цен крупных систем оружия. Так, цена истребителя F-18 (США) возросла с 9,9 млн долл. в 1975 г. до 32,2 млн долл. в 1985 г. Танк «Леопард-2» (ФРГ) за несколько месяцев до его первых поставок был оценен в 3,8 млн марок за машину, в то время как первоначальная (расчетная) цена при оформлении заказа составляла 2,3 млн марок. Конечно, повышению стоимости систем оружия и их реальной цены объективно способствуют и быстрое усложнение вооружения и военной техники, и хроническая инфляция, присущая современному капитализму, и увеличивающаяся доля высококвалифицированных кадров, участвующих в разработках и производстве значительной части военной продукции, и т. д. Однако сложившаяся под воздействием этих факторов повышательная тенденция существенно усиливается указанными специфическими особенностями функционирования военного рынка.

С ростом цен систем оружия растет общая стоимость военных заказов, а вместе с ней увеличиваются и прибыли военных поставщиков, которые не только сопоставимы с доходами гражданских фирм, но и существенно их превосходят. В США, например, в начале 80-х годов прибыль на один доллар продаж у военно-промышленных корпораций более чем на 70 % превышала этот же показатель для фирм, производящих товары длительно-го пользования. В Великобритании прибыли по отношению к продажам у десяти крупнейших военно-промышленных корпораций в 1984 финансовом г. были почти на 20 % больше, чем в среднем у тысячи главных промышленных корпораций страны.

Еще выше норма прибыли военных поставщиков, исчисленная как отношение массы прибыли к собственному авансированному капиталу. Активное

участие государства в формировании основного и оборотного капитала привело, в частности, к тому, что в США эта норма в начале 80-х годов составляла в среднем 23,3 % (а у десяти первых подрядчиков Пентагона даже 25 %), что более чем на 100 % превышало аналогичный показатель для фирм, работавших на гражданский рынок. По данным ученых ГДР, в 1981 г. норма прибыли (на собственный капитал) у шести крупнейших поставщиков оружия ФРГ более чем в 3,5 раза превышала среднюю норму прибыли для обрабатывающей промышленности. Эти данные получены на базе опубликованных финансовых отчетов фирм. Вместе с тем нельзя не учитывать, что военные поставщики в странах НАТО, стремясь максимально сократить суммы, подлежащие налогообложению (и без того льготному), нередко скрывают свои реальные доходы.

Для монополистического капитала особая привлекательность военного сектора капиталистического хозяйства обуславливается не только прибыльностью выпуска все новых и новых видов оружия, но и большой емкостью и надежностью государственного военного рынка, всесторонней ресурсной обеспеченностью военного производства. Такое положение складывается при прямом участии государства, является итогом государственно-монополистического взаимодействия.

Повышению нормы прибыли военно-промышленных корпораций способствует проводимая государством политика создания и закрепления за ними лучших условий производства, позволяющих извлекать из работы «на казну» большие дополнительные выгоды. Одним из мощных рычагов, противодействующих падению нормы прибыли в военном производстве, является активное (прямое и косвенное) участие государства в формировании основного и оборотного капитала подрядчиков военных министерств. Для военно-промышленных корпораций это создает возможности получать огромные доходы при значительно меньших затратах собственных средств *. Одновременно существенно возрастает скорость оборота капитала, чему в немалой степени способствует также практика ускоренной отгрузки изготовлен-

* Практика государственного участия в формировании оборотного капитала военных поставщиков дает им также ряд неявных выгод. Так, в рамках системы авансовых и прогрессивных платежей подрядчики военных министерств нередко задерживают на один-два месяца свои расчеты с субподрядчиками и в результате получают значительные суммы в виде банковского процента по «отложенным платежам».

ных военных изделий, устраняющая необходимость тратить крупные средства на хранение оружия и организацию его сбыта.

Предоставляя военным поставщикам в аренду принадлежащие ему средства производства, буржуазное государство зачастую закрывает глаза на то, что часть этих средств нередко используется корпорациями и для выпуска гражданской продукции (на эти же цели иногда идут и денежные суммы, поступающие в распоряжение военных поставщиков в виде «авансовых» и «прогрессивных» платежей). Более того, в последние годы государственные органы стран НАТО (особенно США) все чаще поощряют такое использование государственных предприятий и оборудования. Официально это объясняется необходимостью поддерживать государственные производственные мощности в состоянии повышенной эксплуатационной готовности, фактически же тем самым военно-промышленным фирмам дается еще одна дополнительная возможность повысить за счет государства прибыльность своих операций.

Военные поставщики широко пользуются разнообразными налоговыми льготами, которые позволяют им существенно увеличить их реальные «чистые» прибыли. Всевозможные налоговые скидки, отсрочки платежей, временные (нередко весьма длительные) освобождения от уплаты налогов (в частности, в связи с подготовкой фирмы к реализации особо крупных и важных военных программ) дают военно-промышленным корпорациям многомиллионные выигрыши.

Режим чрезвычайно выгодного для частного капитала государственного финансирования военных поставщиков сочетается с мерами, с помощью которых государство содействует укреплению внутренних источников финансирования фирм (налоговые и амортизационные льготы) и облегчает им доступ на кредитные рынки. Широкие масштабы приняла практика государственных гарантий по долгосрочным банковским кредитам, предоставляемым военно-промышленным корпорациям для модернизации производственного аппарата, подготовки производственных мощностей для выпуска новых поколений систем оружия, для решения крупных научно-технических проблем.

В современных условиях все более важную роль в присвоении военно-промышленными корпорациями монопольно высоких прибылей, в обеспечении устойчивого, долговременного характера такого присвоения

играют научно-техническая политика государства, его деятельность по организации и финансированию научно-исследовательских программ, результаты которых так или иначе могут быть использованы в военном производстве. В этом же направлении действуют меры государства по совершенствованию патентно-лицензионной системы, способствующие ускоренному распространению среди военных поставщиков научно-технических данных военного профиля. Быстро растущий объем такой информации активно используется фабрикантами оружия в их стремлении воспользоваться достижениями научно-технического прогресса и гарантировать доходность военного бизнеса не просто «по капиталу», а и по той фактической «силе» компаний, которой они располагают на базе взаимодействия с военными звеньями государственного аппарата.

Таким образом, в капиталистическом военном производстве отчетливо проявляется особая выгодность государственно-монополистического партнерства для монополий — производителей вооружения и военной техники. Об этом говорят и завышение цен на закупаемую у военно-промышленных корпораций продукцию, и продажа им по явно заниженным ценам государственных предприятий и оборудования, и предоставление им многочисленных налоговых льгот и т. д. Одновременно в экономике стран НАТО государство активно закрепляет неравенство условий функционирования капиталов (в пользу военно-промышленных), что, естественно, реализуется и в неравенстве их норм прибыли. Отсюда ясно, насколько и сейчас справедливы известные слова В. И. Ленина о том, что «война — «ужасная» вещь? Да. Но она ужасно *прибыльная* вещь»¹⁵.

Все эти факты еще и еще раз свидетельствуют о том, что военные заказы казны являются, по образному выражению американского экономиста Р. Кауфмана, настоящим материнским молоком для военно-промышленного комплекса¹⁶. Однако комплексу этого мало. Не ограничиваясь «узаконенным казнокрадством», «легальными» путями повышения прибыльности военного производства, ведущие военные монополии не останавливаются даже перед прямым жульничеством, не брезгают разного рода махинациями и злоупотреблениями.

Миру известны скандальные переплаты десятков долларов за гайки, сотен долларов за молотки, тысяч долларов за кофеварки. Особенно активно в этом отношении действуют ведущие поставщики военной продукции.

В последнее время их аферы приняли поистине небывалый размах — счет полученных обманом у казны средств пошел на десятки и даже сотни миллионов долларов, а фактическая безнаказанность таких действий говорит о действительных позициях военных монополий в жизни империалистических государств, и в первую очередь США как крупнейшего и наиболее милитаризованного из них. По словам сенатора У. Проксмайра, «у крупных оборонных подрядчиков, таких, как «Дженерал дайнэмикс», столько рычагов против правительства, что они могут спокойно нарушать законы и правила»¹⁷.

Так же действуют партнеры военных монополий в государственных органах. В западную прессу периодически попадают сведения о взятках, получаемых чиновниками военно-закупочных органов, об организации для них подрядчиками различного рода увеселений и т. д. Кроме того, время от времени становятся известными случаи, когда военные ведомства идут на прямое нарушение законов и положений, регламентирующих военно-закупочную деятельность, определяющих порядок финансирования и оплаты военных контрактов. В своем большинстве эти нарушения так или иначе обеспечивают военным поставщикам дополнительные прибыли. В частности, военно-закупочные органы весьма часто идут на превышение предусмотренных законами ограничений на выплаты авансовых платежей, на размеры прибылей по правительственным заказам. Так, американский адмирал Риквер незадолго до своего ухода в отставку заявил, что в нарушение закона от 1934 г., ограничивающего прибыль по государственным поставкам для ВМС десятью процентами, фирма «Бостонс кэбот», у которой были закуплены спецматериалы для кораблей с атомными двигательными установками, получила прибыль в размере 66 %, а фирма «ЮС стил», у которой закупаются узлы для подлодок «Трай-дент», — 27—38 %¹⁸.

Итак, перечисленные нами общие и специфические условия функционирования военного производства в ведущих империалистических странах обеспечивают занятому в нем капиталу необычайно высокие прибыли. Естественно, что чрезвычайно благоприятные условия и возможности получения сверхприбылей влекут в военный бизнес частный капитал. Однако монополии, захватившие в нем ведущие позиции, отнюдь не собираются делиться этим «жирным пирогом». Различными

законными и незаконными путями они препятствуют доступу в «свой клуб» новых корпораций, стремятся укрепить свои позиции поставщиков-монополистов, сохранить на этом рынке групповое монополистическое господство. Тем самым в данном секторе современной капиталистической экономики особо затруднены конкурентная борьба и перелив капиталов, которые вели бы к сближению условий хозяйствования и выравниванию уровней прибыльности в военном и гражданском производстве. В итоге — постоянство состава основных военно-промышленных корпораций, активно пользующихся всеми благами государственно-монополистического партнерства в сфере военного производства, не проявляющих никакого желания с ними расставаться. И это одна из основ формирования и функционирования военно-промышленных комплексов империалистических государств.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВПК

За послевоенные десятилетия в империалистических странах сформировался мощный разветвленный аппарат, занятый систематическим поиском путей использования науки в милитаристских целях. Как отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, современный милитаризм «становится наиболее уродливым и опасным чудовищем XX века, его усилиями самая передовая научно-техническая мысль переплавляется в оружие массового уничтожения»¹.

Милитаризация науки в ведущих капиталистических странах охватывает ныне практически все разновидности научно-исследовательских организаций, не говоря уже о военных ведомствах и военно-промышленных корпорациях. Последние в условиях научно-технической революции становятся не только создателями и поставщиками военной техники, но также инициаторами, соавторами военных ведомств в разработке агрессивных военно-политических доктрин и стратегий, опирающихся на потенциал новейших систем оружия, активно содействуют раскручиванию новых витков качественной гонки вооружений. Заметно усиливаются тенденции научно-технического сотрудничества между национальными ВПК, происходит «расползание» новейшей военной техники по странам и регионам мира, что усиливает напряженность в международных отношениях.

1. Новая роль научных исследований и разработок в военных приготовлениях

Научные исследования и разработки — относительно новая сфера деятельности и интересов военных ведомств и военно-промышленных корпораций империалистических стран, если учитывать ее современные масштабы, а главное, то влияние, которое она оказывает на достигнутый уровень военно-технического развития и его темпы. В прошлом и первой трети нынешнего века ос-

новой поток нововведений в сферу вооружений поступал от отдельных изобретателей-любителей, разрабатывавших их на свой страх и риск, или в результате эволюционного накопления эмпирического производственного опыта промышленными предприятиями. Систематические научные исследования велись в весьма скромных размерах, не оказывали заметного влияния на выработку военно-политических концепций буржуазного государства, а его финансовая поддержка военным исследовательским проектам была крайне мала. В США, например, среднегодовой уровень федеральных расходов на военные исследования и разработки составлял в начале 30-х годов около 4 млн долл. и даже в 1940 г. не превышал 30 млн долл.

В дальнейшем научные исследования и разработки военного профиля приобрели особое значение как для военно-политического руководства империалистических стран, так и для военно-промышленных корпораций. Уже на стадии первого крупного витка в спирали качественной гонки вооружений — при разработке атомных бомб — военно-политическое руководство США увидело возможности использования науки в качестве нового инструмента своей внешнеполитической деятельности. Однако оно оказалось неспособным трезво оценить глобальный характер современной научно-технической революции, тем более научный потенциал Советского Союза и поэтому довольно быстро лишилось своей монополии на обладание «сверхоружием». Последующие послевоенные десятилетия характеризуются постоянным нарастанием внимания руководства военных ведомств империалистических стран к ориентации научных исследований на военные цели, совершенствованию их организационного и ресурсного обеспечения. В этом плане представляют интерес целевые установки, выдвигаемые военно-политическим руководством ведущей империалистической страны — США, в отношении сферы научных исследований и разработок, а также механизм их обеспечения.

На наш взгляд, можно утверждать, что к середине 80-х годов в США сформировалась довольно устойчивая система взглядов военно-политического руководства, разделяемая значительной частью военно-промышленных корпораций, на научно-технические аспекты строительства вооруженных сил этой страны в ближней и отдаленной перспективе. Обнаруживается большая преемственность основных направлений в области созда-

ния новой военной техники даже при «смене составов» органов исполнительной и законодательной власти страны. Эту систему взглядов и комплекс мер по ее реализации можно по сути дела определить как стратегию военного научно-технического превосходства. Такая стратегия ориентирована на систематическое, всестороннее и форсированное использование в военных целях достижений науки, закономерностей и тенденций современного этапа научно-технической революции с целью постоянного опережения потенциального противника по качеству военной техники — по тактико-техническим характеристикам систем ядерного и обычного оружия и обеспечивающих систем связи, контроля, управления и разведки.

Идея «жизненной необходимости» военного научно-технического превосходства США настойчиво пропагандируется военными ведомствами в качестве решающего условия обеспечения «национальной безопасности» этой страны и ее союзников. Руководители министерства обороны в своих докладах и циркулярах именуют упомянутую стратегию «краеугольным камнем всей американской политики в сфере военных НИОКР», «абсолютным императивом поддержания национальной безопасности», «важнейшим средством повышения эффективности военных приготовлений»².

Дело, разумеется, не сводится лишь к весьма амбициозным целевым установкам правящих кругов Соединенных Штатов, стремящихся добиться превосходства буквально по «всем азимутам» развития современной военной техники. Военно-промышленный комплекс США не только первым приступил к массовому производству атомных и термоядерных боеприпасов, но и систематически выступает инициатором все новых этапов качественной гонки вооружений, включая создание межконтинентальных бомбардировщиков, атомных ракетных подводных лодок (ПЛАРБ), межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, стратегических крылатых ракет, «нейтронных» боеприпасов. В русле все той же опасной стратегии военного научно-технического превосходства находятся современные поиски американским ВПК новых разновидностей «сверхоружия», особенно в связи с реализацией программы «звездных войн».

В мероприятиях по форсированному развитию работ, ориентированных на захват и удержание лидерства в

военной научно-технической сфере, участвует большое число государственных ведомств и частных организаций. Как показывает анализ официальных документов, поиск наиболее радикальных идей качественного совершенствования военной техники, включая выявление путей создания принципиально новых систем, использующих новые поражающие факторы, средства доставки боеприпасов, устройства сбора, обработки и передачи информации, осуществляется штатными лабораториями министерства обороны и министерств видов вооруженных сил. Особое положение в этой области принадлежит в США Управлению военных перспективных исследовательских проектов (ДАРПА), созданному в 1958 г. со специальной ориентацией на наиболее перспективные преобразования в технических средствах ведения вооруженной борьбы. Это управление осуществляет широкий поиск идей практически по всем направлениям современной науки, стремясь к повышению основных тактико-технических характеристик вооружений на один-два порядка в сравнении с характеристиками существующих видов и систем оружия.

Планируя комплекс исследовательских работ на долгосрочную перспективу, министерство обороны США на стадии фундаментальных исследований ведет работы по 20 тыс. отдельных (небольшим по своим масштабам) проектов. Выбирая из них наиболее перспективные, оно постепенно перераспределяет усилия и концентрирует их на наиболее эффективных направлениях. Одновременно происходит поэтапное укрупнение проектов. На завершающей стадии создания новой разновидности военной техники львиная доля ресурсов на исследовательские работы концентрируется вокруг крупных программ.

Интенсивная научно-исследовательская деятельность позволяет достигать высоких темпов технического прогресса в совершенствовании военной техники. Наблюдается многократное повышение ее основных характеристик, в том числе тактико-технических, включая точность и дальность стрельбы, разрешающую способность спутниковой разведывательной аппаратуры, быстродействие и емкость памяти средств автоматизированного сбора, переработки и выдачи информации, управление поражающими факторами ядерного оружия и многие другие. Конечно; интенсивный технический прогресс требует адекватных по своим абсолютным и относительным масштабам затрат. Анализ официальных

данных показывает, что министерство обороны США вкладывает в исследовательские работы 10—12 % своего бюджета. На наш взгляд, более показателен расход ресурсов на науку в сравнении с закупками военной техники. Пропорции между ними указывают в определенной мере на соотношение в рамках общих бюджетных ассигнований между спросом на имеющуюся военную технику и потребностями перспективного ее совершенствования, создания принципиально новой. Известно, что накопление научных знаний имеет кумулятивный характер и в отличие от материальных объектов, включая военную технику, не подвержено моральному или физическому износу и старению. Поэтому военные ведомства США наряду с многомиллиардными закупками техники «сегодняшнего дня» интенсивно накапливают научный потенциал для создания всех компонентов боевого оружия на новом, более высоком качественном уровне.

Несомненно, что политика военных ведомств США в области закупок военной техники и результатов научных исследований имеет свою собственную логику и динамику. Несмотря на значительные колебания уровней затрат на закупку и разработку военной техники, наблюдавшиеся в последние десятилетия, следует отметить исключительно высокий относительный объем расходов на военные исследования и разработки. С целью получения усредненной оценки «наукоемкости» закупаемой военной техники нами был рассчитан в сопоставимых ценах (1985 г.) соответственно объем закупок и исследовательских расходов за 1960—1980 гг. По этим подсчетам суммарный объем затрат на военные исследовательские работы за рассматриваемый период составил 398,4 млрд долл., а объем закупок военной техники — около 1002,8 млрд долл. Таким образом, усредненная «наукоемкость» военной техники составила около 39,7 %. В связи с интенсивным наращиванием США военного потенциала в самые последние годы показатель «наукоемкости» закупаемой военной техники несколько понизился, но оставался высоким, составляя в 1983—1985 финансовых гг. 30,6 %.

Значение столь высокого уровня относительных расходов на военные исследования и разработки становится более ясным, если сопоставить их с аналогичными по своему целевому назначению затратами в отраслях, связанных с выпуском продукции общего назначения. Согласно официальным данным, средний уровень расхо-

дов компаний обрабатывающих отраслей американской промышленности относительно объемов сбыта продукции составил от 1,5 до 2,5 %. В середине 80-х годов «наукоемкость» продукции американской химической промышленности составила 3,9 %, продукции общего машиностроения, включая ЭВМ, — 5,5, электротехнической промышленности — 4,8, научного и профессионального приборостроения — 7,5 %. Отметим в этой связи, что «наукоемкость» военной техники для стратегических сил США достигает 50—70 %, т. е. превышает средний уровень того же показателя для отраслей американской обрабатывающей промышленности в 20—30 раз. Именно «наукоемкость» военной техники обеспечивает высокие темпы роста основных тактико-технических характеристик вооружения.

Общность классовых интересов военно-бюрократического аппарата и руководства военно-промышленных корпораций в сфере научных исследований и разработок реализуется с помощью государственно-монополистического механизма финансирования таких исследований и разработок. Финансовые затраты, сопряженные с разработкой сложных видов военной техники, находятся далеко за пределами возможностей капиталов отдельных частных корпораций.

Финансирование военных научно-исследовательских работ в послевоенные десятилетия было приоритетным направлением использования ресурсов федерального правительства США на национальную науку. Только за 1980—1985 финансовые гг. уровень федеральных ассигнований на исследовательскую деятельность министерства обороны поднялся в сопоставимых ценах (1985 г.) в 2,5 раза. Американская статистика не приводит данных о контингенте научных работников, занятых в выполнении военных исследовательских программ. По нашей оценке, в таких работах в середине 80-х годов занято не менее 30—35 % общей численности научного персонала страны (в пересчете на полную занятость), или 240—280 тыс. человек.

Среди преимуществ, извлекаемых промышленными корпорациями США путем участия в военном бизнесе, связанном с исследованиями и разработками, следует выделить следующие.

Во-первых, промышленные корпорации, участвующие в выполнении военных исследовательских проектов, в отличие от других компаний, производящих продукцию общего назначения, проводят исследовательские

работы не за счет собственных средств, а за счет средств федерального бюджета. Это позволяет военно-промышленным корпорациям разрабатывать наиболее сложную и связанную с риском «наукоемкую» технику, высокими темпами накапливать научный потенциал. По предварительным данным, в 1987 г. правительство США выделило на финансирование исследовательских программ министерства обороны около 41,9 млрд долл., или примерно 70 % всех госбюджетных средств на финансирование национальной науки. Почти $\frac{3}{4}$ этих средств освоено в лабораториях и центрах военно-промышленных корпораций³.

Во-вторых, военно-промышленные корпорации находятся в чрезвычайно привилегированных условиях в отношении фондов, выделяемых на проведение исследовательских работ. Компании, занятые разработкой продукции общего назначения, вкладывая собственные средства в исследовательские проекты, могут рассчитывать на компенсацию таких затрат лишь в случае последующего успешного выхода продукции на рынок. С учетом значительной продолжительности исследовательских работ и последующего экспериментального производства такой период «ожидания» отдачи ранее сделанных инвестиций может занимать многие годы. Иные условия создаются для промышленных компаний — участников военных проектов, ибо министерство обороны оплачивает расходы по исследованиям по мере их выполнения, при этом в стоимость контрактов включается и прибыль фирмы-подрядчика. Таким образом, оборот военно-промышленных корпораций и масса прибыли определяются не только размерами сбыта готовой военной техники, но и объемами «отгрузок научной продукции». По официальным данным, в 1987 финансовом г. министерство обороны США закупило у промышленных корпораций военной техники на сумму 95,8 млрд долл. и, кроме того, на 41,9 млрд долл. научной продукции⁴.

В-третьих, военно-промышленные корпорации получают скрытую поддержку министерства обороны и других федеральных ведомств, используя так называемые «федеральные контрактные исследовательские центры». Сеть таких центров была создана на средства федерального бюджета. Они формально являются собственностью федерального правительства, а военно-промышленные корпорации осуществляют оперативное руководство такими центрами, безвозмездно пользуясь их материаль-

ной базой для проведения исследовательских и экспериментальных работ. Так, одна из старейших американских военно-промышленных компаний, «Дюпон де Немур», по существу распоряжается федеральным исследовательским центром «Саванна ривер лэборатори», другой традиционный подрядчик Пентагона — «Рокуэлл интернэшнл» — «Локхид метал инжиниринг центр», «Юнион карбайд» — «Окридж нэшнл лэборатори», «Дженерал электрик» — федеральным центром «Ноллс атомик пауэр лэборатори»⁵. Министерство обороны США создало, кроме того, сеть центров по различным областям науки с целью улучшения информационного обеспечения своих подрядчиков.

В-четвертых, военно-промышленные корпорации, накапливая за счет федеральных ассигнований передовой научно-технический опыт, приобретают и используют возможности его практического применения в производстве невоенной продукции. Это имеет большое значение для крупных военно-промышленных корпораций с сильной диверсификацией производства. Так, крупный подрядчик министерства обороны США «Дженерал электрик» выпускает продукцию с номенклатурой в десятки тысяч наименований, включая реакторы для подводных лодок и микроволновые кухонные печи, двигатели для истребителей и бомбардировщиков и бытовые холодильники, спутниковую аппаратуру и зажигалки, эти возможности используют другие подрядчики.

Известно, что в наиболее развитых капиталистических странах непосредственное участие в проведении научно-исследовательских работ остается привилегией весьма немногочисленной горстки промышленных компаний. По нашим подсчетам, даже в США — наиболее развитой в научно-техническом отношении капиталистической стране — непосредственное участие в проведении научных исследований принимают промышленные компании, составляющие не более 2,5—3% общего числа формально независимых частных компаний, функционирующих в американской обрабатывающей промышленности. Для подавляющего большинства фирм участие в разработке новой техники и технологии практически недостижимо. Проникновению в сферу научно-исследовательских работ препятствуют многочисленные факторы, включая постоянно возрастающую капиталоемкость самого исследовательского процесса, требующего в современных условиях использования не только высококвалифицированной рабочей силы, но и дорого-

стоящих научных инструментов, приборов, специальных реактивов, оборудования.

По нашим подсчетам, во второй половине 70-х годов в обрабатывающей промышленности США около 72—74% общего объема текущих расходов на научные исследования и разработки было освоено лабораториями и центрами крупнейших компаний, число занятых в которых составляло 25 тыс. человек и выше. При этом основная часть объема исследовательских работ в отраслях американской обрабатывающей промышленности (около 62—65%) была реализована в 70-е годы в исследовательских подразделениях крупных компаний с годовым объемом финансирования исследовательских программ у каждой в 100 млн долл. и более. Как показывает опыт, даже для крупных промышленных компаний инвестиции капитала в сферу исследовательских работ являются рискованным делом. Подавляющее большинство исследовательских тем и проектов, выполняемых промышленными компаниями, не завершается разработкой конкурентоспособных новых товаров и коммерческим успехом научно-исследовательской деятельности. Этим во многом объясняется относительно низкий уровень собственных расходов промышленных компаний на исследования и разработки. В 70-е годы такие расходы у компаний обрабатывающей промышленности США в среднем составляли не более 2—2,2% от объема оборота.

Примечательно, что степень концентрации финансовых ресурсов, выделяемых буржуазным государством на содействие научно-техническому прогрессу, и в первую очередь военным научным исследованиям и разработкам в промышленности, существенно выше, чем в целом уровень концентрации производства. Так, во второй половине 70-х годов на первые 20 крупнейших (по объемам годовых научно-исследовательских программ) корпораций приходилось около 18 % объема сбыта всех компаний, принимающих участие в исследовательских работах, 19% общего числа занятых и около 43% собственных финансовых ресурсов, вкладываемых компаниями в исследовательские работы⁶. За тот же период на долю 20 крупнейших подрядчиков федеральных ведомств США, и в первую очередь подрядчиков министерства обороны, министерства энергетики и НАСА, приходилось от 71 до 72% всех федеральных ассигнований, выделяемых на проведение научно-исследовательских работ. Высокий уровень концентрации финансовых ре-

сурсов, выделяемых небольшому числу военных ведомств, с одной стороны, а также концентрация этих средств в лабораториях и центрах опять-таки немногочисленной группы могущественных промышленных монополий — с другой, несомненно, облегчают укрепление отношений между партнерами военно-промышленного комплекса в сфере исследований и разработок.

Выделение огромных средств на проведение военных исследовательских программ отнюдь не отражает заботы федерального правительства о повышении общего уровня и темпов научно-технического прогресса хозяйства в целом. На протяжении всего послевоенного периода, и в особенности в 80-х годах, ряд отраслей американской промышленности либо не получает федеральной финансовой поддержки исследовательским работам, либо получает ее в совершенно недостаточных размерах. В официальной статистике США отсутствуют, например, данные о размерах федерального финансирования исследовательских работ в таких отраслях, как легкая и пищевая промышленность, фармацевтическая, резинотехническая, промышленность стройматериалов. Менее 10 млн долл. выделяет федеральное правительство на исследовательские работы в черной металлургии. Отметим, что в указанных отраслях наблюдается недостаток собственных финансовых ресурсов, необходимых для обеспечения научно-технического прогресса. Выделенные министерством обороны США на 1985 финансовый г. для проведения исследований только по трем ракетным программам около 4,5 млрд долл. существенно превышают объем федеральных расходов на научно-исследовательские работы в таких крупных отраслях американского хозяйства, как основная химическая промышленность, нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая, легкая и пищевая, целлюлозно-бумажная, металлургическая и многие другие. Таким образом, высокоприбыльное участие крупнейших военно-промышленных корпораций в военных исследованиях и разработках одновременно сдерживает научно-техническое развитие других отраслей и производств, находящихся на далекой периферии интересов военно-политического руководства США и других империалистических стран.

Ориентация ВПК США на захват и удержание военного научно-технического превосходства, а также массированное финансовое обеспечение такого курса создают для многочисленных исследовательских центров и лабораторий поистине уникальные возможности

для «саморазвития» военной техники. Анализ строительства вооруженных сил США на протяжении послевоенных десятилетий совершенно недвусмысленно показывает, что большинство крупных сдвигов в развитии вооружений отнюдь не было обусловлено реальным или потенциально ожидаемым «техническим» вызовом со стороны противника. Американская военная техника совершенствовалась усилиями ВПК, не испытывая существенных ограничений со стороны ресурсного обеспечения научно-исследовательских работ.

Министерство обороны США предоставляет промышленным подрядчикам — профессиональным разработчикам новой военной техники весьма широкие возможности инициативного и интенсивного поиска. Один из руководителей этого министерства на встрече с промышленными подрядчиками указывал, что в разработке техники стратегических сил следует в основном руководствоваться принципом «если можешь сделать — делай». Такой подход, подкрепляемый мощными финансовыми ресурсами, стимулирует конкуренцию между самими американскими разработчиками оружия и контроружия, наступательной и оборонительной военной техники с максимальным привлечением результатов научных исследований. Так, в «ответ» на поиски путей создания системы ПРО в 60-е годы были развернуты работы по созданию РГЧ индивидуального наведения. В середине 80-х годов уже на самом первоначальном этапе исследовательских работ по СОИ одновременно осуществляется поиск средств по преодолению противоракетной обороны, в том числе путем разработки новых МБР, средств повышения живучести носителей и боеголовок в отношении лазерного излучения и т. д.

На уровень и темпы экономического развития капиталистических стран оказывают влияние многочисленные факторы, определяемые как тенденциями, лежащими во внутренних закономерностях хозяйственной жизни, так и особенностями мирового капиталистического хозяйства в целом. При этом опыт последних десятилетий недвусмысленно указывает на то, что в капиталистических странах с более высокой долей народнохозяйственных затрат на военные исследования и разработки одновременно наблюдаются более низкие темпы роста производительности труда, снижение конкурентоспособности товаров невоенного назначения на внутреннем и внешнем рынках.

Особенно показательны в этом отношении общеэко-

номические последствия милитаризации научно-технического прогресса в крупнейшей капиталистической стране — США. В 80-х годах США продолжают сохранять позиции лидера в мировом капиталистическом хозяйстве по абсолютным размерам производства товаров и услуг, уровню производительности труда, масштабам научно-исследовательской деятельности. Однако соотношение экономических показателей меняется в пользу других капиталистических стран с относительно меньшей степенью милитаризации хозяйства, и в первую очередь научно-технического прогресса. В таких странах с более высоким удельным весом общенациональных расходов на невоенные исследования и разработки наблюдаются более высокие, чем в США, темпы роста валового национального продукта, производительности труда в промышленности. Доля ВВП, расходуемая на исследования и разработки невоенного назначения, по данным официальной статистики, была в начале 80-х годов в Японии на 26 %, а в ФРГ — на 47 % выше, чем в США ⁷. Увеличивается число патентов на изобретения, выдаваемых патентным ведомством США иностранным компаниям. За 1966—1982 гг. количество ежегодно патентуемых в США изобретений западногерманских компаний возросло с 3,9 до 5,4 тыс., или на 38 %, японских компаний — в 7,4 раза. За 1982—1984 гг. ежегодное число патентов, выдаваемых в США на иностранные изобретения, повысилось соответственно с 19,2 до 23,6 тыс., или на 28 % ⁸.

Все более отчетливо проявляется тенденция ухудшения внешнеторговых позиций США. За 1960—1980 гг. объем экспорта продукции общего машиностроения США возрос с 4,5 млрд долл. до 57,3 млрд, или в 11,5 раза, а объем импорта аналогичной продукции за тот же период — в 44,6 раза ⁹. В 1984 г. дефицит внешнеторгового баланса США в реализации продукции машиностроения достиг 8 млрд долл. ¹⁰ Примечательно, что под влиянием деятельности американского военно-промышленного комплекса такое ослабление позиций США происходит во внешней торговле не только продукцией обрабатывающей промышленности, но и «наукоемкой» промышленной продукцией, выпускаемой компаниями радиоэлектронной, автомобильной, химической и других отраслей промышленности. По официальным данным, удельный вес экспорта США в совокупном объеме внешней торговли стран — членов ОЭСР снизился за 1955—1982 гг. соответственно с 25,9 до 16,4 %, а в сфере

внешней торговли «наукоемкими» промышленными товарами — с 35,5 до 19,9 % ¹¹.

Широкомасштабная деятельность военно-промышленных комплексов США и других империалистических стран в новой и быстро развивающейся сфере научных исследований и разработок нагнетает гонку вооружений, усиливает военную опасность, одновременно тормозя развитие гражданских отраслей экономики этих стран. Гигантские расходы на исследовательские работы военного профиля — это не только прогрессирующая милитаризация науки и формирование новых витков качественной гонки вооружений, угрожающей ныне самому существованию человеческой цивилизации. Вместе с тем это снижение потенциальных возможностей развития хозяйства, сдерживание, а по существу торможение научно-технического прогресса в гражданском секторе промышленности и экономики в целом.

2. Масштабы и структура исследований и разработок военного профиля

Переходя к анализу данных официальной статистики, следует отметить ряд ограничений, имеющих своим главным результатом занижение реальных объемов затрат общественных ресурсов на военные исследования и разработки и соответственно преуменьшение буржуазной статистикой фактических масштабов усилий ВПК США и других империалистических стран в эскалации качественной гонки вооружений.

Во-первых, органами официальной статистики капиталистических стран ведется учет только части общенациональных затрат ресурсов на военные исследования и разработки. Учитываются, притом неполно, лишь ассигнования государства. Значительные по своим относительным и абсолютным размерам затраты частного сектора на исследования по созданию новых и совершенствованию существующих вооружений в официальной статистике не отражаются.

Во-вторых, публикуемая информация содержит оценку государственных расходов в денежной форме. Сопоставимые затраты трудовых и других ресурсов, вовлекаемых в военные исследования и разработки, не приводятся. В статистических материалах отсутствуют данные о стоимости и составе основных фондов научно-исследовательских учреждений военно-промышленных корпораций капиталистических стран, хотя в современ-

ных условиях ЭВМ, ускорители элементарных частиц, аэродинамические трубы и гиперзвуковые туннели и многие другие приборы, установки и инструменты оказывают решающее влияние на результаты исследований.

В-третьих, публикуемые материалы зарубежной статистики включают лишь данные о текущих затратах на военные исследования и разработки чисто военных министерств и ведомств. В связи с этим значительная часть госбюджетных средств, выделяемых на проведение военных исследований и разработок другим ведомствам, не учитывается и «растворяется» в бюджетах министерства энергетики, учреждений, ведающих исследованиями космического пространства, Мирового океана, геофизических, метеорологических и других проблем, имеющих в сущности непосредственное отношение к тем или иным аспектам военных приготовлений.

В-четвертых, буржуазная статистика не учитывает затраты на приобретение на коммерческо-лицензионной основе результатов военных научно-исследовательских работ, проводимых другими империалистическими странами.

Наконец, в-пятых, следует иметь в виду, что сама по себе информация о направленности военных научных исследований, в особенности относительно новых перспективных разработок, принципиально отличных от существующих разновидностей оружия и военной техники, тщательно засекречивается. Результатом явилось укрытие от широкой общественности не только небезызвестного проекта «Манхэттен», но и создания водородной бомбы, атомных подводных лодок-ракетоносцев, баллистических ракет с разделяющимися головными частями, нейтронных и бинарных боеприпасов. Не меньшей секретностью окружены современные разработки США по созданию «невидимого» для средств ПВО стратегического бомбардировщика, лазерного боевого оружия различного назначения, новейших средств ведения войны в космическом пространстве.

Таким образом, публикуемые органами буржуазной статистики сведения о затратах на военные исследования и разработки следует рассматривать в качестве минимальной оценки объемов финансовых ресурсов, используемых ВПК США и других империалистических государств для продолжения качественной гонки вооружений.

В табл. 1 приведены данные Стокгольмского института по исследованию проблем мира о текущих бюджет-

**Т а б л и ц а 1. Прямые текущие бюджетные расходы
некоторых империалистических стран на военные
исследования и разработки**
(млн долл. США, в ценах 1980 г.)

Страна	1975	1979	1984
Страны НАТО	21 420	23 154	32 829
США	15 397	15 850	24 668 ¹
Великобритания	2 944	3 504	3 701
Франция	1 962	2 517	3 190
ФРГ	943	1 071	895
Канада	82	80	100
Италия	38	46	160 ²
Нидерланды	46	49	49
Бельгия	5	3	2 ³
Дания	2	1	1 ³
Греция	—	3	4
Испания	—	7	14
Норвегия	—	22	43
Турция	1	1	2 ³
Япония	104	142	165 ³
Швеция	289	281	312
Австралия	126	115	123 ³
Швейцария	44	78	74
Новая Зеландия	2	4	3
И т о г о...	21 985	23 774	33 506

¹ По данным министерства обороны США, расходы этого министерства на военные научные исследования, разработки, испытания составили (в текущих ценах) в 1985 финансовом г. 31,3 млрд долл., поднимутся до 35,5 млрд долл. в 1986 г. и 42,0 млрд долл. в 1987 г.

² 1983 г.

³ Оценка СИПРИ.

Составлено и подсчитано по: World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook 1985. Stockholm, 1985. P. 291.

ных расходах на военные исследования и разработки 18 капиталистических стран за 1975—1984 гг. Национальные расходы пересчитаны в доллары США в сопоставимых ценах 1980 г. Из данных таблицы видно, что основной объем расходов на военные исследования и разработки сконцентрирован в странах НАТО. На долю таких стран из общего объема соответствующих расходов 18 стран приходилось в 1975 г. 97,4 %, в 1984 г. — около 98 %. Значительная неравномерность в распределении расходов на военные исследования и разработки характерна и для стран агрессивного блока НАТО. Здесь господствующее положение по масштабам милитаризации науки занимают 4 ведущих военно-промышленных комплекса современного капиталистического мира: американский, английский, французский и западногерман-

ский. Доля США, Великобритании, Франции и ФРГ в суммарных расходах на военные исследования и разработки всех стран НАТО составила в 1975 г. 96,6 %, а в 1984 г. — 98,6 %.

Большие различия имеются, конечно, и в масштабах исследовательской деятельности четверки ведущих ВПК. Так, по уровню затрат на военные исследования и разработки США в 1984 г. превосходили Великобританию в 6,7 раза, Францию — в 7,7, ФРГ — в 27,5 раза. В том же году на долю США приходилось около $\frac{3}{4}$ (74,9 %) таких расходов всех стран НАТО *. Чрезвычайно высокая концентрация расходов на военные исследования и разработки в США позволяет в известной мере рассматривать основные пропорции и тенденции, характерные для этой страны, в качестве данных, с достаточной полнотой отражающих положение в той же сфере во всем капиталистическом мире.

Теснейшая связь между масштабами военных научных исследований и разработок и все большим акцентом на качественных аспектах военного потенциала прослеживается в том, что в послевоенный период высокого уровня достигли не только исследовательские расходы как таковые, но и их доля в других статьях военных бюджетов. Стремление военно-политического руководства империалистических стран к возможно более широкому поиску направлений потенциальных «научно-технических прорывов» в военной области и приобретению возможностей создания очередных разновидностей «сверхоружия» ведет к тому, что военные исследовательские расходы в отдельные годы достигают 10 % и более военного бюджета и свыше $\frac{1}{3}$ стоимости гигантских закупок оружия и боеприпасов.

* По предварительным данным, опубликованным в 1986 г., удельный вес США в расходах капиталистических стран на военные научные исследования и разработки в 1985 г. дополнительно увеличился за счет принятых в стране новых мер по дальнейшей милитаризации американской науки. В упомянутом ежегоднике приводятся данные не по всему кругу стран, однако опережение США в этой области заметно и в сопоставлении с расходами других западноевропейских стран. Доля США в совокупном объеме расходов на военные исследования и разработки четырех наиболее мощных военно-промышленных комплексов составила в 1976 г. 72,4 %, в 1981 г. — 71,0, а в 1985 г. — 77,2 %. В сопоставимых ценах (1980 г.), по официальным оценкам, уровень таких расходов за 1981—1985 гг. во Франции понизился на 5,3 %, в ФРГ вырос на 40, в Великобритании также увеличился на 6, а в США (по оценке СИПРИ) повысился на 59,6 % (соответственно с 17,1 до 27,3 млрд долл. (1980 г.)) (World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook 1986. P. 301).

Особую интенсивность приобрел процесс милитаризации сферы научных исследований и разработок с приходом к власти новой администрации. Несмотря на то что предшествующим запросом в федеральном бюджете на 1981 финансовый г. намечалось повышение затрат на совершенствование оружия до 16 млрд долл., новая администрация буквально в первые же дни пребывания у власти потребовала у конгресса увеличения этих ассигнований на 700 млн долл., а в заявке на 1982 финансовый г. — их повышения до 20,1 млрд долл. По данным доклада заместителя министра обороны США по исследованиям и разработкам, ассигнования на военные исследования и разработки в интересах министерства обороны в 1986 финансовом г. составили 35,5 млрд долл.¹² Таким образом, за пятилетие (1981—1986) размеры таких федеральных ассигнований, выделяемых министерством обороны США, увеличились почти в 2,2 раза.

Не менее примечательной является установка республиканской администрации на перераспределение федеральных ассигнований на военные исследования и разработки по исполнителям. Военно-промышленные корпорации всегда были важнейшим подрядчиком военных министерств и ведомств в проведении исследовательских работ. Однако в последние годы их положение еще более укрепилось. Как видно из данных табл. 2, федеральные ассигнования на военные исследования и разработки, проводимые промышленными компаниями, росли опережающими темпами. В результате произошло увеличение доли промышленных компаний среди всех исполнителей заказов министерства обороны соответственно с 66,9 % в 1979 финансовом г. до 73,9 % в 1984 финансовом г. Не менее внушительны и абсолютные показатели увеличения доли «федерального пирога», которую традиционно получали компании, специализирующиеся на разработках оружия и военной техники. Из общего объема прироста федеральных ассигнований на исследовательские работы министерства обороны США за 1979—1984 финансовые гг. в 17,2 млрд долл. около 13,6 млрд долл., или почти 80 %, было обусловлено расширением портфеля заказов именно военно-промышленных компаний.

За послевоенные десятилетия не только сформировался сам механизм взаимодействия компонентов военно-промышленного комплекса империалистических стран в сфере научных исследований и разработок, но и определились основные пропорции этой сферы. Не-

Т а б л и ц а 2. Ассигнования министерства обороны США на исследовательские работы в распределении по исполнителям

Исполнители	1979		1980		1982		1984		Рост за 1979— 1984 гг.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%		
Лаборатории и центры промышлен- ных компаний	8,3	66,9	9,1	67,4	13,7	68,0	21,9	73,9	264	
Штатные лаборатории, центры и испытательные полигоны военных министерств	3,4	27,5	3,6	26,7	5,2	26,1	6,3	21,2	185	
Федеральные контрактные ис- следовательские центры	0,3	2,4	0,3	2,2	0,4	2,2	0,5	1,8	167	
Лаборатории и центры системы высшего образования	0,4	3,2	0,5	3,7	0,8	3,7	0,9	3,1	225	

П р и м е ч а н и е. Судя по официальным данным, структура распределения ассигнований министерства обороны США на исследовательские работы по исполнителям в период 1984—1987 финансовых гг. не претерпела существенных изменений. По этим данным, в 1987 г. из общего объема ассигнований в 41,9 млрд долл. на долю промышленных компаний приходится 71,3 %, лабораторий военных министерств — 22,8, федеральных контрактных центров — 2,2, лабораторий и центров системы высшего образования — 3,7 % (The FY 1987 Department of Defense Program for Research and Development. P. A — 6).

И с т о ч н и к и: The FY 1984 Department of Defense Program for Research and Development. P. A—4; The FY 1984 Department of Defense Program for Research and Development. P. A—5.

смотря на имеющиеся различия в функциональной структуре военных исследовательских работ, проводимых империалистическими странами, общим для нее является весьма высокий удельный вес разработок. Большая сложность современного вооружения требует выполнения значительного объема экспериментальных работ, проведения испытаний и других мероприятий по доводке идей, изобретений и открытий в ходе создания образцов боеприпасов, их носителей и других элементов оружия и боевой техники. В США, согласно официальным данным, из общего объема федеральных средств, выделяемых министерством обороны на проведение исследовательских работ в первой половине 80-х годов, около 85,7 % приходилось на долю разработок, а на фундаментальные и прикладные научные исследования — соответственно 1,4 и 12,9 % ¹³; в Великобритании (1981/82 г.) на долю разработок пришлось 88,3%, а на фундаментальные и прикладные научные исследования — 11,7 % ¹⁴.

Несмотря на относительно невысокий удельный вес фундаментальных и прикладных научных исследований в бюджетах военных министерств и ведомств империалистических стран, такие ведомства по абсолютным размерам соответствующих расходов, как правило, опережают другие министерства. В связи с этим военно-промышленные корпорации получают возможность финансировать за государственный счет проекты, рассчитанные на реализацию в весьма отдаленной перспективе. Такие корпорации в США и других империалистических странах осуществляют крупномасштабные теоретические и экспериментальные, фундаментальные и прикладные научные исследования по широкому спектру дисциплин. В 1982 финансовом г. министерство обороны США финансировало программы фундаментальных и прикладных научных исследований в области наук о живой природе в объеме 208 млн долл., психологии — 83,4 млн, математики — 188 млн, физики, химии и других естественнонаучных дисциплин — 689 млн долл. К 1985 финансовому г. объем финансирования фундаментальных и прикладных исследований того же министерства увеличился в области математики до 321 млн долл., в области естественных наук — до 610 млн долл. ¹⁵

В структуре исследовательского бюджета министерства обороны США выделяются работы по так называемой научно-технической базе, представляющей собой комплекс научно-исследовательских работ, на который

опираются все последующие стадии исследований, связанные с совершенствованием существующих и созданием принципиально новых видов оружия и военной техники. В 1983 г. текущие расходы на исследовательские работы по «научно-технической базе» составили 3 238 млн долл., или 14,2 % общего объема ассигнований, выделенных этому министерству на проведение исследований и разработок ¹⁶. В 1987 г. ассигнования на такие программы возросли до 3 585 млн долл. ¹⁷ Указанные средства используются военно-промышленными компаниями, штатными лабораториями министерств видов вооруженных сил, а также университетами для организации исследований по многим научным дисциплинам. Приведем некоторые из направлений работ, отражающих общую ориентацию исследовательской деятельности военно-промышленного комплекса США и других империалистических стран: ¹⁸

- разработка предназначенных для широкого использования в различной радиоэлектронной и вычислительной аппаратуре интегральных схем «сверхвысокого уровня интеграции», многократно снижающих габариты, вес и стоимость узлов, одновременно повышающих быстродействие и надежность аппаратуры;

- разработка новых средств математического обеспечения ЭВМ, создающих преемственность «старых» и «новых» математических языков, органически приспособляемых к новым типам микро- и мини-ЭВМ, используемых в различных типах военной техники, включая средства наведения РГЧ;

- совершенствование «классических» сенсорных систем, включая сейсмические, акустические, оптические и электромагнитные датчики;

- комплексное исследование применительно к военным потребностям преимуществ волоконной оптики, включая ее исключительно высокую пропускную способность, малый вес и малую уязвимость по отношению к электромагнитному излучению;

- комплексное использование лазерной техники в военном деле, в том числе для целей связи, целеуказания, направленного переноса большого количества энергии для целей противоракетной и противокосмической обороны;

- комплексные исследования в сфере вычислительной техники, ориентированные в том числе на быстрое улучшение характеристик микрокомпьютеров, создание нового поколения сверхкомпьютеров высокого быстро-

действия с параллельными потоками обработки данных, специальных компьютеров для обеспечения задач разведки, распознавания образов и других специальных функций военного профиля;

— разработка нового поколения радиолокационной техники, обеспечивающей достижение высокой «пространственной» разрешающей способности и устойчивости в отношении различных мер противодействия.

Милитаризация науки в рамках деятельности военно-промышленных комплексов — характерная и долговременная черта развития империалистических стран. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в 80-е годы этот процесс приобретает особую интенсивность. В США доля военных исследований в общем объеме федерального финансирования научных исследований и разработок, составлявшая менее половины в 1980 финансовом г., увеличивается до более чем $\frac{2}{3}$ в 1985 финансовом г. В заявках федеральных властей на финансирование военных исследований и разработок отражаются прежде всего интересы крупнейших военно-промышленных корпораций. За счет средств американских налогоплательщиков федеральное правительство финансирует исследовательские работы «Рокуэлл интернэшнл» по разработке стратегического бомбардировщика В-1В; опытно-конструкторские работы «Боинг» по переоборудованию стратегического бомбардировщика В-52 для внутрифюзеляжной и наружной подвески крылатых ракет; «Локхид» — по разработке тяжелого транспортного самолета С-5В, разведывательного самолета и самолета противолодочной обороны; «Дженерал дайнэмикс» — по усовершенствованию крылатых ракет наземного, воздушного и морского базирования, зенитных и противокорабельных ракет. Особенно крупные средства были выделены на исследовательские работы по стратегическим ракетам, в том числе: «Мартин-Мариетта» — 1 716 млн долл. на МБР МХ; «Мартин-Мариетта», «Боинг», «Локхид» — 700 млн долл. на МБР «Миджитмен»; «Локхид» — 2 007 млн долл. на ракету «Трайден-2». Только по этим трем программам выделено 4,5 млрд долл., что составляет около 13 % годового исследовательского бюджета министерства обороны США.

Особый интерес для военно-промышленных корпораций представляет участие в крупнейшем комплексе военных исследований, ориентированных на создание широкомасштабной противоракетной обороны с элемен-

тами космического базирования. Согласно имеющимся оценкам, эта программа СОИ на нынешней ее фазе предусматривает выполнение беспрецедентного объема исследовательских работ общей стоимостью около 26 млрд долл. в расчете на пятилетие. Уже в 1986 финансовом г. расходы на исследования были предусмотрены в размере 2,7 млрд долл.¹⁹ Таким образом, находясь еще в «младенческом возрасте» (программа осуществляется на стадии «перспективных разработок»), она уже заметно опережает годовые уровни финансирования таких «зрелых» проектов, как разработки МБР МХ и БРПЛ «Трайидент-2».

По опубликованным данным, «Организация по осуществлению СОИ» к концу 1985 г. заключила контракты с 1500 промышленными подрядчиками²⁰. Крупнейшие из этих компаний видят в СОИ растущие от десятилетия к десятилетию военные заказы, связанные с курсом на милитаризацию космоса; они заранее подсчитывают миллиардные прибыли от реализации программы «звездных войн».

В расчетах военного бизнеса на прибыльное участие в реализации СОИ учтен и чрезвычайно широкий спектр связанных с этой программой научных проблем, охватывающий едва ли не все области современного естествознания, включая проблемы материаловедения, автоматизации, двигателестроения, оптики и электроники, космической и информационной техники, использования техники «направленного переноса энергии» и многие другие. Фабриканты оружия, видимо, ориентируются на накопление еще на исследовательской стадии СОИ такого научного задела, который в дальнейшем может быть использован для создания разнообразной военной и невоенной техники.

Следует подчеркнуть, что сама идея СОИ явилась результатом усилий не только военных стратегов, но и военно-промышленных корпораций, готовивших различные компоненты новой системы ПРО задолго до провозглашения «стратегической оборонной инициативы». Так, компания TRW по собственной инициативе начала разрабатывать высокоэнергетический лазер еще в 1970 г. В 1978 г. та же компания создала и испытала боевой химический лазер мощностью 400 кВт, а в 1984 г. — наиболее мощный (около 2 тыс. кВт) химический лазер. Другая военно-промышленная корпорация — АВКО — еще в 1968 г. проводила разработки в области газодинамических лазеров. В 1979 г. группа

представителей военно-промышленных корпораций обратилась в конгресс с предложением создать систему ПРО на основе 5-мегаваттных лазеров космического базирования. В 1981 г. аналогичную идею на основе лазеров мощностью по 10 МВт предложила компания «Мартин-Мариетта». На протяжении многих лет проводит исследования в области ПРО, основанной на применении противоракет, один из ведущих подрядчиков Пентагона — компания «Локхид».

Программа «звездных войн» — детище военно-промышленного комплекса США. И далеко не случайно, что военно-промышленные корпорации, выступавшие в свое время пионерами в разработке «экзотической» военной техники, стоят сейчас в первой шеренге подрядчиков «Организации по осуществлению СОИ». По данным на конец 1985 г., общая сумма таких исследовательских контрактов у TRW составляет 424 млн долл., у «Теледайн» — 237 млн, у «Боинг» — 217 млн, у «Рокуэлл интернэшнл» — 204 млн долл. Неслучайно, что среди американских штатов, в которых размещаются штаб-квартиры и предприятия ведущих подрядчиков по программе СОИ, лидирует Калифорния — зона наиболее высокой концентрации военно-промышленных корпораций. Подряды, полученные компаниями этого штата по СОИ, оцениваются в 1 161 млн долл. (по штатам Алабама — 355 млн долл., Вашингтон — 238 млн, Массачусетс — 204 млн, Техас — 154 млн долл.) ²¹.

В 1985—1986 гг. вопросы определения уровня и самой структуры ассигнований на комплекс работ по СОИ становятся едва ли не наиболее дискуссионной темой дебатов, посвященных обсуждению проектов бюджетов федерального правительства на последующий финансовый год. Особенно острыми были дискуссии между сторонниками программы СОИ и ее оппонентами в палатах американского конгресса в 1986 г. Вместе с тем следует отметить, что не в последнюю очередь под мощным напором американских военно-промышленных корпораций — профессионалов разработки и производства военной техники согласительная комиссия палат конгресса пришла к «компромиссному уровню» финансирования СОИ в 1987 финансовом г. в объеме 3,5 млрд долл. ²² Львиная доля этих ресурсов приходится на контракты с наиболее могущественными корпорациями американского военно-промышленного комплекса. Согласно данным «Дифенс ньюс», Пентагон запрашивал у конгресса ассигнования на СОИ на 1988 финансовый г.

в размере 5,8 млрд долл., или на 65 % больше, чем в 1987 финансовом г.²³ Военно-промышленные круги стремятся не только к увеличению общих размеров финансирования СОИ. Они ориентируются на перераспределение структуры ассигнований, в том числе для ускоренной разработки «кинетических» средств космического и наземного базирования, используемых для перехвата МБР. В этом отражается стремление ВПК и других правых сил США как можно скорее приступить к развертыванию СОИ с использованием относительно известной техники — миниатюрных ракет-перехватчиков на химическом топливе. Ведущими подрядчиками в этих программах выступают «Локхид» и «Макдоннелл-Дуглас». Объединенными усилиями профессиональная военщина вместе с руководителями не менее профессиональных разработчиков новейшей человекоубойной техники стремятся создать все предпосылки для придания необратимого характера развитию СОИ, что соответствует долгосрочным интересам военно-промышленного комплекса.

3. Международные аспекты милитаризации науки

В послевоенные десятилетия основной поток усовершенствований оружия и военной техники в целом формировался на базе научных и производственных потенциалов национальных ВПК. Львиная доля госбюджетных финансовых ресурсов, выделяемых для проведения военных научно-исследовательских работ, осваивалась в лабораториях и центрах военно-промышленных компаний США, Великобритании, Франции и других стран. Острейшие межмонополистические противоречия, возникающие в процессе борьбы за внутренние и внешние рынки сбыта высокоприбыльной новейшей военной техники, объективно тормозили и продолжают сдерживать тенденции расширения и углубления военного научно-технического сотрудничества. На протяжении многих послевоенных лет практически уникальным поставщиком новейшей и наиболее наукоемкой военной техники выступали американские военно-промышленные компании авиаракетной, радиоэлектронной и некоторых других военизированных отраслей промышленности. К середине 80-х годов США сохраняли положительное сальдо в торговле военной техникой не только с развивающимися странами, но и с наиболее развитыми в научно-техническом отношении западноевропейскими странами НАТО и Японией.

Вместе с тем не следует недооценивать формирование новых тенденций развития военно-ориентированных научных связей между ВПК империалистических стран. Это в особой мере характерно для расширения объемов современного научно-технического сотрудничества между военно-промышленными компаниями западноевропейских стран, которое теперь включает в себя не только взаимные поставки комплектующих узлов и деталей разнообразной военной техники, но и лицензионный обмен, проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Особенно важным представляется учет таких новых тенденций в свете усиливающегося давления американской администрации с целью вовлечения научно-технического потенциала западноевропейских стран и Японии в процесс подготовки и развертывания гонки вооружений в космосе.

В рамках процессов, развивающихся в сфере военного научно-технического сотрудничества западноевропейских стран — членов НАТО, следует прежде всего отметить усиливающуюся кооперацию в области авиакосмической техники. У истоков этого сотрудничества были такие крупные и весьма амбициозные по своим целям программы, как создание трансконтинентального сверхзвукового лайнера «Конкорд», широкофюзеляжного лайнера на средние дистанции «аэробус», истребителя «Торнадо», и некоторые другие проекты. В начале 80-х годов идеи кооперации западноевропейских стран НАТО на стадии совместной разработки проектов вновь приобретают широкую поддержку²⁴. ФРГ и Франция заключили соглашение о проведении научных исследований и разработке к 90-м годам «противотанкового» вертолета. Первые поставки этих вертолетов намечаются на 1992 г. По соглашению предусматривается закупка 212 таких вертолетов ФРГ и 215 вертолетов Францией. Из общей стоимости проекта в 3,8 млрд долл. около 700 млн долл. выделяется на совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

В июле 1984 г. министры обороны пяти европейских стран НАТО (Франция, ФРГ, Великобритания, Италия и Испания) подписали соглашение о совместной разработке и производстве «европейского истребителя» (ЕФА). Начало разработки проекта — 1985 г., а первых поставок — 1995 г. В разработке двигателя участвуют «Роллс-Ройс» (Великобритания), МТУ (ФРГ), СНЕК-МА (Франция). Осенью того же года к проекту присоединились Нидерланды. Общая стоимость программы

разработки и выпуска новых истребителей оценивается в 20 млрд долл. (цены 1983 г.).

В апреле 1984 г. восемь стран НАТО (США, Канада, Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Нидерланды, Испания) приступили к изучению вопроса о совместной разработке и производстве нового фрегата многоцелевого назначения. Одна из боевых задач нового фрегата — повышение эффективности противолодочной обороны. Первые поставки новых фрегатов намечаются на 1994 г. По зарубежным оценкам, этот проект является крупнейшим среди совместных разработок систем оружия странами НАТО. Следует отметить также проект создания силами американских и западноевропейских фирм новой головной части для управляемых ракет систем залпового огня. В объединение, созданное для разработки и производства новой головной части, вошли американская компания «Мартин-Мариетта», западно-германская «Диль», французская «Томсон» и английская «Торн-Эми». Реактивные снаряды с новой головной частью будут оснащены всепогодной активной радиолокационной системой наведения на конечном участке полета и поступят на вооружение США, Франции, Великобритании и ФРГ в начале 90-х годов. Дальность полета снарядов — 17 км. Основное назначение — поражение танков, самоходных артиллерийских установок и боевых машин пехоты. На разработку новой головной части выделено около 500 млн долл.²⁵

В западноевропейских странах НАТО по мере повышения сложности и качества современной военной техники все чаще подчеркивается «объективная необходимость» консолидации сил отдельных государств, отраслей и компаний в проведении научных исследований, разработок и организации производства. Значительные усилия в этом направлении предпринимаются Независимой европейской группой программирования — неформальной группой, объединяющей почти все западноевропейские страны НАТО (за исключением Исландии). В одном из меморандумов этой группы, в частности, отмечается: «В обозримом будущем по крайней мере часть военного производства будет базироваться на использовании передового американского научно-технического опыта, потому что ресурсы, выделяемые в этой стране промышленностью и федеральным правительством, намного превосходят ресурсы, выделяемые всеми западноевропейскими членами НАТО»²⁶. На первом заседании этой группы с участием министров обороны

западноевропейских стран НАТО в ноябре 1984 г. было выражено одобрение по ряду конкретных мероприятий, ориентированных на усиление координации в вопросах проведения военных исследований, разработок и закупок военной техники. В качестве сфер долгосрочного научно-технического сотрудничества на том же заседании были предложены три крупные программы: военнотранспортный самолет, зенитная ракета среднего радиуса действия, основной боевой танк нового поколения.

В послевоенный период интенсивно распространяется такая форма коммерческой передачи научно-технического опыта, как лицензионные соглашения. Высокими темпами развивается торговля лицензиями и на производство отдельных компонентов, узлов и комплектующих агрегатов современной военной техники. Сочетание собственных технических достижений с изобретениями других компаний позволяет производителям осваивать производство новейшей военной техники, экономить время и средства, необходимые для проведения исследовательских работ собственными силами. Продавцы лицензий — лицензиары расширяют за счет поступления лицензионных платежей размеры своего торгового оборота, повышают «отдачу» средств, вложенных ими ранее в проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, наконец, создают основу для последующего экспорта комплектующих изделий, заключения новых лицензионных соглашений.

Зарубежная статистика не приводит данных относительно объемов лицензионной торговли в сфере военного производства и соответственно данных о распределении лицензионных платежей и поступлений. Вместе с тем имеющаяся информация указывает на предметную структуру действующих лицензионных соглашений и страны — участницы лицензионного обмена. По данным СИПРИ, в 1983 и 1984 гг. действовало соответственно 118 и 117 лицензионных соглашений на производство разнообразных компонентов современной военной техники. В качестве основных экспортеров передового научно-технического опыта в производстве военной техники выступают компании-лицензиары из США, Франции, ФРГ и Великобритании. При этом около 55 % действующих лицензионных соглашений заключено между компаниями развитых капиталистических стран. Остальная часть соглашений связана с передачей опыта индустриальных капиталистических стран развивающимся. Ведущими импортерами лицензий среди разви-

тых стран являются Япония (15 лицензионных соглашений), Италия (12), Нидерланды (7). Среди развивающихся стран и территорий по числу действующих лицензионных соглашений лидируют Египет (13 соглашений), Чили (5), Индонезия (5), Южная Корея (5), Тайвань (5).

Следует отметить значительные различия между США и западноевропейскими странами в географической структуре экспорта лицензий на новую военную технику. Так, на долю американских компаний приходится около 75 % от общего числа лицензионных соглашений между развитыми индустриальными странами и лишь 20 % от числа соглашений между развитыми и развивающимися странами. На долю ФРГ, Великобритании и Франции в 1984 г. приходилось 29 лицензионных соглашений, заключаемых с партнерами из развивающихся стран, или 58 % от общего их числа. Попутно отметим, что доля той же группы стран в числе лицензионных соглашений между компаниями индустриальных капиталистических государств была существенно ниже — 22 %. Обращает на себя внимание широкая номенклатура лицензионного импорта не только развитых, но и развивающихся стран. Согласно данным СИПРИ, в 1984 г. развивающиеся страны на основе лицензионных соглашений использовали научно-технический опыт индустриальных стран при производстве такой военной техники, как танки, боевые машины пехоты, вертолеты различного назначения, надводные корабли и подводные лодки, истребители, управляемые ракеты, и других ее разновидностей²⁷.

Было бы неправомерным недооценивать влияние ВПК ведущих капиталистических государств на передачу своего научно-технического опыта тем развивающимся странам, которые связаны с основными «центрами силы» современного империализма многочисленными явными и скрытыми, прямыми и косвенными отношениями. США и другие страны НАТО активно способствуют распространению научно-технического опыта в производстве разнообразной военной техники. Ряд развивающихся стран к середине 80-х годов в значительных объемах выпускал не только простейшие разновидности артиллерийского и стрелкового оружия, но и сложную современную технику, монопольными производителями которой на мировом капиталистическом рынке в недалеком прошлом выступали лишь США и их ближайшие империалистические союзники по НАТО. Осо-

бенно интенсивно процесс расширения и обновления номенклатуры производства военной техники развивающимися странами протекает в последние годы. В 1965 г. среди развивающихся стран только одна страна выпускала боевые самолеты (истребители), вертолеты, основные боевые танки. За 1975—1984 гг. число стран — производителей истребителей возросло с 5 до 9, вертолетов — с 4 до 6, тактических ракет — с 2 до 7, основных боевых танков — с 2 до 6, надводных боевых кораблей — с 4 до 6²⁸.

Стимулирование США и другими империалистическими странами создания периферийных центров производства оружия осуществляется различными путями с учетом уровня развития экономики и промышленности стран, использующих передовой военный научно-технический опыт. Государственные и частные предприятия развивающихся стран к середине 80-х годов не только участвуют в ремонте и сборке поставляемой зарубежной военной техники, производстве на основе лицензий отдельных компонентов и систем оружия, но и во все больших масштабах приступают к производству новой военной техники на основе собственных исследовательских и проектных работ. В 1984 г. по своей технологии истребители и реактивные тренажеры, военно-транспортные самолеты, управляемые ракеты, надводные военные корабли выпускали, например, Аргентина и Бразилия, а Египет — легкие военные самолеты, управляемые ракеты, легкие танки и боевые машины пехоты.

Конечно, и при освоении производства собственных моделей военной техники развивающимися странами значительную роль продолжают играть закупки по импорту отдельных, наиболее важных компонентов, использование зарубежных специалистов на проектных и других работах, наконец, использование зарубежного научно-технического опыта по лицензиям на запатентованные изобретения и «ноу-хау». Так, боевой танк аргентинского производства ТАМ, выпуск которого был освоен в 1981 г., имел в своей основе западногерманский проект, импортный двигатель компании МТУ (ФРГ), импортную трансмиссию компании «Ренк» (ФРГ), пушку, выпускаемую на месте по лицензии компании «Рейнметалл» (ФРГ), пулемет, выпускаемый на месте по лицензии компании ФН (Бельгия), импортный прицел для командира танка компании «Штейнхейль» (ФРГ), импортную систему наблюдения для второго

члена экипажа компании «Цейс» (ФРГ), импортные траки компании «Диль» (ФРГ). Кроме того, аргентинским продуцентам нового танка большая помощь в проведении исследовательских работ была оказана западногерманской фирмой «Тиссен-Хеншель».

Аналогичная ситуация имеет место и в «самостоятельном» выпуске сложной военной техники другими странами. Нередко в развертывании такими странами выпуска новой военной техники и в самом ее производстве, а также использовании принимает участие большое число компаний разных стран, включая наиболее развитые в индустриальном отношении. Примером может быть организация производства военного самолета «Авиокар» испанской компанией КАСА. Этой компании, часть акций которой принадлежит американской «Нортроп» и французской «Дассо», была оказана мощная лицензионная поддержка указанными компаниями, а также западногерманской МББ, кроме того, американская «Гаррет» поставляет КАСА двигатели. Самолет экспортируется в 18 стран мира, включая США и Францию. Испанская КАСА продала лицензию на производство своей машины индонезийской «Нуритано», а последняя в 80-е годы приступила к экспорту самолетов в Саудовскую Аравию и Таиланд. Более $\frac{3}{4}$ лицензий на производство военной техники в развивающихся странах поставляется западноевропейскими странами. Менее охотно этим странам продаются лицензии американскими фирмами ²⁹.

Новейшие тенденции в развитии международных военно-ориентированных научно-технических связей и взаимодействии национальных ВПК в сфере милитаризации науки проявились в связи с американской «стратегической оборонной инициативой», или, точнее, с программой «звездных войн».

Особый взаимный интерес к этой новой области научно-технического сотрудничества характерен для американского и английского военно-промышленных комплексов.

Военно-политическое руководство Великобритании, как известно, первым из европейских стран НАТО выступило с активной поддержкой СОИ, подписало «меморандум о взаимопонимании» и стимулирует расширение связей военно-промышленных корпораций страны с американской «Организацией по осуществлению СОИ», министерством обороны США и заокеанскими партнерами из числа профессиональных разработчи-

ков и продуцентов военной техники. Интерес американской стороны к привлечению научного потенциала Великобритании обусловлен довольно высоким уровнем развития техники и технологии, достигнутым рядом английских фирм. Некоторые из них традиционно выступают даже конкурентами американских компаний на мировом рынке авиационного двигателестроения, военной электроники, имеют значительные достижения в вычислительной технике, совершенствовании ядерных боеприпасов. Военно-промышленные корпорации Великобритании мотивируют свое стремление к участию в американской программе СОИ якобы имеющимся дефицитом средств, необходимых для проведения исследований по наиболее перспективным и рискованным направлениям развития военной техники.

Судя по зарубежным данным, процесс формирования «очереди» английских военно-промышленных корпораций за получением контрактов по СОИ уже прошел свою начальную стадию. По официальным данным, в Великобритании образовался «неформальный клуб» на заключение таких контрактов из 30 компаний. Однако даже на этой стадии уже просматриваются как основные участники научно-технического сотрудничества двух ведущих военно-промышленных комплексов современного империализма, так и некоторые из конкретных направлений такого альянса. В конце 1985 г. о своем намерении принять участие в американской программе объявила «Бритиш аэроспейс», обладающая, в частности, опытом разработки различных датчиков, ракетных двигателей и другой военной техники³⁰. Радиоэлектронная «Торн-Эми» направила в США группу экспертов для выявления условий своего партнерства. Значительный интерес к заключению контрактов с «Организацией по осуществлению СОИ» проявляют «Хантинг групп энд шортс» (противоракетная техника), «Ферранти», «Рэкел» и «Дженерал электрик компани — Маркони» (военная электроника), «Лоджика» и «Сайкон» (математическое обеспечение ЭВМ), «Бритиш телеком» и «Плесси» (волоконная оптика)³¹.

Заключены первые контракты с упомянутым американским ведомством по координации исследовательских работ по СОИ некоторыми английскими университетскими исследовательскими центрами. В конце 1985 г. был подписан контракт на исследовательские работы по СОИ стоимостью 285 тыс. долл. с группой во главе с проф. Д. Смитом с физического факультета

Эдинбургского университета и отделением «Ферранти компьютер» в области «оптических» компьютеров. По мнению зарубежных экспертов, прогресс в разработке новых концепций оптических компьютеров может привести к созданию ЭВМ, превосходящих лучшие современные образцы по быстродействию в 10—100 тыс. раз³².

Возрастает интерес к участию в американской программе СОИ западногерманских разработчиков и фабрикантов оружия, и прежде всего двух лидеров авиакосмического крыла военно-промышленного комплекса ФРГ — концернов МББ и «Дорнье», а также двух других промышленных гигантов — оптического «Цейс» и машиностроительного МАН. Ожидается, что отделение «Дорнье системз ГмБХ», дислоцированное в Фридрихсхафене и специализирующееся в области электронной и космической техники, станет одним из ведущих западноевропейских партнеров американского военно-промышленного комплекса в выполнении исследовательских работ по СОИ. Это отделение уже накопило значительный опыт в сотрудничестве с американскими корпорациями в процессе создания электронной аппаратуры для космического корабля «Шаттл». Кроме того, компания «Дорнье» уделяет значительное внимание проблемам разработки лазеров на свободных электронах. Следует отметить, что «Дорнье» предполагает одновременно разрабатывать лазеры на свободных электронах для европейской программы «Эврика». Увеличивает размеры своего участия в космической программе «звездных войн» другой западногерманский военно-промышленный концерн — МББ. Один из его проектов в этой области — создание высокоэнергетического химического лазера мобильного базирования (на танке). Лазер ориентирован на потенциальное использование в качестве средства перехвата ракет на конечном участке траектории.

Известно, что правительство Франции заняло по отношению к СОИ особую позицию и не пошло на подписание межправительственного соглашения. В то же время оно не препятствует французским компаниям устанавливать и развивать научно-техническое сотрудничество с американскими партнерами по программе СОИ. Об участии в таком сотрудничестве заявили, в частности, представители отделения компании «Аэропассиаль», специализирующегося в области ракетно-космической техники, компания «Матра», имеющая

в виду сотрудничество как непосредственно с «Организацией по осуществлению СОИ» в качестве подрядчика, так и в качестве одного из субподрядчиков американских промышленных корпораций³³.

Зарубежные эксперты отмечают, что среди западноевропейских компаний повышенную активность в установлении контактов с «Организацией по осуществлению СОИ» проявляют итальянские фирмы. В марте 1986 г. итальянское правительство последовало за Великобританией и ФРГ в вопросе об участии в американской СОИ. По инициативе итальянской авиа- и вертолетостроительной компании «Агуста» сформирован Итальянский консорциум по стратегической технике, в который вошли 8 авиакосмических и электронных компаний. Этот консорциум будет разрабатывать общие условия для заключения контрактов на участие в американской СОИ и западноевропейской программе «Эврика».

Президент нового консорциума Франко Борделли заявил: «К числу основных направлений работ консорциума следует отнести исследования в области средств математического обеспечения сверхбыстродействующих компьютеров, оптоэлектронику, лазеры, информационные сенсорные устройства и новое поколение электронных компонентов»³⁴. Не вошедшая в консорциум «Аэриталия» самостоятельно изучает вопрос о масштабах и направлениях своего участия в исследовательских программах по СОИ и «Эврике».

Несмотря на различные оговорки, нынешнее правительство Японии рассматривает американскую программу СОИ в качестве важного военного канала научно-технического обмена. При этом «юридической основой» расширения сферы взаимодействия с военно-промышленным комплексом США является соглашение о научно-техническом обмене между двумя странами, подписанное в ноябре 1983 г. По инициативе США в это соглашение были включены положения, обеспечивающие «либерализацию» обмена между промышленными компаниями двух стран не только в области военной техники, но и в сфере так называемой «технологии двойного назначения», т. е. обмена результатами научно-исследовательских работ гражданского назначения, но имеющими определенные перспективы применения и в области новой военной техники. Соглашение 1983 г., несомненно, ориентировано на расширение возможности непосредственных межфирменных контактов,

в том числе для «обхода» некоторых положений японской конституции.

Практическое применение американо-японского соглашения о научно-техническом сотрудничестве уже позволило министерству обороны США без лишнего «шума» приобрести компоненты, выпускаемые американским филиалом — японской «Хитати киндзоку». Они необходимы для проведения исследовательских работ по высокоэнергетическим лазерам и ускорителям, выполняемых в лос-анжелесской лаборатории в связи с программой СОИ³⁵. Министерство обороны, министерство энергетики и другие американские ведомства проявляют повышенный интерес к использованию достижений японских компаний в области электронных компонентов, оптоэлектроники, скоростных средств обработки и передачи информации. Среди перспективных направлений японо-американского военно-промышленного сотрудничества отмечается также использование робототехники в производстве электронных компонентов, ракет ПВО, оснащенных инфракрасными и радиолокационными головками наведения, специальных маскировочных покрытий для летательных аппаратов, различных керамик для двигателестроения.

Таким образом, американская программа «звездных войн» открывает новый этап милитаризации науки, характеризующийся объединением усилий наиболее развитых стран капиталистического мира на опаснейшем направлении гонки вооружений.

Анализ деятельности военно-промышленных комплексов США и других империалистических стран позволяет выделить факторы, связанные как с новыми условиями функционирования ВПК, так и с усилением его влияния на характер и направленность научно-технического прогресса США и других империалистических стран.

В условиях научно-технической революции наблюдаются, как известно, более высокие, чем в прошлом, уровни, а в отдельные периоды — и темпы экономического развития. Однако, пожалуй, наиболее важным представляется интенсивная перестройка самой структуры хозяйства, и в первую очередь отраслевой структуры промышленности. В ходе научно-технической революции возникли принципиально новые производства и целые отрасли промышленности. Несмотря на большое разнообразие таких структурных изменений, их общим «знаменателем» является резкое расширение сферы на-

учно-исследовательской деятельности, увеличение объема «производства» открытий и изобретений. Научно-исследовательские работы стали для промышленных компаний неотъемлемым компонентом их конкурентной борьбы на внутреннем и внешнем рынках сбыта. Особое значение та же сфера приобретает в современных условиях для военно-промышленных корпораций, не только поставляющих военным ведомствам военную технику, но и прибыльно сбывающих этим ведомствам сами идеи ее создания, результаты проводимых за счет казны исследований. Не испытывая серьезных ограничений со стороны ресурсного обеспечения, военно-промышленные корпорации наращивают масштабы высокоприбыльных операций в бизнесе, связанном с разработкой все более изощренных разновидностей смертоносной военной техники.

Под мощным воздействием военно-политического руководства империалистических стран и военно-промышленных корпораций научные исследования и разработки империалистических стран превратились в наиболее милитаризованную сферу хозяйства. Даже по данным буржуазной статистики, доля затрат на военные исследования и разработки в общих национальных расходах на науку многократно выше, чем удельный вес военных расходов в ВВП. Особо благоприятные условия, создаваемые с помощью государственно-монополистического механизма финансирования военных исследований и разработок, ведут к усилению тенденций «самодвижения» и «самовозрастания» этой сферы, к дальнейшей милитаризации науки.

Переключение огромных бюджетных средств преимущественно в сферу военных исследований протекает на фоне острого дефицита финансовых ресурсов, необходимых для поддержания высокого уровня и темпов научно-технического развития отраслей хозяйства и промышленности, непосредственно не связанных с военными приготовлениями. В ведущей империалистической стране — США большое количество отраслей и компаний практически не получает федеральных фондов, необходимых для проведения научно-исследовательских работ. В аналогичном положении оказывается большинство невоенных государственных министерств и ведомств. Разрыв между потенциальными возможностями совершенствования научно-технической основы невоенного сектора хозяйства империалистических стран и реальным положением дел в этой области посто-

янно нарастает. Одновременно обостряется комплекс противоречий между получателями государственных ассигнований на науку, а также комплекс межимпериалистических противоречий в борьбе за рынки сбыта новой техники.

Основным и наиболее опасным международным последствием деятельности военно-промышленных комплексов США и других империалистических стран является прокладываемый и реализуемый ими курс на военное научно-техническое превосходство, прямым результатом которого становится перманентное инициирование новых витков качественной гонки вооружений. Интенсивное привлечение науки к совершенствованию военной техники и созданию принципиально новых видов и систем оружия усложняет условия разработки международных соглашений по ограничению и сокращению вооружений, ведет к нарастанию напряженности в международных отношениях, усиливает угрозу возникновения войны с применением всего разнообразного арсенала изодранных средств уничтожения человека и материальных ценностей, угрозу существованию человеческой цивилизации и самой среды обитания.

Оценивая последствия деятельности военно-промышленных комплексов США и других империалистических стран в сфере международных отношений, важно учитывать не только несомненное укрепление позиций каждого из «центров силы» современного империализма, но и заметное усиление их взаимосвязей в сфере военного научно-технического сотрудничества, в том числе совместное участие в исследовательской деятельности с целью милитаризации космического пространства. Интенсифицируется внешняя торговля новой военной техникой и лицензиями на ее производство, ширятся совместные исследовательские проекты, распространяется научно-техническое влияние военно-промышленных комплексов ведущих империалистических стран на некоторые развивающиеся страны, содействуя «расползанию» новейшей военной техники по странам и континентам.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС США

В военных приготовлениях капиталистического мира особое место принадлежит США. После второй мировой войны они поставили на службу милитаризму огромный экономический и научно-технический потенциал. Ключ к пониманию специфики американского военно-промышленного комплекса дает политика США, их курс в мировых делах. Важна вместе с тем оценка возможностей и пределов влияния самого комплекса на формирование политики и развитие экономики страны.

1. Черты и особенности американского ВПК

Военно-промышленный комплекс США стал реальностью в период после второй мировой войны как новое явление в развитии американского милитаризма. Его возникновение связано с усилением реакционности военной и внешней политики США, ее направленности на всемерное, в том числе военное, противостояние и противодействие социализму, силам, борющимся за национальное и социальное освобождение.

Во второй половине XX в. произошел огромный скачок в милитаризации американского общества. Она усилилась и ускорила по всем линиям, стала крупномасштабной и перманентной. Так, средняя численность вооруженных сил США в любом десятилетии этого периода примерно в 10 раз выше, чем в 30-х годах. Число занятых в военном производстве страны увеличилось с 314 тыс. в 1940 г. до 3 млн 275 тыс. в 1985 г. Роль США как оплота мировой реакции, экспансионистские и контрреволюционные черты их международной деятельности стимулировали развитие и рост влияния военно-промышленного комплекса страны. В этом же плане действовало и превращение США в крупнейшего международного эксплуататора.

В 80-х годах произошло усиление агрессивности и авантюризма в политике США. В Отчетном докладе

ЦК КПСС на XXVII съезде партии указывалось: «Правое крыло монополистической буржуазии США и сегодня рассматривает нагнетание международной напряженности в качестве оправдания военных ассигнований, глобальных претензий, вмешательства в дела других стран, наступления на интересы и права американских трудящихся. Немалую роль, судя по всему, играет и расчет использовать напряженность для нажима на союзников, чтобы сделать их предельно послушными, подчинить диктату Вашингтона»¹.

Милитаристские процессы в Соединенных Штатах Америки, усилившиеся в первой половине 80-х годов, во многом генерировались силами, составляющими военно-промышленный комплекс страны.

Реакционный политический облик американского ВПК сочетается с уникальными масштабами компонентов комплекса, связей и взаимодействия между ними, всей его деятельности и влияния внутри страны и за ее пределами. В США с особой силой процветает военный бизнес на гонке вооружений, здесь в наибольшей мере проявляются экономическая заинтересованность в нагнетании милитаризма и политические амбиции со стороны монополий — фабрикантов оружия и влиятельной военной бюрократии. На службу милитаризму поставлена самая мощная в капиталистическом мире пропагандистская машина. Здесь с наибольшим размахом и интенсивностью развились и усиливаются процессы милитаризации науки. О лидерстве США в гонке вооружений и о гигантских масштабах их военной машины свидетельствует тот факт, что за три десятилетия после создания НАТО на долю Соединенных Штатов пришлось около $\frac{2}{3}$ общей суммы военных расходов блока.

Заслуживают внимания конкретные стороны формирования и деятельности военно-промышленного комплекса США, рассмотрение которых позволяет выявить ряд опаснейших черт американского милитаризма.

Для Соединенных Штатов характерна в целом сравнительно небольшая роль государственного сектора в производстве продукции военного назначения. В середине 80-х годов американское государство было собственником лишь 72 военных предприятий, включая заводы по производству боеприпасов, арсеналы и испытательные полигоны, верфи, станции по ремонту вооружения, военной техники, авиационные и другие заводы². По нашей оценке, на военных предприятиях государственного сектора во второй половине 70-х годов работа-

ло менее 10 % общей численности занятых в американском военном производстве ³.

Исторически заводы американской военной промышленности строились как государственные предприятия. В период второй мировой войны американское государство было собственником около 1700 военных заводов, которые после окончания войны продавались или передавались в аренду частным военно-промышленным компаниям, что вело ко все большему и в итоге преобладающему удельному весу этих компаний в военном производстве страны.

Для нынешней ситуации в США типична, таким образом, организация производства вооружения и военной техники на базе частнокапиталистической собственности. Государственные военно-промышленные предприятия играют ограниченную, зачастую вспомогательную роль.

Тот факт, что американский военно-промышленный комплекс теснейшим образом переплетен с частным предпринимательством, заслуживает самого пристального внимания. Вторжение частнособственнических интересов в общественную сферу, в область жизненно важных для народов вопросов войны и мира создает опаснейшую ситуацию. Военно-промышленные компании США с их корпоративными устремлениями ставят свои корыстные интересы выше общественной заинтересованности в прекращении гонки вооружений, укреплении мира и безопасности.

Обратимся далее к вопросам, связанным с развитием монополистических тенденций и процессов в военной промышленности США. Монополиям — производителям вооружений и военной техники принадлежит центральное место в конгломерате институтов и лиц, образующих американский ВПК. В выступлениях представителей военно-промышленных кругов страны нередко ссылаются на активное участие десятков тысяч компаний в выполнении государственных военных заказов. Число таких компаний преподносится как «убедительное свидетельство» высокого уровня конкуренции и отсутствия монополистической практики в военном производстве. Факты, однако, говорят о другом. Хотя в создании современных систем оружия помимо генеральных подрядчиков участвуют как субподрядчики и поставщики комплектующих изделий многие тысячи американских компаний, особую роль играют крупнейшие производители вооружений и военной техники, составляющие экономи-

ческую и материально-техническую базу ВПК страны.

Именно об этом свидетельствуют данные о распределении военных заказов в США. Они показывают, что на долю наиболее крупных фирм-подрядчиков приходится основная часть общей суммы государственных военных заказов. Так, в 1985 финансовом г. свыше 70 % всех сумм по первичным контрактам приходилось на 100 крупных подрядчиков Пентагона (105,1 млрд из 150,1 млрд долл.), а доля крупнейших из них в суммарной стоимости первичных контрактов составила: первые 5 компаний — 22,5 %, первые 10 — 34,6, первые 15 — 41,5, первые 20 — 46,7, первые 25 — 51,0 %⁴. Уже эти данные позволяют считать, что в секторе американской промышленности, специализирующемся на изготовлении военной продукции по федеральным заказам, достигнута высокая степень концентрации производства. На этой основе происходит усиление экономической мощи ограниченного числа крупнейших военно-промышленных концернов, осуществляющих групповое монополистическое господство. Развитие процесса монополизации в той или иной отрасли капиталистической экономики, расширение практики сговоров и тайных соглашений ведут, как известно, к негативным экономическим и другим общественным последствиям. Такая практика в сфере производства вооружений особенно опасна, она не может не рассматриваться как вызов общественным интересам.

Для анализа монополистических тенденций в этой сфере важна разбивка американских военных заказов по отраслям и подотраслям производства конкретных видов вооружения и военной техники с выделением доли военных контрактов, приходящихся на крупнейшие фирмы. Такие количественные показатели отраслевой концентрации на уровне компаний красноречиво свидетельствуют об исключительно высокой степени монополизации рынка вооружений. В США довольно широко распространено мнение, что «монопольная власть начинает ощущаться, когда на четыре крупнейшие фирмы приходится более 50 % или когда восемь фирм обеспечивают 70 % производства в отрасли»⁵. Если подойти с этим критерием к оценке положения в военной промышленности США, то там показатели концентрации оказываются рекордными. Если на долю четырех главных компаний в среднем по обрабатывающей промышленности США приходилось в 70-х годах лишь около

40 % производства, то в отраслях военной промышленности страны этот показатель, как правило, в 2—2,5 раза выше⁶.

Высокий уровень концентрации производства и капитала в военной промышленности США не означает, разумеется, исчезновения конкуренции между компаниями, участвующими в военном бизнесе. Сохраняется и соперничество между крупнейшими корпорациями, и их борьба с меньшими по размерам компаниями. Есть, однако, многочисленные свидетельства сужения поля такой конкурентной борьбы на протяжении трех последних десятилетий, расширения монополистической практики взаимодействия и согласования интересов крупнейших военно-промышленных компаний. Усилению этих процессов способствовала сама система выполнения государственных военных заказов, характеризующаяся отсутствием свободного рынка и рыночного регулирования объема производства у фирм-подрядчиков.

При всех проявлениях соперничества между участвующими в производстве вооружений компаниями, особенно в борьбе за получение выгодных военных заказов, главный аспект их взаимоотношений составляют взаимный учет интересов, сотрудничество, групповая стратегия увеличения прибылей, негласная координация действий, что в совокупности создает систему монополистического господства в военной промышленности США. Экономические преимущества такой координации производственной и других сторон деятельности крупнейших военно-промышленных фирм проверены ими на практике. Эта координация во имя общей выгоды составляет в сущности платформу взаимоотношений крупного военного бизнеса с государственными военными властями. Американская действительность не дает сколько-нибудь убедительных свидетельств эффективного противодействия по государственной линии монополистической практике крупного военного бизнеса, включающей согласование между крупнейшими подрядчиками условий переговоров с федеральными органами.

Итак, правомерно сделать вывод об особо высокой степени концентрации военного производства в США, на базе которой получила развитие монополистическая структура хозяйствования. Военная индустрия США должна быть отнесена к числу секторов экономики страны с наивысшим уровнем монополизации, что со-

ставляет важную отличительную особенность промышленной базы американского ВПК.

Среди 100 крупных фирм-подрядчиков выделяется особая группа из 20—25 крупнейших военно-промышленных компаний, доля которой в размещаемых государственных военных заказах стабильно высока, составляя за период с 1976 по 1985 финансовый г. 40—50 % от общей суммы первичных военных контрактов. Еще более высока их доля в государственных заказах на проведение военных исследований и разработок. Практически все государственные заказы на новейшие виды оружия достаются крупнейшим военно-промышленным компаниям. Показательны в этом отношении следующие данные.

Т а б л и ц а 3. Места, занимаемые крупнейшими компаниями по сумме получаемых военных заказов

Компания	1976	1980	1985
«Макдоннелл-Дуглас»	1	2	1
«Локхид эйркрафт»	2	6	6
«Нортроп»	3	11	25
«Дженерал электрик»	4	5	4
«Юнайтед технолоджиз»	5	3	7
«Боинг»	6	4	5
«Дженерал дайнэмикс»	7	1	2
«Грумман»	8	10	10
«Литтон индастриз»	9	20	19
«Рокуэлл интернашнл»	10	14	3
«Хьюз эйркрафт»	11	7	8
«Рейтеон»	12	8	9
«Теннеко»	13	9	24
«Сперри рэнд»	14	16	16
«Вестингауз электрик»	15	15	12

И с т о ч н и к. Aviation Week and Space Technology
за соответствующие годы.

В списке крупнейших военно-промышленных компаний, занявших в 1976 г. первые 15 мест по сумме полученных первичных контрактов, произошли следующие изменения. В 1980 г. в их числе оказались 13 компаний из списка 1976 г., в 1985 г. — 11 компаний, причем выбывавшие из списка 15-ти попадали в число первых 20 — 25 компаний с наибольшими военными заказами. В этой группе компаний происходили лишь частичные, а порой и временные изменения занимаемых по сумме полученных контрактов мест, отражающие динамику размещения крупных военных заказов. В целом на протяже-

нии длительного времени состав крупнейших поставщиков вооружения и военной техники оставался стабильным.

Таким образом, крупнейшие фирмы-подрядчики — и это важная особенность американского ВПК — составляют устойчивую группу компаний, образуют стабильное производственное звено комплекса.

Исключительная сложность и возрастающая стоимость современного оружия и военной техники ведут ко все более широкому масштабам специализации и кооперирования производства в американской военной промышленности. В этих условиях не может не увеличиваться роль крупных военно-промышленных компаний, которые, получая многомиллионные первичные военные заказы и действуя в качестве генеральных подрядчиков, выполняют в сущности функции организаторов разработок и производства сложнейших систем оружия. Они вовлекают в их изготовление тысячи и тысячи субподрядчиков и поставщиков, специализирующихся на выпуске узлов, деталей и материалов для головных подрядчиков. Тем самым формируются устойчивые межфирменные связи как между крупнейшими компаниями, участвующими на партнерских началах в выполнении государственных военных заказов, так и между этими компаниями и их субподрядчиками и поставщиками. Эти связи — результат деятельности крупных военно-промышленных компаний как генеральных подрядчиков и организаторов военного производства. Применительно к американским условиям фирмы, получающие крупные военные заказы и выступающие организаторами выполнения программ создания вооружений, рассматриваются нами как военно-промышленные компании. Они составляют экономическую и материально-техническую основу военно-промышленного комплекса страны.

Для оценки роли конкретных военно-промышленных компаний в развитии милитаристских процессов в США представляется возможным разделить такие компании на три группы по степени вовлеченности в военное производство⁷.

У первой группы основную часть (более 50 %) общего объема продаж составляют продажи по государственным, преимущественно военным, заказам. К компаниям в этой группе относятся, например, такие, как «Дженерал дайнамикс» (доля продаж Пентагону, НАСА составляет 86 %); «Локхид» (85 %), «Грумман»

(82 %), «Рокуэлл интернэшнл» (63 %), «Мартин-Мариетта» (76 %).

Особенность этой группы военно-промышленных компаний состоит в том, что они в сущности специализированы на военном производстве, преобладающая часть их бизнеса возникает на основе контрактов с одним или несколькими видами вооруженных сил, и тем самым не только экономическая результативность, но само существование компаний находится в зависимости от работы на государственный рынок, от уровня федеральных военных расходов.

Во вторую группу военно-промышленных компаний могут быть включены корпорации со значительной (от 10 до 50 %) долей поставок по государственным заказам в общей сумме продаж. В эту группу попадают, например, такие компании, как «Боинг» (42 %), «Рейтеон» (41 %), «Юнайтед текнолоджиз» (32 %), «Вестингауз электрик» (19 %). По стандартам делового мира США удельный вес военного производства у этих компаний достаточно высок, чтобы оказывать если не решающее, то существенное влияние на общие показатели их экономической деятельности.

Третью группу составляют компании, у которых явно преобладает выпуск гражданской продукции при относительно небольшой (менее 10 %) доле военного производства. К числу таких компаний могут быть, например, отнесены «Интернэшнл бизнес мэшинз» (2 %), «Дженерал моторс» (менее 1 %) и ряд других с аналогичными показателями.

Очевидно, что первая и вторая группы военно-промышленных компаний характеризуются наибольшей заинтересованностью в получении военных заказов и росте американского военного бюджета. Они в преобладающей или в значительной степени вовлечены в производство вооружений и военной техники. Для таких компаний участие в военном бизнесе есть способ сохранения и упрочения их положения в деловом мире страны, способ укрепления финансово-экономических позиций через прибыльное участие в выполнении военных заказов.

У третьей группы — и это немаловажное обстоятельство — военное производство не оказывает решающего влияния на судьбу самих компаний, поскольку у них явно преобладает экономическая деятельность в гражданской сфере. Хотя степень заинтересованности в милитаризации у этой группы меньшая, чем у первых двух,

что не может не учитываться при анализе положения и размежевания сил в деловой Америке, все же нельзя недооценивать милитаристскую роль компаний с относительно небольшой долей вооружений в общей сумме продаж. С учетом абсолютных размеров выполняемых военных заказов и роли в организации военного производства компании третьей группы при всей их специфике нельзя не относить к разряду военно-промышленных корпораций, наживающихся на участии в военном производстве, на гонке вооружений. Вклад компаний третьей группы в стоимостном выражении в реализацию американских военных программ может быть даже большим по сравнению со специализированными на выпуске военной продукции компаниями первой группы.

Вместе с тем в США есть множество компаний, для которых расширяющееся в стране военное производство оборачивается издержками под влиянием общеэкономических трудностей, связанных с милитаризмом, и которые поэтому заинтересованы в сокращении военных расходов. Если иметь в виду, что множество американских крупных и средних промышленных компаний занято полностью в гражданской сфере, а между тремя группами компаний, участвующих в военном производстве, есть существенные различия в степени вовлеченности в военные приготовления, то картина в целом оказывается весьма пестрой, отражая многообразие условий деятельности американских деловых кругов при соответствующем влиянии на политическую борьбу внутри правящего класса страны. Эти различия и столкновения интересов не могут не проявляться в оценках экономических и политических последствий американского милитаризма, в подходах к конкретным вопросам, связанным с масштабами расходования средств федерального бюджета на военные цели.

Итак, одна из характерных черт американского ВПК состоит в том, что крупнейшие военно-промышленные компании страны, как правило, диверсифицированы, сочетая военное и гражданское производство с ориентацией последнего на многообразные рынки. Развитие в этом направлении привело за последние 10—15 лет к большим различиям между компаниями в количественных показателях такой диверсификации, а значит, и в степени их экономической заинтересованности в выпуске продукции военного назначения. Особо активна в этом плане роль компаний, выполнение которыми военных заказов оказывает решающее или существенное

влияние на общие экономические показатели их деятельности.

Монополистический союз крупнейших военно-промышленных компаний США складывался и укреплялся в условиях теснейших взаимосвязей и широкого практического взаимодействия этих корпораций с федеральными военными властями.

Типичный для монополистического хозяйствования принцип отказа от ценовой конкуренции получил усилением военного бизнеса фактическое закрепление при размещении государственных военных заказов. Вопреки различным федеральным распоряжениям и рекомендациям относительно конкурентного распределения военных заказов подавляющая (более 90 %) часть таких заказов размещается путем прямых переговоров американских государственных органов с одной-единственной фирмой и лишь менее 10 % всех контрактов передается на конкурсной основе. При таком положении облегчается сговор военно-промышленных компаний об условиях их участия в переговорах с федеральными органами, размещающими военные заказы, культивируется система негласных доверительных отношений между крупнейшими подрядчиками и этими органами. Государственно-монополистическое взаимодействие в военной области часто приводит к легализации монопольных цен, диктуемых подрядчиками Пентагона. В американских источниках признается монопольный характер цен на военную продукцию: «Фирма-подрядчик по сути дела находится в монопольном положении, государство зависит от производителя в получении военной техники и платит за нее столько, сколько запрашивает подрядчик»⁸.

При выполнении федеральных военных заказов фирмы-подрядчики широко используют принадлежащие государству сооружения и оборудование. Государственные инвестиции в такие сооружения и оборудование в американской военной промышленности оценивались на начало 80-х годов примерно в 100 млрд долл.⁹ В руках военно-промышленных фирм фактически находится более половины таких сооружений, станков и оборудования, их использование позволяет фирмам существенно уменьшить собственные производственные инвестиции. Передача государственных производственных мощностей подрядчикам представляет собой еще одну линию практического взаимодействия военно-промышленных монополий и государства.

Специфика военной сферы предполагает профессиональную общность интересов и необходимость координации деятельности тех, кто разрабатывает и производит оружие, и тех, кто его заказывает и использует. Превращение частной военной индустрии в крупный сектор американской экономики с особо высоким уровнем монополизации резко усилило такое переплетение интересов и взаимодействие, сделало реальностью альянс федеральных военных властей с крупнейшими военно-промышленными концернами. Работа этих концернов на государственный рынок создает особую систему их взаимоотношений с государственными военными органами в условиях, когда в конкретных областях военного производства действует лишь несколько основных фирм, а государство выступает в роли заказчика военной техники и монополизировать ее закупку. Специфика работы «на казну» предопределяет регулярность и многообразие форм связей военно-промышленных концернов и государственных военных властей. Эти взаимоотношения в американских условиях переросли в партнерство, отличающееся устойчивостью и масштабностью взаимодействия в производственной, научно-технической, финансово-экономической, административно-организационной и других областях. Содержание и результат такого взаимодействия — рост милитаризма.

Характеризуя специфические черты американского ВПК, необходимо констатировать уникальность партнерства военного бизнеса и военного истеблишмента в многообразной системе отношений монополий и государства в США. Положение разительно контрастирует с гражданской сферой, где дело, как правило, ограничивается преимущественно косвенной регулирующей деятельностью государства по отношению к монополиям. Применительно к военной сфере это уже государственно-монополистический союз, не конституированный формально, а действующий как альянс милитаристских интересов и практического сотрудничества в этой области.

Особый характер такого партнерства связан еще и с тем, что сложился альянс не разрозненных, а консолидированных компонентов. Ясно, что для Пентагона характерна жесткая централизованная структура. Хотелось бы отметить и такой факт, как существование и деятельность Координационного комитета военно-промышленных ассоциаций США, который представляет военный бизнес и служит органом связи с Пентагоном.

Он объединяет Промышленную ассоциацию национальной безопасности, Ассоциацию авиационной промышленности, Ассоциацию электронной промышленности и другие такого рода организации военно-промышленных компаний¹⁰. Координационный комитет обеспечивает для федеральных военных властей, прежде всего Пентагона, механизм консультаций с такими компаниями на постоянной основе. Помимо этого министерство обороны США часто создает временные консультативные группы с участием представителей военного бизнеса.

Таким образом, правомерно говорить не только о специфике, но и об особо опасной направленности развития государственно-монополистического капитализма в США в условиях, когда после второй мировой войны одним из важнейших каналов и способов соединения силы монополий и силы государства в единый механизм стало партнерство милитаристских группировок — с одной стороны, главных военно-промышленных корпораций, которые при высоком уровне концентрации производства и капитала действуют как мощный монополистический союз, и, с другой стороны, федеральных военных властей, прежде всего Пентагона, которые превосходят другие государственные органы по положению, используемым средствам и размаху деятельности. Партнерское взаимодействие этих двух крупнейших милитаристских группировок раскрывает картину становления и функционирования американского ВПК в качестве неотъемлемого элемента американского государственно-монополистического капитализма.

Хотя наибольшей прочностью и устойчивостью отличаются взаимоотношения между военными монополиями и военными подразделениями государственного аппарата, этим не ограничиваются связи американского военного бизнеса с государственной бюрократией. В ротацию кадров с индустрией вооружений вовлечены и другие подразделения государственного аппарата. Практика США показывает, что такие связи устанавливаются со всеми его звеньями, играющими ту или иную роль при разработке и принятии решений по военно-экономическим и военно-политическим вопросам. Традиционно тесный характер связей имеют военно-промышленные концерны с комиссиями конгресса США по делам вооруженных сил и по ассигнованиям. На службу милитаристским интересам в США поставлена и значительная часть буржуазного идеологического аппарата, которая

получает экономические выгоды на этом поприще и используется для пропагандистского обеспечения политики авантюризма и агрессии.

Подводя итоги встречи в Рейкьявике, М. С. Горбачев подчеркивал: руководство США «слишком зависит от военно-промышленного комплекса, от монополистических групп, превративших гонку ядерных и других вооружений в бизнес, в средство получения прибылей, в цель своего существования и смысл своей деятельности»¹¹. Давление этих сил — реальность политической жизни США. Они дают импульс милитаристским процессам, противодействуют инициативам в области ограничения и сокращения вооружений.

2. Милитаристские сверхприбыли

При анализе причин гонки вооружений, американского лидерства в их создании и накоплении нельзя не ставить и не искать ответа на вопрос: кому это выгодно? Исследование проблемы доходности военного бизнеса сопряжено с серьезными трудностями. Приходится сталкиваться с острой нехваткой беспристрастной информации, позволяющей обоснованно судить о норме и массе прибыли у военно-промышленных корпораций. Их усилиями обычная для делового мира коммерческая тайна превращена чуть ли не в военную тайну. Вторжение в святая святых военного бизнеса оказывается далеко не простым делом даже для государственных органов, специально созданных для расследований в связи со скандально высокими прибылями военных подрядчиков и ограничения таких «чрезмерных» (по официальной терминологии) прибылей.

Хотя представители военно-промышленных кругов и любят распространяться о «патриотических» побуждениях тех, кто выполняет заказы Пентагона, в США и за их пределами широко известно, что это оплаченный «патриотизм». Можно сослаться на некоторые свидетельства щедрости такой оплаты.

Так, в середине 70-х годов в стране было проведено изучение уровней доходности операций с военными контрактами в сопоставлении с деятельностью компаний, ориентированной на гражданский рынок (исследование «Прибыль-76»). Даже авторы этого подготовленного по линии Пентагона доклада были вынуждены признать более высоким уровень прибыли в военной промышленности в расчете на инвестированный капитал по сравнению с гражданским сектором экономики¹².

Однако более показательны другие данные. Контрольно-финансовое управление конгресса в опубликованном докладе под красноречивым заголовком «Причины чрезмерных прибылей по оборонным и космическим контрактам» сообщило, что законодательно созданной Комиссией по пересмотру контрактов за период с 1951 по 1974 г. было вскрыто 4572 случая получения чрезмерных прибылей на сумму 1 млрд 233 млн долл.¹³ Уже эти цифры говорят о том, что получение сверхприбылей военными подрядчиками не сводится к отдельным фактам, а является характерной особенностью всей системы выполнения государственных военных заказов частными компаниями.

Контрольно-финансовое управление специально проанализировало 526 случаев, относящихся к 1970 — 1973 гг. и касающихся пересмотра контрактов в связи с чрезмерными прибылями. Было обнаружено, что норма прибыли составляла в среднем 28 % от связанного с выполнением контрактов уровня затрат (издержек производства) с колебаниями этого показателя у различных подрядчиков в пределах от 3 до 652 %, а норма прибыли, исчисленная по отношению к собственному капиталу, составила в среднем 84 % при разбросе этого показателя у отдельных подрядчиков в пределах от 15 до 1629 %¹⁴.

В докладе Контрольно-финансового управления отмечается, что даже после изъятия части чрезмерных прибылей на основе соответствующих решений Комиссии по пересмотру контрактов норма прибыли у выполняющих военные контракты подрядчиков оставалась значительно более высокой по сравнению с доходностью обычных коммерческих операций. «Мы обнаружили, — говорится в докладе, — что военные подрядчики постоянно получали прибыли на уровне выше средних показателей по соответствующим отраслям промышленности. До возвращения части чрезмерных прибылей норма прибыли при выполнении военных заказов превышала среднеотраслевой уровень прибыли в 98 % рассмотренных случаев. Но и после изъятия части прибыли в пользу государства норма прибыли у военных подрядчиков превышала соответствующий среднеотраслевой показатель в 94 % рассмотренных случаев»¹⁵.

Вывод об особо высоком уровне доходности операций по выполнению военных контрактов получил новое подтверждение на состоявшихся в марте 1979 г. в сенате слушаниях по вопросам прибылей, связанных с вы-

полнением контрактов министерства обороны США. Выяснилось, что по сравнению с началом 70-х годов картина не претерпела сколько-нибудь существенных изменений, что разработка и производство вооружений оставались высокодоходной сферой капиталистического предпринимательства и во второй половине 70-х годов ¹⁶.

На проходивших в начале 80-х годов слушаниях в палате представителей вновь обсуждался вопрос о прибылях компаний, выполняющих военные заказы. Представителю компании «Дженерал дайнэмикс» О. Бойлоу, который сетовал на трудности фирмы в работе по контрактам Пентагона, был задан вопрос: «Действительно ли акционеры корпорации говорят, что выполнение военных заказов не является хорошим бизнесом, и предлагают во все большей степени ориентироваться на гражданский рынок?» Последовал весьма примечательный ответ: «Меня неправильно поняли, я не хочу сказать, что выполнение военных заказов — плохой бизнес» ¹⁷. Разумеется, в мире капиталистических отношений именно уровень прибылей служит границей между «плохим» и «хорошим» бизнесом. «Необходимо обеспечить промышленности долгосрочные стимулы в виде прибылей, чтобы повысить производительность и снизить затраты на производство продукции, выпускаемой по государственным заказам» — так ратовал за «хороший» бизнес председатель правления военно-промышленного концерна «Юнайтед текнолоджиз» Г. Грей, выступивший на тех же слушаниях.

Более позднее изучение доходности военного бизнеса, проведенное государственными органами США, показало, что в 1980 — 1983 гг. норма прибыли на собственный капитал у крупнейших подрядчиков Пентагона увеличилась на 20 % по сравнению с периодом 1970 — 1979 гг. и превышала более чем в 2 раза уровень прибыльности у гражданских производителей товаров длительного пользования ¹⁸.

Можно, таким образом, с полным основанием говорить об устойчивости самой тенденции более высокой нормы прибыли у военных подрядчиков по сравнению с гражданским производством, рассматривать уровень прибыли в гражданских отраслях промышленности как низшую границу доходности операций военно-промышленных корпораций. Их монополистическое господство реализуется в особо высоких прибылях. Об этом же в сущности свидетельствует и сама логика организации военной промышленности на базе частнокапиталистиче-

ского хозяйствования. Экономической предпосылкой возникновения и развития капиталистического предпринимательства в военно-промышленной сфере является именно более высокая норма прибыли при выполнении военных заказов по сравнению с условиями производства гражданской продукции. Военные ведомства США открыто говорят о стимулирующей роли прибылей, их особо важном значении в мобилизации усилий частного сектора на решение задач военных приготовлений, особенно в условиях роста милитаризма, когда требуется дальнейшее отвлечение ресурсов из гражданской сферы.

В американских законодательных актах об использовании промышленной базы в военных целях прямо указывается, что «в максимальной степени надо полагаться на частный сектор индустрии в целях удовлетворения оборонных нужд». На слушаниях в конгрессе представитель Пентагона подчеркнул в этой связи, что, «поскольку наибольшая часть индустриальной базы находится в частных руках, необходимо использовать прибыли и стабильность деловых отношений в качестве основных стимулов военного производства»¹⁹. Это означает более высокий ярус доходности военного бизнеса по сравнению с обычными, нормальными условиями капиталистического хозяйствования.

Возникает вопрос, какова масса прибыли, за которую борются фабриканты оружия. Известно, что по государственным военным контрактам, как правило, устанавливается вознаграждение фирмам-подрядчикам в 10 — 15 % от общей суммы их затрат на создание вооружений и военной техники. Если воспользоваться этим показателем, то масса прибыли (в связи с достигнутым в середине 80-х годов годовым объемом контрактов Пентагона в 150 млрд долл.) составит 15—22 млрд долл. из средств федерального бюджета. Это ориентировочная оценка. Но и она показывает, что дележу между подрядчиками подлежат огромные средства. Эти миллиарды долларов — дань, ежегодно и в возрастающих масштабах выплачиваемая американским обществом за частное предпринимательство в военной сфере. Вместе с тем это фактор роста военного бюджета США, связанный со столь щедрой оплатой услуг военно-промышленных фирм за счет американских налогоплательщиков.

Решение «Дженерал моторс» приобрести за 7,5 млрд долл. военно-промышленные компании «Хьюз эйркрафт» и «Электроник дейта системз» объясняется стремлением использовать выгоды военного бизнеса для

укрепления своих финансово-экономических позиций и расширения научно-технических возможностей. Слияние «Дженерал моторс» и «Рейдио корпорейшн оф Америка» во многом объясняется теми же мотивами.

Прибыли на гонке вооружений — очень важная и политически острая сторона дела. Это вопрос об общественных слоях, наживающихся на войне и военных приготовлениях, извлекающих экономические выгоды из милитаристской политики. Такие слои есть в США и других капиталистических странах, их нет в СССР и других социалистических странах.

Не предположения и подозрения, а факты убедительно показывают, что военные приготовления являются высокодоходной сферой монополистической деятельности, что выполнение заказов на вооружение и военную технику экономически выгодно военно-промышленным корпорациям. Сама динамика их развития как частных компаний, их корпоративные интересы диктуют курс на сохранение и увеличение портфеля военных заказов. Можно сослаться на высказывание по этому поводу одного из американских исследователей деятельности военно-промышленных компаний. «Если беспрецедентную программу военных расходов, — пишет Т. Джервейзи, — можно оправдать лишь самой интенсивной компанией обмана и лжи, с которой когда-либо сталкивалась нация, а поддержку ей обеспечить лишь давлением официальных властей, нарушающим всякие принципы демократии, — и то, и другое ради увеличения военной мощи, в коем мы даже не нуждаемся, — зачем она нам? А затем, что прибыльна. Более прибыльна, чем что-либо другое... Наши нужды обороны никогда не были причиной лидерства США в гонке вооружений. Причиной были прибыли. Это настолько очевидно, что категорически отрицается»²⁰.

Автор не только подчеркивает экономическую заинтересованность подрядчиков в наращивании военного производства, но и с большой озабоченностью пишет о том, к чему ведет на практике эта заинтересованность. «Для оправдания такого роста наши военные промышленники преувеличивают потребность в вооружениях путем преувеличения угрозы, для противодействия которой они предназначены. Поэтому сообщество военных промышленников первым начинает раздувать страх по поводу растущей советской военной мощи. Но дело этим не ограничивается. Военный истеблишмент в свою очередь поддерживает такой взгляд на угрозу»²¹. заинтере-

сованность корпораций в военных заказах и прибылях толкает их на раздувание военного бюджета, увеличение доли валового национального продукта, идущей на военные цели, усиление гонки вооружений. У капиталистически организованного военного бизнеса забота о дивидендах далеко оттесняет все остальные проблемы, в том числе и относящиеся к негативным общественным последствиям частнособственнических решений и действий в сфере военного производства.

Экономическая заинтересованность в сохранении и увеличении военных расходов есть, разумеется, и у партнеров военно-промышленных компаний в государственном аппарате. Существенная сторона дела состоит в том, что эта заинтересованность далеко не ограничивается высокими окладами, льготами и пенсиями, которые верхушка военных ведомств получает за счет военного бюджета. Есть веские основания говорить о причастности верхнего эшелона Пентагона к тем прибылям, которые извлекают военно-промышленные корпорации. В США широко распространено мнение, что коррупция составляет характерную черту взаимоотношений между партнерами в военно-промышленном комплексе. Это и взятки, стыдливо именуемые подарками или гонорарами за лекционные выступления, и увеселительные прогулки и путешествия, и щедрые угощения, и другие услуги со стороны военных промышленников. Здесь многое скрыто от глаз посторонних, но скандальные разоблачения порой приоткрывают вход в коррумпируемый мир взаимоотношений тех, кто производит оружие, и тех, кому оно предназначено.

Одна из примечательных особенностей этих взаимоотношений, получившая широкую огласку, связана с так называемыми «теплыми местечками» для руководящих деятелей военных ведомств США в военно-промышленных концернах. В 1959 г. комиссия по делам вооруженных сил палаты представителей американского конгресса провела расследование, касающееся перемещений военных в частный сектор, и вскрыла, что в 72 крупнейших военно-промышленных компаниях работали 1426 вышедших в отставку военных, в том числе 251 бывший генерал или адмирал. Такая «ротация кадров» была типичным явлением и в последующий период. В 1969 г. сенатор Проксмайер провел аналогичное расследование, которое показало, что 100 крупнейших подрядчиков Пентагона имели в своих штатах 2072 вышедших в отставку военных в чине полковника

и выше, причем половина из них работала в десяти крупнейших военно-промышленных фирмах. С 1969 г. произошло еще 1785 перемещений — 1406 из министерства обороны и других военных ведомств в частный сектор и 379 из военно-промышленных компаний в Пентагон ²².

Обмен персоналом между военно-промышленными корпорациями и Пентагоном давно превратился в улицу с двусторонним движением. Можно сослаться на данные журнала «Нэйшн» об обследовании 8 ведущих военно-промышленных фирм. Выяснилось, что 2 тыс. их сотрудников в течение 70-х годов либо перешли на работу в правительственные учреждения, либо пришли из правительства на работу в промышленность. Из почти 500 гражданских лиц в этой группе, переместившихся в том или ином направлении, 34 % работали в ключевых научно-исследовательских центрах сухопутных войск, военно-морских сил, ВВС и в аппарате министра обороны. Журнал справедливо заключил, что эти перемещения и знакомства, которые они порождают, обеспечивают подрядчикам неоценимый доступ к процессу принятия решений в военной политике ²³.

Последние из опубликованных данных показывают сохранение и расширение практики ротации кадров между основными компонентами американского ВПК. В 1985 г. компания «Боинг» имела в штате 182 бывших сотрудника Пентагона, компания «Локхид» — 180, «Мартин-Мариетта» — 166, «Нортроп» — 159, «Дженерал дайнэмикс» — 153, «Макдоннелл-Дуглас» — 114, «Рокуэлл интернэшнл» — 98, «Дженерал электрик» — 91. За этими «рекордсменами» следуют многие другие военные подрядчики ²⁴.

Все эти факты показывают, что речь идет не о единичных или случайных примерах обмена персоналом, а о массовости самого явления, о системе переплетающихся экономических интересов партнеров по военно-промышленному комплексу. «Военно-промышленный комплекс, — отмечалось в «Монд дипломатик», — укрепился благодаря постоянной ротации кадров на всех уровнях (а также постоянному обмену информацией) между Пентагоном, военной промышленностью и исполнительной властью. Вот лишь один из примеров — генерал Хейг ушел из армии на пост президента «Юнайтед технолоджиз» — одной из самых главных военно-промышленных компаний — и уже оттуда перешел на пост государственного секретаря» ²⁵. Добавим, что после

выхода в отставку Хейг снова вернулся в «Юнайтед технолоджиз» в качестве консультанта.

Существует еще один канал связей между американскими вооруженными силами и военно-промышленными концернами. Ассоциация американской армии, Морская лига, Лига морской пехоты, Ассоциация военно-воздушных сил и другие милитаристские организации способствуют развитию таких связей, обмену персоналом и укреплению партнерских отношений в военно-промышленном комплексе США.

Таким образом, важная черта и особенность американского союза военщины и поставщиков вооружений состоит в том, что в этом альянсе соединены и переплетены интересы тех, чьи доходы зависят от гонки вооружений, кто извлекает прибыли и другие прямые и косвенные выгоды из ускоренного роста милитаризма. Характеризуя этот альянс, западногерманский журнал «Штерн» писал: «Военно-промышленный комплекс — понятие, которое в сегодняшних капиталистических государствах служит для обозначения тайного сговора военных и военной промышленности, уже давно упразднивших правила демократии. Ибо решения в области вооружений принимают не избранные народом независимые представители, а тайный картель власти промышленников и людей в военной форме. Интересы безопасности государства определяются не в правительственных органах, а в управлениях крупных фирм. Толчок к разработке новых систем оружия давали отнюдь не ситуации, которые составляли подлинную угрозу, а коммерческие интересы промышленников»²⁶.

Речь в сущности идет о силах в американском обществе, непосредственно связанных с военными приготовлениями и заинтересованных в как можно более широком развертывании гонки вооружений и раздувании военных расходов. Это позволяет квалифицировать военно-промышленный комплекс США как группировку правящего класса, экономически заинтересованную в бесконтрольной гонке вооружений и рвущуюся к политической власти. Комплекс предстает как совокупность организаций и лиц, для которых милитаризм экономически и политически выгоден и оправдан.

При анализе движущих сил милитаристских процессов в США важно различать классовые и групповые интересы, разграничивать глубинные причины американского милитаризма и масштабы и особенности его развития во второй половине XX в. Своими корнями

милитаризм как главное орудие классового угнетения уходит в капиталистическое общество. Империализм характеризуется резкой активизацией милитаристских процессов в первую очередь в связи с борьбой за рынки сбыта, сферы приложения капитала, источники сырья, за передел мира между крупнейшими капиталистическими странами. Жизнь дает все новые подтверждения ленинскому выводу о том, что монополистический капитализм «отличается наименьшим миролюбием и свободлюбием, наибольшим и повсеместным развитием военизации»²⁷. После второй мировой войны рост милитаризма в США неразрывно связан с империалистической борьбой против революционных сил современности, с установкой империализма на ослабление Советского Союза и мировой социалистической системы в целом, на подавление рабочего и национально-освободительного движения.

Вместе с тем комплекс — и это принципиальная сторона дела — не только выполняет служебную роль, но и в силу присущих ему экономических и политических интересов превратился в активный самостоятельный фактор в развитии милитаристских процессов.

Двойственная роль ВПК отражает внутреннюю противоречивость этого особого социального явления современного капитализма. Роль комплекса как орудия всего правящего класса проявляется прежде всего в военном обеспечении эксплуататорских порядков, силовом подавлении выступлений трудящихся. Но дальше общеклассовая основа деятельности ВПК размывается, трансформируется в платформу узкокорыстных интересов. Как военная сила, ориентированная на внешние столкновения, американский военно-промышленный комплекс выполняет свои функции уже в интересах не всего правящего класса, а лишь наиболее агрессивных кругов монополистической буржуазии. Понимание такой противоречивости ВПК позволяет реальнее оценивать, во-первых, силы, стоящие за гипертрофированным, избыточным даже по сравнению с потребностями правящего класса милитаризмом США, и, во-вторых, возможности преодоления их сопротивления в борьбе против гонки вооружений.

Разумеется, нельзя переоценивать роль военно-промышленного комплекса, объясняя только его деятельностью нарастание милитаризма в США и абстрагируясь от глубинных, классовых основ этого процесса. Опасно, однако, и другая крайность. Нельзя недооценивать осо-

бую реакционную роль комплекса, его экономические интересы и политические амбиции, тем более в современных условиях, когда назрела необходимость остановить гонку вооружений, предотвратить ее новые витки, перейти к реальному разоружению. Именно на этом важнейшем направлении борьбы за укрепление международной безопасности союз военщины и фабрикантов оружия оказывается активным противоборствующим фактором. Как отмечал американский исследователь П. Коистинен, нет никакого сомнения в том, что военно-промышленный комплекс США «является мощной силой, увековечивающей экспансионистскую и агрессивную внешнюю политику и смертельно опасную гонку вооружений»²⁸.

Выступая в самостоятельной роли, военно-промышленный комплекс США резко подхлестывает свойственное монополистическому капиталу стремление к милитаризму, порождает сверхмилитаризм в современных американских масштабах. Трудно, конечно, дать количественную оценку последствий деятельности военно-промышленного комплекса США как самостоятельного фактора милитаризма. Известным ориентиром в этом отношении могут служить выступления американских ученых и общественных деятелей, нередко критикующих раздутые усилиями комплекса военные бюджеты страны и показывающих гипертрофированные масштабы милитаризма в главной капиталистической стране. Например, группа бостонских исследователей — авторов книги «Цена обороны», подчеркнув, что «США являются лидером в мировой гонке вооружений», аргументированно заявила о реальной возможности сокращения на 40 % американского военного бюджета конца 70-х годов.

Как наиболее воинственная в американской государственно-монополистической системе группировка правящего класса, играющая роль катализатора милитаристских процессов и пружины военных авантур США, военно-промышленный комплекс располагает широкими возможностями влияния на выработку и реализацию политического курса страны, использует их в своих групповых интересах.

3. Рычаги влияния комплекса

Период 80-х годов дает многочисленные и убедительные свидетельства усиления роли военно-промышленно-

го комплекса США. Существенное значение имеет поэтому анализ вопросов, касающихся рычагов влияния американского ВПК, конкретных приемов и в целом механизма его воздействия на формирование и проведение политического курса США, прежде всего их военной и внешней политики.

Сила ВПК в американских условиях объясняется прежде всего тем, что комплекс стал мощной и постоянной составной частью государственно-монополистической структуры США. В системе многообразных связей монополий и государства особую масштабность и устойчивость приобрело партнерство крупнейших военно-промышленных корпораций с государственной властью, прежде всего ее военными звеньями. В стране нет какой-либо другой группы компаний, которая имела бы столь разностороннее и регулярное взаимодействие с определенными подразделениями государственного аппарата. Появление и укрепление американского ВПК как нового консолидированного элемента государственно-монополистической системы не могло не иметь политических последствий. Деятельность этой новой силы практически проявляется как реакционная тенденция милитаризации политики, экономики и других сторон общественной жизни США. Комплекс необходимо рассматривать в реально существующей системе его связей и взаимоотношений с другими группировками и силами в политической и экономической жизни страны.

Дело, на наш взгляд, не ограничивается тем, что американским крайне правым силам идейно близка открыто провозглашаемая представителями ВПК программа форсированного милитаризма, противодействия переговорам об ограничении и сокращении вооружений, обострения международной обстановки. Особенно важно прогрессирующее превращение комплекса в центр притяжения других американских реакционных сил и объединений, для которых ВПК во все большей степени служит экономической и политической опорой. Нельзя недооценивать такую цементирующую роль комплекса. Возникновение и деятельность ВПК как особой социальной группировки современного капитализма стали серьезнейшим фактором усиления ультраправого фланга политического фронта США. Этот процесс не мог не сопровождаться устойчивым ростом реакционного давления на формирование и проведение в жизнь американской внутренней и внешней политики.

Американская действительность дает немало под-

тверждений все более активной деятельности военно-промышленных кругов через многочисленные существующие и вновь создаваемые реакционные объединения. Можно, в частности, сослаться на образованный в 1976 г. Комитет по существующей опасности, в который вошли военные и политические деятели ультраправых взглядов. Этот комитет внес немалый вклад в клеветническую кампанию по поводу «растущей советской угрозы». Для оправдания масштабных военных приготовлений в стране часто использовались фальсифицированные выкладки комитета о более высоком уровне советских военных расходов по сравнению с американскими. Комитет по существующей опасности всей своей деятельностью подтверждает, что он является рупором американского военно-промышленного комплекса, используемым для нагнетания в стране военного психоза.

В целях реализации милитаристских программ ВПК блокируется с другими фракциями правящего класса США, в первую очередь с транснациональными корпорациями, в деятельности которых наиболее отчетливо проявляются экспансионистские интересы и устремления монополистической буржуазии страны. Особая заинтересованность в милитаристском курсе есть не только у военно-промышленного комплекса, но и в существенной мере у американских транснациональных компаний. Им нужен милитаризм как государственная гарантия внешнеэкономической экспансии, как способ сохранения многомиллиардных прибылей, получаемых от заграничных инвестиций. В США даже на официальном уровне признается связь милитаризма с внешней экспансией. В проектах федерального бюджета, направленных администрацией страны конгрессу, в число целей «национальной обороны» включены такие, как «защита экономических интересов американских граждан за границей» и «обеспечение доступа к важнейшим ресурсам»²⁹.

В этой связи заслуживает внимания тот факт, что наиболее крупные фирмы-подрядчики Пентагона являются транснациональными корпорациями. Они должны быть отнесены к этой категории компаний как с учетом их международной деятельности в гражданской сфере, так и принимая во внимание экспорт оружия, продажу лицензий на вооружение и военную технику, кооперационные связи по военной линии, инвестиции в зарубежное военное производство и объем услуг, связанных с военными поставками за границу.

Такая диверсификация деятельности компаний, когда выполнение государственных военных заказов внутри страны сочетается с капиталистическим предпринимательством в международном масштабе, подтверждает значительную степень совпадения интересов ВПК и транснациональных корпораций, тенденцию взаимодействия компаний, вовлеченных в военный и заграничный бизнес, в целях ускорения милитаристских процессов. «Значительные и пугающие связи,— писал американский исследователь А. Коистинен,— существуют между многонациональными корпорациями и военными подрядчиками США, с одной стороны, и преобладающими или значительными их инвестициями в иностранные военные компании, с другой стороны. База существующего в США военно-промышленного комплекса, судя по всему, меняется, превращаясь из национальной в международную»³⁰.

Возможности военно-промышленного комплекса США по организации кампаний в поддержку милитаристских программ непосредственно связаны с самой структурой военного бизнеса, характеризующейся широко развитой сетью субподрядных связей и экономических интересов, базирующихся на милитаризме. Хотя по сумме получаемых военных контрактов первые места занимают такие штаты, как Калифорния, Техас, Нью-Йорк, Массачусетс, Коннектикут, Миссури, Виргиния, Флорида, Луизиана и Вашингтон, в военное производство через систему межфирменных связей втянуты практически все штаты страны. В нем участвуют в качестве субподрядчиков или поставщиков многие тысячи компаний. Например, в 1980 г. «Локхид» разместила заказы среди более чем 8 тыс. субподрядчиков и поставщиков³¹. Эта вовлеченная в военные приготовления часть американского делового мира имеет тесные хозяйственные и научно-технические связи с крупнейшими фирмами, выступающими в роли генеральных подрядчиков.

В случае, когда субподрядчиками являются столь же крупные компании, можно говорить о более или менее равноправных партнерских отношениях между ними. Однако многие средние и мелкие фирмы, работающие по заказам крупнейших подрядчиков Пентагона, оказываются в зависимом от них положении, ибо заказы на поставку материалов и деталей распределяются через генеральных подрядчиков. Это сильнейший рычаг в руках крупнейших военно-промышленных концернов. Они

используют эту зависимость и экономические выгоды, связанные с выполнением военных заказов, для вовлечения таких компаний в пропагандистскую, лоббистскую и иную деятельность в целях финансирования конгрессом всех новых милитаристских программ. Такие средние и мелкие фирмы становятся важным рычагом влияния ВПК на местном и национальном уровнях.

Военно-промышленный комплекс — и это важная особенность его деятельности — объявляет себя представителем и защитником интересов миллионов американцев, вовлеченных в сферу военной деятельности. В милитаристской пропаганде эти американцы, будь то военнослужащие в вооруженных силах или занятые в военном производстве, объявляются естественной составной частью и массовой опорой комплекса. Такое расширительное определение комплекса и его самозванная представительская роль есть не что иное, как обманный прием. В разряд активных соучастников милитаризма зачисляется большой отряд рабочих и служащих, невольно оказавшихся втянутыми в орбиту военных приготовлений в условиях, когда Америка не обеспечила им другой занятости.

Сама возможность такой спекулятивной деятельности комплекса не в последнюю очередь объясняется тем, что для занятых в военной промышленности страны и военнослужащих (к тому же влившихся в вооруженные силы по «добровольному» найму) оказывается трудным делом разграничивать свои непосредственные интересы, связанные с работой и заработками, и коренные общественные интересы, которые ставит под удар растущий милитаризм. Хроническая безработица огромных масштабов оказывается сильнейшим фактором давления в сторону согласия на любые предлагаемые «рабочие места», в сторону поддержки мер с целью сохранения или увеличения имеющих милитаристскую окраску, но реально существующих «рабочих мест». Именно в этих условиях военно-промышленный комплекс имеет и активно использует возможности борьбы за новые военные ассигнования под флагом обеспечения занятости и доходов миллионам людей.

Активная деятельность под лозунгом обеспечения рабочих мест и заработков для избирателей занимает важное место в арсенале средств, которые военно-промышленный комплекс использует для воздействия на конгресс с целью добиться сохранения и роста военных расходов. В США в сущности не получила опроверже-

ния, а, напротив, оказалась подтвержденной новыми фактами следующая оценка, относящаяся к началу 70-х годов: «Пентагон применяет по отношению к конгрессу метод «кнута и пряника». Крупнейшие контракты направляются в избирательные округа главных членов военных комиссий конгресса, которые, в свою очередь, голосуют за пентагоновские программы»³². Дело доходит до организации кампаний давления на сенаторов и конгрессменов из штатов и избирательных округов, где расположены военные предприятия, базы и сооружения и где намечается открыть новые военные объекты. Во время прений о бомбардировщике В-1 компания «Рокуэлл интернэшнл» заявляла, что около 5000 субподрядчиков и поставщиков в 40 штатах выиграют от этой программы, и даже призывала рабочих писать представителям в конгрессе от этих штатов, добиваясь от них обеспечения рабочих мест. Делегации, письма, демарши профсоюзов, требования и даже угрозы «со стороны избирателей» пускаются в ход во имя финансирования существующих и новых милитаристских программ под девизом «даешь рабочие места» и тем самым увеличения общего военного бюджета страны.

Факты показывают, что военно-промышленные круги США активно выступают в борьбе против мер в области разоружения с тезисом о том, что уменьшение военных расходов приведет к сокращению занятости трудоспособного населения. Легенда о конструктивной роли гонки вооружений в решении проблем занятости и безработицы остается на вооружении официальных деятелей страны, прежде всего представителей Пентагона, и фабрикантов оружия, которые постоянно выступают с утверждениями, что на карту поставлены сотни тысяч рабочих мест, которые будут утрачены, если произойдет резкое сокращение федеральных военных расходов.

У авторов таких утверждений нет сколько-нибудь убедительной аргументации в защиту тезиса о благотворном влиянии милитаризма на использование трудовых ресурсов. Они просто ссылаются на тот факт, что рост военных расходов увеличивает масштабы использования трудовых ресурсов как через наращивание вооруженных сил, так и путем расширения военного производства, т. е. сопровождается увеличением «военной занятости». Однако ее рост не дает оснований объявлять военные расходы сколько-нибудь эффективным средством против безработицы. Концепция увеличения заня-

тости через активизацию милитаристских процессов оказывается несостоятельной в научном отношении и опровергается американской практикой.

Возрастающие количественные показатели «военной занятости» не могут рассматриваться как мерило прогресса в решении проблемы безработицы в США не только потому, что с ростом военных расходов увеличивается непроизводительное использование трудовых ресурсов, их растрата. Не менее важна другая сторона дела. Рост «рабочих мест» в военной сфере не происходит изолированно от общеэкономической обстановки в стране. Реальный уровень занятости и безработицы обусловлен положением дел не только в военной, но и в гражданской сфере, и поэтому необходима не выборочная, а комплексная оценка последствий милитаризма в области использования трудовых ресурсов. Именно эта сторона дела намеренно игнорируется в милитаристской пропаганде. При принятии государственных бюджетных решений делается выбор пропорций военного и гражданского использования ресурсов при их неизбежной общей ограниченности. А это означает необходимость обязательного учета последствий принимаемых решений не только для военной, но и для гражданской сферы с точки зрения использования трудовых ресурсов.

Количественные показатели роста занятости при увеличении военных расходов неизменно оказываются существенно ниже по сравнению с увеличением занятости при использовании таких же ресурсов на гражданские программы. Нельзя не признавать — вопреки спекулятивным утверждениям представителей военно-промышленных кругов — большую эффективность воздействия на рост занятости гражданских, а не военных расходов. Опубликован ряд исследований, показывающих, несмотря на различия в методологии оценок, что количество создаваемых рабочих мест при переключении государственных средств на гражданские цели (жилищное и дорожное строительство, общественный транспорт, образование, медицинское обслуживание и т. п.) в 2 — 4 раза превышает число рабочих мест при использовании таких же средств на военные цели. Однако эти расчеты и оценки часто тонут под тяжестью массированного воздействия ВПК на американскую общественность в шовинистическом и милитаристском духе. Спекулятивно-демагогические выступления по проблеме «милитаризм и занятость» продолжают оставаться в арсенале средств, активно используемых во-

енно-промышленными кругами США для расширения своего влияния. Как отмечала «Нью-Йорк таймс», «что бы члены конгресса ни говорили по поводу бюджета на оборону в целом, они редко поддерживают аннулирование или крупное сокращение конкретных программ, предусматривающих создание новых рабочих мест в их родных округах и сулящих определенные доходы местным жителям»³³.

Проблема взаимоотношений военно-промышленного комплекса с конгрессом не сводится, разумеется, к организации «давления с мест» в пользу тех или иных военных программ под флагом «роста занятости». Это лишь одно из свидетельств многообразия и силы рычагов, которыми располагает комплекс.

Известно, что для избрания в конгресс нужны значительные средства, чтобы вести избирательную кампанию. Крупнейшие военно-промышленные концерны — и это широчайшая практика в США — регулярно делают взносы в избирательные фонды тех сенаторов и конгрессменов, на поддержку которых они рассчитывают при обсуждении в законодательном органе страны конкретных военных программ. Это одна из важных линий зависимости, обеспечивающая соответствие многих американских законодательных решений интересам военно-промышленного комплекса страны. Естественно, что наибольшее пополнение избирательных фондов получают кандидаты в конгресс от тех штатов, где больше предприятий военной промышленности. Такие крупные поступления средств в сущности гарантированы членам ключевых с точки зрения ВПК комиссий по делам вооруженных сил и ассигнований конгресса.

Ясны последствия щедрых пожертвований на избирательные кампании тем, кто баллотируется в конгресс и от кого ожидают «оплаты векселей» при голосовании военных программ. Некоторых представителей в американских законодательных органах в стране открыто называют прямыми ставленниками военно-промышленного комплекса. Известно также, что часть сенаторов и конгрессменов является держателями акций компаний, выполняющих солидные военные заказы. Помимо этого у крупнейших фирм-подрядчиков Пентагона тысячи консультантов, специалистов по рекламе и сбыту, журналистов, юрисконсультов и других лиц заняты в Вашингтоне обработкой членов конгресса и общественного мнения в пользу военного бизнеса, в интересах военно-промышленного комплекса. При всей важности

этих и других конкретных сторон борьбы военно-промышленных кругов за влияние в конгрессе стоит при-смотреться к тому, что составляет в более широком плане базу воздействия комплекса на внутреннюю и внешнюю политику США.

Важнейшая особенность американского военно-промышленного комплекса состоит в том, что его ядро образуют два исключительно крупных партнера. Федеральные военные власти, прежде всего министерство обороны, занимают особое место в общей структуре государственных учреждений. По размаху деятельности, возможностям и средствам Пентагону нет равных среди федеральных ведомств, в его распоряжении ежегодно оказываются средства, составляющие более четверти всего бюджета страны. Стоимость принадлежащих Пентагону военных предприятий, полигонов, баз, объектов и других сооружений, производственного оборудования, а также накопленных вооружений и военной техники оценивалась в начале 80-х годов в 340 млрд долл.³⁴

В свою очередь велик удельный вес компаний-подрядчиков Пентагона в деловом мире США. По нашим ориентировочным подсчетам, активы 60 военно-промышленных компаний, входящих в число 100 крупнейших подрядчиков Пентагона и в список 500 наиболее крупных американских промышленных корпораций, составляли в первой половине 80-х годов свыше 40 % общих активов «клуба 500», что свидетельствует о силе военного бизнеса, о значительном «заглублении» милитаризма в деловой мир США. Добавим, что из 50 самых крупных промышленных корпораций США 32 активно участвуют в военном бизнесе и получают внушительные прибыли.

Объединение в неформальном, но реально функционирующем альянсе двух столь мощных сил создает их уникальное партнерство в общей государственно-монополистической структуре, практическим следствием и проявлением которого является эффективность рычагов и форм влияния ВПК на американский государственный курс.

Обнаруживается, таким образом, шаткость позиций сторонников концепции так называемого «плюралистического окружения» военно-промышленного комплекса США. Не без участия самого комплекса там распространяется представление о том, что ВПК есть лишь одна из обычных, рядовых групп давления на конгресс и на

процесс формирования американского политического курса, которой, дескать, противостоят уравнивающие и нейтрализующие ее другие группы давления. Такая схема оказывается явно упрощенной, поскольку военно-промышленный комплекс — не рядовая лоббистская группа, а мощный государственно-монополистический блок милитаристских сил, располагающий гораздо большими возможностями влияния на политику страны по сравнению с другими, зачастую действующими раздробленно, общественными силами страны.

Общеизвестно стремление буржуазии вообще, в том числе американского правящего класса, выступать от имени нации, отождествлять классовые устремления с национальными интересами. Деятельность военно-промышленного комплекса с его девизом «в вопросах национальной обороны не может быть чрезмерных жертв» подтверждает это общее правило. Более того, отстаивая тезис соответствия наращивания вооружений интересам всей страны, комплекс прикрывает национальными интересами на столько общеклассовую, сколько узкогрупповую заинтересованность в гипертрофированном милитаризме. Под флагом национальных интересов ВПК взывает к общеклассовой солидарности буржуазии на такой милитаристской основе, которая отвечает по сути своей лишь фракционным интересам части правящего класса.

Анализ различных сторон деятельности военно-промышленного комплекса США показывает, что при узкоклассовом характере этой группировки и растущей активности противодействующих общественно-политических сил можно заставить американский капитализм сокращать сферу милитаризации, степень милитаристского использования людских, материальных и финансовых ресурсов. Масштабная демилитаризация капиталистического общества принципиально возможна и практически осуществима. Такая демилитаризация под давлением антивоенных сил и на основе международных соглашений в области разоружения не может рассматриваться как вызов капиталистическому строю с его отношениями собственности и политическими институтами.

Гипертрофированный милитаризм не присущ капитализму органически, не является его какой-то естественной и вечной потребностью. История капитализма и опыт развития конкретных капиталистических стран обнаруживают огромные различия в степени милитаризации национальной политики и экономики в

рамках одного и того же общественного строя. Важно и то обстоятельство, что в США, как и в других капиталистических странах, есть буржуазные группировки, которые либо совсем не участвуют в военном бизнесе, либо вовлечены в него в незначительной степени и поэтому здраво оценивают негативные политические и социально-экономические последствия безудержного милитаризма. Борьба за демилитаризацию капитализма — это вызов сверхмилитаризму, порожденному узкоклассовыми интересами и устремлениями, пронизывающими всю деятельность военно-промышленного комплекса США.

Выдвигаемая военно-промышленным комплексом милитаристская трактовка национальных интересов не может поэтому скрыть углубляющийся разрыв между его своекорыстной деятельностью и реальными интересами американской нации.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии указывалось: «Локомотивом милитаризма остаются США, их военно-промышленная машина, которая пока не собирается сбрасывать обороты. Это, конечно, надо принимать в расчет. Но мы хорошо понимаем: интересы и цели военно-промышленного комплекса — совсем не одно и то же, что интересы и цели американского народа, подлинные национальные интересы этой великой страны»³⁵.

Американский ВПК отстаивает свои узкокорыстные интересы под антикоммунистическими и антисоветскими лозунгами. На фоне повседневной деятельности комплекса по обработке общественного мнения США и других западных стран в духе милитаризма выделяются специально организуемые военно-промышленными кругами кампании массированного пропагандистского давления с целью обеспечить реализацию крупных милитаристских программ. Такие кампании, по сути своей ориентированные на обеспечение военного превосходства США и НАТО, неизменно проводятся под фальшивыми лозунгами «ликвидации отставания» от СССР и Организации Варшавского Договора. Уместно вспомнить 50-е годы, когда военно-промышленный комплекс под надуманным предлогом «отставания в бомбардировщиках» добился финансирования и практической реализации крупномасштабной программы строительства стратегических бомбардировщиков. Известно, что в начале 60-х годов США начали массовое развертывание межконтинентальных баллистических ракет, кото-

рому предшествовала и которое сопровождала истерическая кампания под лозунгом «ракетного отставания США». События последующих лет показали несостоятельность и злонамеренный характер таких лозунгов и кампаний.

Можно было бы не возвращаться к примерам последних десятилетий, если бы история не повторялась. А она повторяется со все большими вариациями на тему об «отставании США в военной области». В начале 80-х годов усилиями военно-промышленных кругов страны была начата и продолжается крупномасштабная милитаристская кампания уже не под лозунгом ликвидации американского «отставания» в области тех или иных конкретных систем оружия, как это было в прошлом, а под флагом преодоления «общего военного отставания» США и НАТО от СССР и Организации Варшавского Договора. Именно такой грубой фальсификации подвергаются лидирующая роль США и НАТО в гонке вооружений и вынужденные ответные действия СССР и его союзников. Схема действий комплекса остается довольно стандартной: всякий раз, когда требуется увеличение военного бюджета, вытаскивается на свет в том или ином виде идея «превосходства» СССР и «отставания» США в военной сфере.

Именно с этой целью в 80-е годы было предпринято и широко разрекламировано «обследование» военной промышленности США. В конгрессе состоялись слушания, целью которых объявлялась оценка состояния и возможностей производства вооружения и военной техники. Были опубликованы книги, доклады и многочисленные статьи, посвященные этому кругу вопросов. Лейтмотивом всех таких выступлений оказалась так называемая «эрозия» американской военной промышленности.

Как по мановению волшебной палочки, положение дел в этой сфере военно-экономических приготовлений США стало вдруг «плачевным» и «скандальным». Из одной американской публикации в другую стал кочевать стандартный набор «изъянов» в военном производстве, прежде всего таких, как снижение темпов прироста производительности труда, старение станочного парка, нехватка стратегических материалов, увеличение сроков поставок комплектующих изделий, нехватка квалифицированной рабочей силы. Ознакомление с этими изданиями, если не иметь в виду частности или конъюнктурные факторы, показывает не столько реальные срывы

в функционировании военной индустрии, сколько намерение драматизировать ситуацию, искусственно создать каскад проблем. Нет ни малейшего сомнения в том, что «анализ» военной промышленности проводился как рассчитанный наступательный маневр военно-промышленного комплекса, маневр отбора аргументов в пользу резкого наращивания военных расходов, маневр милитаристского оглушения общественности.

На слушаниях в конгрессе предпринимались попытки представить дело так, будто военная промышленность США настолько отстала, что находится сейчас в таком же состоянии, как и перед нападением Японии на Пёрл-Харбор в 1941 г. Это в сущности дымовая завеса, поставленная с целью скрыть реальность существования в США крупнейшей в мире военной промышленности, производственная база которой постоянно расширяется и совершенствуется. Фирмы-подрядчики Пентагона сыграли главную роль в пропагандистской кампании, организованной для оправдания предпринятого в начале 80-х годов массированного переключения ресурсов на военные цели. Эта роль далеко не бескорыстна. Лекарством от всех бед представители военного бизнеса назвали выгодное подрядчикам крупное и быстрое увеличение государственных заказов на вооружение и военную технику. Фабриканты оружия требовали обеспечить не только стабильность и рост таких заказов, но и переход к системе закупок вооружения и военной техники на базе долгосрочных военных контрактов, приспособление бюджетного процесса к таким закупкам на многолетней основе. Это была, конечно, ставка на увеличение прибылей от военного бизнеса, на их гарантированный уровень, обеспечиваемый многолетними контрактами при полной компенсации государством любых затрат и издержек, связанных с изменениями в контрактных условиях.

В качестве параллельного набора средств, призванных оправдать военные приготовления США и других стран НАТО, широко используются официальные выступления и публикации, особенно по линии Пентагона, в которых с помощью тенденциозного подбора и преднамеренного искажения данных о военном потенциале Советского Союза предпринимаются попытки возродить миф «о советской военной угрозе», запугать общественность, сбить рост антивоенных настроений в западных странах, осложнить и сорвать переговоры по ограничению и сокращению вооружений. В действие

приведена мощная информационно-пропагандистская машина. Пентагон издает более тысячи газет, около 400 журналов и других публикаций общим тиражом свыше 12 млн экз. Измышления «о советской военной угрозе» используются в качестве оправдания и прикрытия широкомасштабных военных приготовлений США. В стране существует разветвленная сеть связей военно-промышленной элиты с буржуазным идеологическим аппаратом, его государственными и частными подразделениями.

В 80-х годах возросло использование идеологического аппарата для обработки населения в милитаристском духе. Приведем одно из американских свидетельств: «Такие фильмы, как «Рэмбо», «Рокки IV» «Вторжение в США», призывают Америку использовать волю и силу для установления международного порядка. Американцев убеждают в том, что они имеют право использовать военную силу, пока сами сильны духом, а их арсеналы полны оружия. Идея «власти силы» захватила и повседневную жизнь Америки. Для американца агрессивность и насилие становятся нормальными средствами достижения своей цели»³⁶.

Факты показывают, что активизация милитаристских процессов в США в первой половине 80-х годов была непосредственно связана с деятельностью военно-промышленного комплекса.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

За последнее десятилетие внимание мировой общественности все больше привлекает развитие в странах Западной Европы милитаристских тенденций, идущих наперекор процессу укрепления европейской и международной безопасности и стабильности. В ряде западноевропейских стран нарастает выпуск все более совершенных видов и систем вооружения и военной техники, значительные суммы расходуются на финансирование исследований и разработок военного назначения. Два западноевропейских государства — Великобритания и Франция — модернизируют и расширяют свои ядерные потенциалы. По стоимости военная продукция составляет около $1/10$ промышленного производства стран Западной Европы.

В то же время эти тенденции имеют внутренне противоречивый характер. С одной стороны, они ведут к усилению общей военной мощи НАТО на основе «разделения труда» в области военных приготовлений, более активного подключения к ним ресурсов Старого Света. С другой, развитие военно-интеграционных процессов в Западной Европе усиливает трансатлантические противоречия. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ специфических черт и сторон деятельности ВПК западноевропейских стран, особенностей их участия в гонке вооружений.

1. Своеобразие развития ВПК стран Западной Европы в 70—80-е годы

В современном виде военно-промышленные комплексы отдельных стран Западной Европы сложились в 50-х годах, в условиях «холодной войны». Концентрируя под своим контролем значительную часть производственного аппарата, научно-технического потенциала, людских, сырьевых и энергетических ресурсов, западноевропей-

ские ВПК играют важную роль в продолжении гонки вооружений, в попытках правых сил сохранить атмосферу недоверия к Советскому Союзу и другим странам социализма.

Наряду с общими для империалистических стран закономерностями появления и функционирования ВПК представляется важной оценка их конкретных форм в Западной Европе. Речь идет о выявлении своеобразия, «которое, — указывал В. И. Ленин, — свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать»¹.

При анализе особенностей ВПК стран Западной Европы нельзя не учитывать специфические условия этого региона.

Во-первых, значительное разнообразие стран как по уровню экономического, политического и социального развития, так и по степени их вовлеченности в различного рода интеграционные и военно-политические группировки.

Во-вторых, большая по сравнению с США степень вмешательства государства в экономические и социальные отношения.

В-третьих, высокая, объективно обусловленная заинтересованность в разрядке, устранении угрозы войны и развитии взаимовыгодных отношений с социалистическими государствами — своими соседями по Европейскому континенту.

Наконец, относительно меньшая, чем в США, степень влияния ВПК на внутреннюю и внешнюю политику в большинстве западноевропейских стран. Если в Соединенных Штатах отсутствует сильная партийно-политически организованная оппозиция гонке вооружений, то в Западной Европе, напротив, в ряде стран существуют влиятельные политические партии и левые профсоюзы, выступающие с антивоенных позиций. В западноевропейских странах слабее, чем в США, промилитаристские организации. Народы Западной Европы, в отличие от населения США, на своей земле испытали ужасы и тяготы второй мировой войны, пережили трудности первых послевоенных лет, что открывает значительные возможности для обуздания роста сил и влияния ВПК.

Несомненно, эти особенности наложили свой отпечаток на развитие комплекса, его воздействие на внутреннюю и внешнюю политику, основные компоненты ВПК в различных странах региона. Большое влияние на формирование, историческую эволюцию, структуру,

конкретные черты ВПК и особенно его материально-технической базы в странах западноевропейского «центра силы» оказала научно-техническая революция.

Взросший уровень развития производительных сил и небывалый размах научно-технической революции, развернувшейся в странах Западной Европы несколько позже, чем в США, произвели глубочайший переворот в средствах и способах ведения войны, были использованы для коренной перестройки материально-технической базы производства вооружений. В связи с этим в ней возросла доля наукоемких отраслей (атомная, электронная, авиаракетно-космическая), круто изменилась технология традиционных отраслей военного производства (стрелково-артиллерийского и бронетанкового вооружения, кораблестроения, самолетостроения). Монополии, производящие вооружение и военную технику, действуют в новейших наукоемких и традиционных отраслях военного производства Западной Европы, они все активнее используют новейшие научно-технические достижения в военных целях.

Особо следует отметить сильно возросшее за последние годы военное значение электроники и микроэлектроники, доля продукции которых по стоимости в новейших видах западноевропейского вооружения составляет от 40 до 70 % (многоцелевой самолет «Торнадо», танк «Леопард-2» или корабль-ракетоносец «Фрегат-122» и др.)².

Хотя доля военной продукции в обороте крупнейших монополий электротехнической и электронной промышленности равна зачастую всегда лишь нескольким процентам, они играют ключевую роль в исследовании, разработке и производстве самых современных систем оружия. Так, например, «Сименс», крупнейший в ФРГ концерн электротехнической и электронной промышленности, при доле военной продукции в обороте, равной 8 %, занимал в 1979 г. первое место в общей сумме военных заказов правительства³.

Однако у тех военно-промышленных компаний Западной Европы, которые выпускают конечную военную продукцию, ее удельный вес во всем их обороте гораздо выше. Так, к началу 80-х годов во Франции он превысил 50 % у семи концернов и 75 % — у пяти. В Англии и Италии эта доля была более 50 % у шести концернов и 75 % — у четырех. В ФРГ у шести концернов выпуск военной продукции составлял свыше 50 %, а у одного он был выше 75 % оборота⁴.

Военно-промышленные концерны, которые до второй мировой войны почти полностью специализировались на выпуске вооружения для определенных родов войск, теперь создают новые или скупают уже существующие предприятия не только в смежных военных отраслях, но и в сфере гражданского производства. Чтобы застраховать себя от потери прибылей при колебаниях военных заказов в условиях быстрого устаревания и довольно частой смены систем оружия, они диверсифицируют свою деятельность. В 80-е годы усилилась экспансия военно-промышленных гигантов в новые для них отрасли в целях захвата выгодных военных контрактов на основе обширных военных программ НАТО. В результате основным структурообразующим компонентом военно-промышленных комплексов западноевропейских стран стали в современных условиях мощные диверсифицированные военно-промышленные концерны, принадлежащие к узкому кругу крупнейших монополий, господствующих в сравнительно немногочисленных военно-ориентированных отраслях производства. Военное производство у таких западноевропейских концернов большей частью сосредоточено в их специализированных дочерних предприятиях. Например, у концерна «Дженерал электрик» (Великобритания) оно сконцентрировано преимущественно в фирме «Маркони», у концерна «Тиссен» (ФРГ) — в компании «Тиссен индустри АГ» и в ее дочерних компаниях «Тиссен-Хеншель АГ» (бронемашины), «Тиссен нордзееверке ГмбХ» (подводные лодки) и т. д.

Центральное место в военном бизнесе принадлежит компаниям электротехническо-электронной и авиаракетно-космической промышленности. Так, по подсчетам экономиста из ГДР В. Кланка, в западноевропейских странах НАТО на долю этих отраслей приходится более 50 % суммарной стоимости выпуска современных систем оружия, на долю машиностроения — от 10 до 20 %, на автомобилестроение — около 10, на судостроение — примерно 5 %⁵.

В этих отраслях в рамках западноевропейского региона господствуют немногие монополии, концентрирующие в каждой из стран большую часть военно-производственного, военно-исследовательского и опытно-конструкторского потенциала своей отрасли. Так, в авиаракетно-космической промышленности Западной Европы главными являются концерны: «Бритиш аэроспейс» (Великобритания), СНИАС и «Дассо-Бреге» (Фран-

ция), «Мессершмитт-Бельков-Блом» (МББ) (ФРГ), «Аэриталия» (Италия). Это относится и к моторостроению, где господствуют немногие концерны: «Роллс-Ройс» (Великобритания), СНЕКМА и «Тюрбомека» (Франция), «Даймлер-Бенц» и «Клекнер-Гумбольд-Дойц» (КГД) в ФРГ, ФИАТ и «Альфа-Ромео» (Италия).

Столь же высока в Западной Европе концентрация в военном кораблестроении и танкостроении. Фирма «Бритиш шипбилдерс» производит практически все военные корабли Англии. В Италии «Италкантьери» строит подавляющую часть всех военных кораблей. В производстве танков монопольное положение занимают «Ройал орднанс фэкториз» и «Виккерс» (Великобритания), объединение ГИАТ (Франция), «Краусс-Маффей» и «Крупп машиненбау ГмбХ» (ФРГ), «Ото-Мелара» (Италия).

В электротехнической и электронной промышленности Западной Европы господствует несколько крупных международных монополий. В Англии это прежде всего «Дженерал электрик» и «Торн-ЭМИ», во Франции — «Томсон-КСФ», «КИИ-Ханиуэлл-Бюль» и «Электроник Серж Дассо» (ЭСД), в ФРГ — главным образом «Сименс» и АЭГ, в Италии — «Селения» и «Систель».

Атомная энергетика и большая часть учреждений НИОКР в атомной промышленности стран Западной Европы принадлежат государству, но сердцевина этой отрасли — ядерное реакторостроение — почти полностью контролируется в каждой стране 1—3 смешанными государственно-частными монополиями с преобладанием частного капитала и с множеством субподрядчиков. Так, во Франции эту роль выполняет «Фраматом», в котором концерн «Вестингауз» (США) владеет 15 %, а государство — 30 % акций; в Великобритании консорциум «Термонуклеар пауэр груп» (ТНПГ), возглавляемый фирмой «Дженерал электрик»; в ФРГ — «Сименс АГ» и в Швеции — «АСЕА-Атом». Столь же велика монополизация производства ядерного горючего.

В орбиту ВПК наряду с монополиями, производящими вооружение и боевую технику, втягиваются также строительные и нефтяные монополии, фирмы и учреждения военно-экономической инфраструктуры (транспорт, связь, энергоснабжение), поставщики оборудования и продовольствия, также извлекающие внушительные прибыли из выполнения правительственных во-

енных заказов. Типичным представителем этой группы компаний можно назвать, к примеру, военно-строительную фирму «Тармак», сооружающую в Великобритании ангары для американских крылатых ракет.

Растущую роль в деятельности западноевропейских ВПК играют частные и государственные банки и другие кредитные институты, финансирующие военное производство либо являющиеся крупнейшими акционерами концернов, выпускающих продукцию военного назначения. Так, крупнейший из трех гроссбанков ФРГ — «Дойче банк», возглавляющий одноименную, самую могущественную из финансово-монополистических групп этой страны, контролирует крупнейшие военно-промышленные концерны: «Сименс», «Даймлер-Бенц», «Тиссен», АЭГ, «Клекнер», «Флик», «Хенкель». Аналогичная ситуация существует и в других странах западноевропейского региона. Так, по подсчетам советского исследователя А. И. Шеина, в Великобритании «большая четверка» коммерческих банков является финансовыми центрами 24 промышленных компаний, входящих в список крупнейших британских военных поставщиков. Сращивание банков с военными монополиями происходит также путем акционерного участия. Так, согласно годовому отчету известного английского концерна «Виккерс», основными его пайщиками к началу 1984 г. были банки, страховые и инвестиционные компании, пенсионные фонды. Составляя в общей сложности лишь 2,6 % всех акционеров, они владели более чем половиной (52,4 %) акционерного капитала концерна⁶.

Растущая милитаризация общественной жизни, интеграция военного производства в общую структуру западноевропейской экономики создали более благоприятные условия для мобилизации капитала и изыскания резервов для выпуска вооружений по сравнению с довоенным периодом. Тем самым повысилась гибкость и маневренность приспособления ВПК к быстро меняющимся требованиям научно-технической революции в военном деле. Империалистическое государство получило возможность опираться при форсировании гонки вооружений на более широкую научно-исследовательскую, опытно-конструкторскую и производственную базу, а военно-промышленные компании — обеспечивать себе более высокие прибыли.

Существенная особенность развития военно-промышленных комплексов в западноевропейских странах связана со значительно большей, чем в США, прямой

государственной вовлеченностью в выпуск оружия и военной техники и возросшей в связи с этим ролью государственной бюрократии в органах, непосредственно участвующих в наращивании национального (и натовского) военного потенциала. Дело уже не ограничивается только деятельностью государства как главного заказчика и потребителя вооружений или только его регулирующими функциями по отношению к частному капиталу, действующему в сфере военного производства.

В связи с удорожанием и усложнением систем оружия, диктующих необходимость затрат огромных усилий и материальных средств на военные приготовления при ограниченных национальных возможностях их мобилизации, быстро нарастает непосредственное участие государства в проведении НИОКР военного назначения в процессе производства и сбыта вооружений.

В этих целях по инициативе и при активнейшем участии государства в сфере военного производства либо проводятся меры, усиливающие процессы монополизации в отраслях военной промышленности (ФРГ), либо создаются новые государственно-частные монополистические объединения (Великобритания, Франция, ФРГ, Италия). Наконец, временно осуществляется полная национализация тех отраслей и фирм, где выпуск современных средств ведения войны требует коренной модернизации производственного аппарата за счет государственных средств с последующей их полной или частичной денационализацией.

Именно такими путями при всемерной поддержке империалистического государства быстрыми темпами наращивается мощь большинства крупнейших современных западноевропейских фирм — продуцентов вооружения. О масштабах увеличения с помощью государства военно-промышленного потенциала стран Западной Европы можно судить по данным, иллюстрирующим укрепление позиций главных авиаракетно-космических компаний этого региона к началу 80-х годов.

Существование государственного военно-промышленного сектора могло бы рассматриваться как известное ограничение на пути частнособственнического влияния на утверждение и реализацию военных программ. Важно, однако, подчеркнуть, что деятельность такого сектора теснейшим образом переплетена с частнособственническими интересами в сфере военного производства. Проблема негативных общественных послед-

ствий деятельности частного сектора в сфере военного производства отнюдь не снята. В западноевропейских странах сохраняются и расширяются частнокапиталистическое предпринимательство в этой сфере и система государственных привилегий частным производителям военной техники (им гарантируется отказ от конкуренции со стороны государственных предприятий, амортизационные и налоговые льготы, возмещение убытков и сбыт продукции, высокие цены на нее, монопольно высокие прибыли и др.).

В военных ведомствах стран Западной Европы укоренилась практика передачи преобладающей части военных заказов узкому кругу самых крупных промышленных концернов — генеральных подрядчиков, по существу монополизировавших государственный рынок военной продукции. Как правило, ныне не более 5—8 % правительственных контрактов заключается путем открытых торгов, где еще возможна какая-либо конкуренция. Свыше 90 % заказов размещается путем закулисных переговоров с избранными фирмами, которые выступают в роли монопольных поставщиков, диктующих свои цены и условия поставки. Так, в 1975 г. в ФРГ лишь 4,5 % (1,8 % по стоимости) заказов бундесвера было размещено путем открытых торгов. Остальные заказы распределены среди постоянных подрядчиков бундесвера (47,7 % заказов, или 64,2 % их общей стоимости) либо выданы узкому кругу монополий на закрытых торгах (47,8 % заказов, или 34,0 % по стоимости) ⁷.

Однако отмеченная тенденция к сужению поля конкурентной борьбы в условиях деятельности крупных монополий не означает ликвидации конкуренции. Модифицируются лишь ее формы и проявления. Например, в Рабочей группе по проблемам военной экономики ФРГ, состоящей из представителей монополий и государственных военных органов, борьба за дележ пирога прибыльных военных заказов становится все более ожесточенной.

Работа на государственный рынок обеспечивает военно-промышленным монополиям особо высокую норму прибыли. Так, в начале 80-х годов прибыли поставщиков военной продукции в ФРГ на 35—100 % превышали доходы фирм, выпускающих одинаковую с ними гражданскую продукцию ⁸. Монополии стремятся захватить максимум высокоприбыльных военных заказов, а военные ведомства охотно идут им навстречу, предпочитая сотрудничать на постоянной основе с крупными концер-

нами, располагающими накопленным опытом производства вооружения, необходимым оборудованием и кадрами специалистов.

На этой взаимовыгодной основе в рамках ВПК происходит переплетение интересов и практическое взаимодействие военно-промышленных монополий с государственным аппаратом, особенно его военными подразделениями. Генералитет и высшие офицеры поддерживают постоянные контакты с военно-промышленными монополиями, а после ухода с военной службы зачастую становятся их директорами или лоббистами.

В ФРГ сотни бывших генералов и старших офицеров бундсвера заняты в сфере военного бизнеса. Бывший командующий ВВС ФРГ генерал И. Штейнгоф — председатель наблюдательного совета авиаконцерна «Дорнье». Генерал-лейтенант в отставке фон Лорингоф руководит боннским бюро транснациональной корпорации «Филипс», выпускающей радиоэлектронное оборудование. Аналогичная картина наблюдается и в других странах. Бывший заместитель начальника штаба вооруженных сил и генеральный инспектор ВВС Франции генерал Жак Миттеран с 1976 по июнь 1983 г. возглавлял крупнейший в Европе авиакосмический концерн СНИАС, а затем стал членом его административного совета⁹. В Великобритании генеральный директор крупнейшей авиационной фирмы «Лукас индастриз» Дж. Блис назначен в 1982 г. на пост главы организации по продаже военной техники, созданной при министерстве обороны. Такая ротация кадров в рамках военно-промышленного комплекса получила дальнейшее развитие в условиях, когда в странах Западной Европы расширилось военное производство на базе государственной и особенно смешанной государственно-частной собственности.

Все компоненты ВПК и примыкающие к нему звенья тесно связаны между собой личной унией, отражающей переплетение интересов военно-промышленной элиты. Менеджеры и крупнейшие акционеры военных монополий занимают важные правительственные, военно-административные и военные посты, входят в руководящую верхушку политических организаций буржуазии.

Типичнейший представитель руководящей элиты западноевропейских ВПК — лорд Каррингтон. Он занимает один из высших постов в руководстве агрессивного блока НАТО, был министром обороны Великобритании в 1970—1974 гг., занимал директорские посты в крупных монополиях, включая ТНК «Рио-Тинто зинк», поставля-

ющую уран и другие стратегические материалы. Затем вновь стал министром обороны в 1979—1982 гг. Перед назначением в 1984 г. генеральным секретарем НАТО Каррингтон был председателем правления тесно связанной с военным бизнесом (второе место в Великобритании по сумме военных заказов) электротехнической компании «Дженерал электрик» и одновременно директором самого крупного в стране коммерческого банка «Барклейз бэнк».

В структуре военно-промышленных комплексов стран Западной Европы прежде всего представлены и объединены, с одной стороны, крупнейшие частные, государственные и смешанные военно-промышленные монополии и военные звенья объединяющих их монополистических союзов предпринимателей, а с другой стороны, государственные военные ведомства и учреждения (министерства, советы и комитеты обороны, генералитет вооруженных сил, парламентские и правительственные комитеты, ведающие производством и закупкой вооружения, военной техники и снаряжения).

Между этими компонентами ВПК установились наиболее тесные и многообразные связи. Развитие таких связей и институциональных звеньев в механизме ВПК в странах Западной Европы идет по следующим направлениям:

- сосредоточение управления стратегическими и военно-экономическими координационными мероприятиями в едином административном центре, руководство министерством обороны со стороны надминистерских правительственных органов;

- создание при президентах, премьер-министрах и кабинетах министров специальных органов, не предусмотренных конституциями, но практически направляющих ход милитаризации и гонки вооружений. Формирование военных отделов в ряде гражданских министерств и ведомств, в различных федерациях предпринимателей, военных комитетах политических партий;

- образование целой системы межведомственных, околоправительственных, парламентских, официальных и полуофициальных организаций, комитетов и разнообразных «групп давления», оказывающих порой решающее влияние в поддержку деятельности ВПК, не останавливаясь перед прямым подкупом влиятельных государственных деятелей и должностных лиц. Наглядным свидетельством является нашумевшая «афера Флика». Речь идет о взятках, которые концерн Флика давал

буржуазным партиям и видным боннским политическим деятелям, включая федерального канцлера Г. Коля, в обмен на различные незаконные льготы и привилегии.

Военно-промышленный комплекс, не будучи, как отмечалось, объединением с формальным статусом, имеет собственный механизм функционирования, обеспечивающий выход военно-промышленным монополиям к важнейшим сферам государственного управления. ВПК закрепляет всевозрастающую роль милитаризации в общественной жизни. Механизм ВПК формируется на основе устойчивых финансово-экономических, организационно-управленческих, научно-технических, политических и идеологических связей, складывающихся между его компонентами.

Милитаристские процессы в странах Западной Европы развивались и развиваются при непосредственном участии буржуазного идеологического аппарата, его государственных и частномонополистических звеньев. Идеологические учреждения, особенно средства массовой информации, ведут обработку общественности в милитаристском духе, оправдывают гонку вооружений под предлогом «военной угрозы» со стороны Советского Союза и других стран — членов Организации Варшавского Договора. Идеологической обработкой военнотружущих и гражданского населения в странах Западной Европы занимаются многочисленные военные и полумилитарные организации офицеров резерва, ветеранов прежних войн, ассоциации по видам вооруженных сил и т. п. Эти организации используются реакционными кругами для милитаризации общественного сознания, пропагандистского обеспечения военных приготовлений, создания благоприятных для военного бизнеса условий.

Для этих целей в государствах региона широко используются возможности, предоставляемые современными средствами массовой информации (Би-би-си и Ай-ти-ви в Великобритании, ОРТФ во Франции, РАИТВ в Италии, АРД и «Немецкая волна» в ФРГ, финансируемые США мюнхенские радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» и др.).

Одновременно активизируется антикоммунистическая, милитаристская деятельность частного идеологического бизнеса — издательских концернов, теле- и радиоконпаний, информационных агентств, кинофирм и других организаций. Буржуазные идеологи помимо фальшивого мифа «о советской угрозе» распространяют

лживые представления о гонке вооружений как «двигателе прогресса» в гражданских отраслях производства и «надежном средстве» против экономических кризисов и безработицы.

Показательна деятельность британского ВПК, на службу интересам которого поставлен мощный арсенал средств массовой информации (пресса, радио, телевидение, кино), контролируемых крупным капиталом. Этот аппарат, раздувая в целях разжигания гонки вооружений ажиотаж вокруг мнимой опасности «коммунистического вторжения» в Западную Европу, одновременно занимается травлей сторонников мира. Особенно яростные его нападки в сочетании с полицейскими преследованиями обрушиваются на организацию «Движение за ядерное разоружение», выходящую на авансцену политической борьбы вокруг проблем войны и мира. Главными поставщиками тенденциозной информации для периодической печати, радио и телевидения являются агентства Пресс Ассошиэйшн, принадлежащее ведущим газетным концернам, и Рейтер. Распространением предвзятой информации занимается и правительство, представители которого регулярно проводят закрытые инструктажи для специально отобранных корреспондентов в рамках так называемого «репортерского парламентского лобби».

В 80-е годы в связи с ростом антивоенной борьбы правящие круги уделяют все большее внимание оправданию милитаристского курса английского правительства. Так, в декабре 1983 г. специальная правительственная исследовательская группа по вопросам цензуры, возглавляемая генералом в отставке Хью Бичем, опубликовала отчет, в котором призывала правительство «оценить важность пропаганды». Командованию вооруженными силами указывалось при этом на необходимость проводить «прогрессивную» политику по отношению к средствам массовой информации, уделять «значительно больше внимания» изложению взглядов британских военных кругов на страницах печати, по радио и телевидению¹⁰.

Председатели правлений и другие деятели военных монополий входят — и это распространенная практика — в советы директоров радио- и телевизионных компаний, крупных издательств, их включают в наблюдательные советы школ и колледжей. В свою очередь в советы директоров крупнейших военных монополий все в большей мере привлекаются руководители изда-

тельских компаний, учреждений, связанных с кинематографией, радио и телевидением, редакторы газет. Так, бывший министр обороны Майкл Хезлтайн до назначения на этот ответственный пост имел опыт руководства крупным издательством и организации рекламного дела. Все это свидетельствует об усилении роли идеологического компонента в деятельности ВПК, что характерно как для Великобритании, так и для других стран Западной Европы.

В 60—70-х и особенно в 80-х годах возросли масштабы милитаризации научных исследований и разработок в рамках деятельности военно-промышленных комплексов стран Западной Европы. Это было вызвано, как отмечалось, коренными сдвигами в развитии новейших средств массового истребления на базе достижений НТР в условиях ускоряющейся гонки вооружений. Немаловажную роль в усилении милитаризации науки, техники и технологии играет стремление правящих кругов в государствах западноевропейского «центра силы» освободиться от американской зависимости и перейти к полному освоению всех циклов работ по исследованиям, разработке и производству современных видов вооружения и военной техники.

Курс на милитаризацию науки реализуется в первую очередь в рамках деятельности национальных научно-исследовательских институтов, университетских и заводских лабораторий и других государственных и частных исследовательских центров. Наиболее значительные расходы на военные НИОКР выделяют Великобритания, ФРГ, Италия и тесно сотрудничающая с ними Франция.

Показательна деятельность министерства обороны Великобритании в целях дальнейшей милитаризации науки. С 1971 г. в нем функционирует Управление по военным закупкам, отвечающее за заключение контрактов с крупнейшими концернами на военные исследования, опытно-конструкторские работы и производство военной продукции. Руководители этого важнейшего управления являются членами объединенного Совета обороны. С 1981 г. один из двух заместителей министра обороны в ранге государственного министра ведает закупками вооружения, боевой техники и снаряжения, имея в парламенте своего помощника — парламентского секретаря.

Всего за 6 лет (1978/79—1984/85) общая стоимость научных исследований и разработок военного профиля

увеличилась в 2,4 раза. Почти $\frac{3}{4}$ военных НИОКР выполняются в научно-исследовательских центрах, проектно-конструкторских бюро частных и государственных военно-промышленных компаний и в лабораториях английских университетов, а остальные работы осуществляются в соответствующих учреждениях военного ведомства, объединенных в 80-х годах в 8 крупных отраслевых научно-исследовательских комплексов.

В сфере военных НИОКР занято примерно 20 % всех ученых Великобритании, сконцентрированных главным образом в системе Управления по атомной энергии, научно-исследовательских центрах крупнейших военно-ориентированных корпораций и министерства обороны. Руководящие посты во всей сети перечисленных учреждений принадлежат, как правило, виднейшим ученым и дипломированным инженерам, которые все в большей мере становятся составной частью военно-промышленной элиты. В качестве одного из многочисленных примеров достаточно назвать сэра Сэмюэля Эдвардса, профессора теоретической физики, члена Королевского общества, бывшего в 1971—1979 гг. английским представителем в Комитете по науке НАТО, а в 1977—1980 гг. — председателем военного научно-консультативного совета. Ныне С. Эдвардс, будучи одним из директоров авиапромышленной монополии «Лукас индастриз», является членом многих научно-исследовательских советов, инженерных обществ и институтов, обладателем почетных степеней и наград.

Деятельность ВПК Великобритании, направленную на стимулирование гонки вооружений, фактически координирует Национальный совет военных отраслей, куда входят высшие деятели министерства обороны, руководители управления военных закупок и представители крупнейших военных монополий.

При определенных национальных различиях для военно-промышленных комплексов ведущих империалистических держав Западной Европы характерны во многом сходные черты структуры и деятельности ВПК¹¹. Общность основных закономерностей и тенденций развития милитаризма в основных западноевропейских странах — членах НАТО не отрицает, а предполагает необходимость изучения характерных черт и отличительных особенностей милитаристских процессов и деятельности ВПК в конкретных национальных условиях.

2. Черты ВПК стран западноевропейского региона

В соответствии со спецификой региона и национальными особенностями развития милитаристских процессов военно-промышленные комплексы западноевропейских стран весьма разнородны по характеру взаимосвязей между их компонентами, масштабам материально-технической базы и степени политического влияния. Одним из свидетельств таких различий являются, например, данные об уровне обеспеченности стран собственным, неимпортированным вооружением (без вычленения доли, приходящейся на военную технику, создаваемую на базе совместного производства). В начале 80-х годов он достигал во Франции и Великобритании 80—85 %, в ФРГ — 75—80, в Италии — 65—70, в Бельгии, Нидерландах, Норвегии — примерно 50, в Греции, Португалии, Дании — 25—30 %¹².

С учетом достигнутого уровня милитаризации, особенно масштабов национального военного производства, есть основания говорить о сложившихся военно-промышленных комплексах в наиболее крупных входящих в НАТО странах региона — Франции, Великобритании, ФРГ и в меньшей степени в Италии. В каждой из этих стран 15—30 крупнейших государственных, частных и смешанных государственно-частных компаний с сотнями и тысячами субпоставщиков каждая контролируют подавляющую часть выпуска военной продукции. При этом в основных отраслях, занятых производством вооружения, обычно доминирует не более 2—3 фирм. Военно-промышленные компании теснейшим образом взаимодействуют с государственными военными органами этих стран, образуя устойчивые милитаристские звенья национальных государственно-монополистических структур. Финансовый вклад Великобритании, Франции и ФРГ в военные расходы НАТО примерно одинаков — по 8—10 % в среднем за 70—80-е годы.

Общими чертами их ВПК в современных условиях являются:

- значительное увеличение военного производства и повышение уровня его концентрации и монополизации; рост экспорта военной продукции и технологии;

- жесткое централизованное государственно-монополистическое программирование производства и экспорта боевой техники, военной технологии и лицензий; рост государственного финансирования и участия в осуществлении военных НИОКР;

— усиление всевозможных связей, включая личную унию, между государственной властью, в первую очередь ее военными звеньями, и главными поставщиками вооружений и военной техники; расширение таких связей на основе участия в деятельности соответствующих организаций и учреждений НАТО;

— широкое использование идеологического аппарата, в первую очередь средств массовой информации, в милитаристских целях;

— растущая интернационализация военного производства и активное участие в региональном военно-промышленном сотрудничестве, в первую очередь путем совместного производства вооружений на основе международной специализации и кооперации.

В отличие от ВПК Соединенных Штатов, где в НИОКР и производстве вооружений преобладает частномонополистический капитал, в Западной Европе, за исключением ФРГ, и особенно во Франции, Великобритании, Италии, Испании, основную долю оружия и боевой техники поставляют смешанные компании и государственные предприятия. Такое положение в значительной мере стало результатом национализации ряда военно-ориентированных отраслей в 70-х годах в Великобритании и в начале 80-х годов во Франции. В странах Западной Европы государство гораздо активнее, чем в США, непосредственно участвует в научных исследованиях и разработках, выпуске военной продукции и торговле оружием. Этот фактор способствует программированию национального военного производства, развитию военно-промышленного сотрудничества на региональном западноевропейском уровне. В принципиальном отношении эти особенности западноевропейских ВПК не меняют их сути как наиболее воинственных и реакционных группировок правящего класса, как активных проводников и организаторов — прежде всего в рамках и по планам НАТО — политики авантюризма и агрессии.

Военно-промышленным комплексам в странах Западной Европы присущи свои национальные особенности.

Франция. Основы ВПК здесь были заложены в конце 50-х — начале 60-х годов. С тех пор он развивался под воздействием многообразных факторов, связанных с курсом страны на относительную военно-политическую самостоятельность. Этот курс включает такие элементы, как членство Франции в НАТО, опора на собствен-

ные стратегические и тактические ядерные силы, активное участие в западноевропейских интеграционных процессах в рамках ЕС и Западноевропейского союза (ЗЕС), «политика сотрудничества» с развивающимися, в первую очередь африканскими, странами. Ориентация Франции на сохранение статуса ядерной державы во многом определяет черты ее национальной военной политики и направления деятельности ВПК этой страны.

После формального выхода Франции из военной организации НАТО, объединившей под американским командованием вооруженные силы стран-участниц, ее сотрудничество с этим блоком продолжалось как на политическом, так и на военном уровнях. Новейшая (с 1976 г.) французская военно-стратегическая доктрина «расширенной зоны обороны» четко указывает, что военный потенциал Франции является частью военной мощи НАТО и будет использован в случае конфликта в Европе против СССР и его союзников по Организации Варшавского Договора (ОВД).

Важной особенностью ВПК Франции является незначительная зависимость от внешних поставок оружия. Широкая номенклатура и высокие тактико-технические характеристики выпускаемой боевой техники позволяют Франции не только полностью удовлетворять за счет собственного производства подавляющую часть внутренних потребностей в военной продукции, но и примерно $\frac{2}{5}$ ее экспортировать. Франции в отличие от Великобритании удалось добиться практически почти полной независимости в разработке и производстве собственных ядерных средств. Всего во французских ядерных силах страны к началу 80-х годов насчитывалось 158 пусковых установок баллистических ракет средней дальности наземного и морского базирования и 155 самолетов — носителей ядерного оружия¹³.

Франция отказалась присоединиться к Московскому договору 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах; она отказалась принять участие в работе женевского Комитета (позднее Конференции) по разоружению; не присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия. С самого начала она отказалась участвовать в Венских переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Франция выразила в свое время демонстративную поддержку решению НАТО о размещении на территории Западной Европы новых американских ракет средней дальности.

В 1984 г. на военных предприятиях Франции непосредственно работало 400 тыс. человек ¹⁴. Господствующие позиции в военном производстве занимают такие монополии, как СНИАС, «Дассо-Бреге», СНЕКМА (авиакосмическая промышленность), «Манюрен», «Томсон-Брандт», «Ле Гроупман эндюстриэль дез армеман террестр» (оружие для сухопутных войск), «Конструкторсьон механик де Норманди», «Томсон-КСФ», «Электроник Марсель Дассо» (электроника), «Сосьете насьональ де пудр эксплозив» (взрывчатые вещества).

Другая характерная черта ВПК Франции — наиболее высокий в Западной Европе уровень огосударствления военного производства. Так, на долю двух смешанных компаний авиакосмической промышленности (СНИАС и «Дассо») со значительной долей участия государственного капитала приходится 100 % выпуска военных самолетов. Велик удельный вес государственных и смешанных фирм в производстве обычных вооружений и военной электроники. В итоге проведенного в 1981 и 1982 гг. дополнительного огосударствления ряда военно-ориентированных фирм в связи с необходимостью модернизации доля таких государственных и смешанных компаний в производстве вооружения выросла с 58 до 75 % ¹⁵.

Еще одна особенность ВПК Франции — крупные масштабы экспорта вооружений. С начала 70-х годов Франция вышла на второе место в НАТО после США по продаже оружия. Особым спросом на международном рынке оружия пользуются французские вертолеты, истребители «Мираж», ракеты «Экзосэ» и военно-морские системы оружия. Государственные расходы на военные НИОКР и выпуск вооружений за 1977—1982 гг. более чем удвоились и уже в начале 80-х годов составили 46 % от общей суммы военного бюджета страны.

Великобритания — один из организаторов и активный участник НАТО — сохраняет с США «особые отношения», главным элементом которых является ядерное партнерство. Это позволяет ей занимать привилегированное положение среди западноевропейских союзников по блоку и закупать в Соединенных Штатах новейшие системы ракетно-ядерных вооружений.

В середине 80-х годов Великобритания имела, 64 пусковые установки ракет морского базирования «Поларис А-3» со 192 ядерными боеголовками и 331 самолет-носитель ядерного оружия. Общность политики

США и Великобритании проявляется по многим направлениям, в том числе в координации действий американских и английских атомных ракетных подводных лодок; в размещении в Великобритании различных систем ядерного оружия США. Нацеливание английских носителей ядерного оружия осуществляется центром НАТО по выбору целей, расположенным в американском городе Омаха. В 80-х годах правящие круги Великобритании поддерживали планы развертывания в Западной Европе американских ракет средней дальности. Однако в конце 1987 г. британское правительство как и правительства других западноевропейских стран одобрило советско-американский Договор по РСД — РМД.

ВПК Великобритании, сопоставимый по масштабам исследований и разработок военного профиля и производства оружия с ВПК Франции, опережает в этом отношении военно-промышленные комплексы ФРГ и других государств региона. На закупку вооружения, включая расходы на НИОКР, в 1984 г. было затрачено 46 % британского военного бюджета ¹⁶. Доля ассигнований на НИОКР военного характера в военном бюджете с 1970 по 1984 г. увеличилась с 10 до 12 %, а их удельный вес в общих расходах на науку достиг 30,1 % ¹⁷.

С выполнением военных заказов прямо или косвенно связано около 10 тыс. фирм. Главные подрядчики английских вооруженных сил в промышленности — «Бритиш аэроспейс», «Роллс-Ройс», «Рэкел Декка», «Маркони». Ключевые позиции в английском военном бизнесе занимают примерно полтора десятка фирм, на долю которых приходится $\frac{3}{4}$ общей стоимости военных заказов. В военной промышленности страны занято прямо и косвенно более 700 тыс. человек ¹⁸.

В 1971 г. была национализирована монополия по производству авиационных и ракетных двигателей «Роллс-Ройс». В 1977 г. остальные авиаракетные компании образовали государственную корпорацию «Бритиш аэроспейс», а все судостроительные компании были объединены в государственную корпорацию «Бритиш шипбилдерс». Консервативное правительство М. Тэтчер приступило в 80-е годы к денационализации значительной части военной промышленности, модернизированной за счет казны. Так, переданная в 1981 г. под контроль англо-американского частного капитала корпорация «Бритиш аэроспейс» производит почти все военные самолеты и более половины продукции управляемых ракет. Вертолетное производство в Англии полностью

контролирует одна частнокапиталистическая корпорация «Уэстленд геликоптерз», контрольный пакет акций с конца 1985 г. принадлежит американскому военно-промышленному концерну «Юнайтед технолоджиз». Подготавливается денационализация ряда военно-ориентированных компаний электронной и судостроительной промышленности.

За последнее десятилетие возросло научно-производственное сотрудничество английских компаний — поставщиков вооружения с компаниями Франции, ФРГ и частично Италии. На такие связи ориентировано большинство английских крупномасштабных программ производства неядерного вооружения, и особенно авиаракетной техники. В то же время спецификой ВПК Великобритании остается его заинтересованность в поддержании партнерства с США в сфере ядерного оружия (модернизация ядерных ракет «Полярис», соглашение о приобретении ракетной системы «Трайидент-2» для четырех подводных лодок нового поколения и поставке ядерных боеголовок и др.). В области обычного вооружения стимулируется приобретение новейшей американской военной технологии, оборудования и лицензий. Великобритания тратит около 10 % средств, ассигнуемых на производство и закупки вооружений, на приобретение импортной военной техники. Система «Трайидент-2» обойдется стране в 10 млрд ф. ст. (в ценах 1982—1983 гг.).

Для Великобритании 70-х и 80-х годов характерно усиление функций министерства обороны по контролю за НИОКР, производством и сбытом военной продукции. В Белой книге по обороне на 1982/83 г. указывалось, что планируется пересмотреть «традиционные отношения» между министерством обороны и промышленностью. Будут изучены совместные (с промышленными фирмами) методы финансирования производства вооружений.

Правительство «приветствует инициативу частной промышленности в производстве оружия для продажи вооруженным силам Англии и за границу»¹⁹. Главной целью государственной Организации по продаже военной техники и ее международной коммерческой службы является форсирование экспорта вооружений, на который в 1981 г. приходилось 2,5 % всего английского экспорта, 4,5 % общего вывоза готовых изделий. Официальные данные значительно занижают действительную стоимость экспорта вооружений, так как таможенная

классификация четко не разграничивает предметы гражданского и военного назначения.

ФРГ. ВПК этой страны вступил в фазу ускоренного развития и расширения влияния военных монополий после лондонских и парижских соглашений 1955 г., когда ФРГ официально получила право содержать вооруженные силы. В прошлом десятилетии ФРГ вышла на первое место в Европе среди ведущих стран НАТО по величине военных расходов. Ныне ФРГ отводится роль основной ударной силы НАТО в Западной Европе *.

Отличительной чертой ВПК ФРГ является преобладание частномонополистического сектора в военном производстве. Разработка и производство вооружений, как и в США, осуществляется главным образом частными компаниями и лишь в отдельных случаях смешанными государственно-частными фирмами. В выпуске военной продукции в той или иной степени участвуют 10 тыс. компаний, число занятых в военной промышленности ФРГ составило в 1985 г. 250 тыс. человек ²⁰.

Военно-промышленные монополии теснейшим образом связаны с военно-административной машиной, с государством. Это сращивание осуществляется прежде всего путем усиления сотрудничества западногерманских союзов предпринимателей с министерством обороны ФРГ, и прежде всего с Главным управлением министерства обороны по вопросам вооружений и Федеральным управлением военной экономики и техники. Ключевую роль в размещении военных заказов и в сращивании монополий и государства в рамках ВПК играет созданная в 1970 г. Рабочая группа по проблемам военной экономики, объединяющая представителей бундесвера, министерства обороны и 27 ведущих концернов — поставщиков военной продукции, получающих основную массу заказов.

В связи с активизацией участия ФРГ в военной деятельности НАТО, интенсивным обновлением и повышением качества вооружений и военной техники удельный вес военных расходов в федеральном бюджете в 70-е годы вырос с 16,4 до 22,1 %.

Господствующее положение в военном бизнесе ФРГ занимают крупнейшие военно-промышленные компании, к числу которых в авиаракетной промышленности

* На долю ФРГ приходится 60 % численности сухопутных войск НАТО в Центральной Европе, 50 % войск ПВО, 30 % боевых самолетов, около 70 % ВМС НАТО в Балтийском море и до 10 % всей морской авиации.

относятся концерны «Мессершмитт-Бёльков-Блом» (МББ) и «Дорнье». МББ специализируется на производстве ракетного оружия, боевых самолетов и вертолетов, планирует разработку нового боевого самолета, который должен будет заменить находящийся сейчас на вооружении ВВС многих стран НАТО самолет F-4. В сотрудничестве с французскими фирмами МББ начал разработку нового авиационного кассетного вооружения, а также нового противотанкового оружия. В число главных поставщиков военной продукции входят специализирующиеся на производстве танков фирмы «Красс-Маффей» и «Мак-Машиненбау». У первой из них оборот превысил в 1983 г. 2 млрд зап.-герм. марок за счет поставок бундесверу танков «Леопард-2». Компания «Моторен унд турбинен унион» (МТУ), 80 % продукции которой составляют двигатели и другая продукция военного назначения, увеличила в 1982 г. оборот до 1 млрд зап.-герм. марок. В группу крупнейших входят также «Рейнметалл» и «Индустриверке Карлсруэ-Аугсбург» (ИВКА) — артиллерийско-стрелковое вооружение; «Диль унд К⁰» — боеприпасы; «Динамит Нобель» — взрывчатые вещества, боеприпасы; АЭГ, «Сименс», «Стандарт электрик Лоренц» (СЭЛ) — радиоэлектроника, средства связи; «Блом унд Фосс» и «Ховальдтс — Дойче верфт» — кораблестроение и др.

Отличительной чертой деятельности западногерманского ВПК является самый значительный среди стран Западной Европы удельный вес совместного производства вооружений на основе межстрановой производственной кооперации. Половина всех расходов на приобретение боевой техники и $\frac{3}{5}$ затрат на военные НИОКР связаны в ФРГ с проектами, осуществляемыми в рамках кооперации, главным образом с европейскими членами НАТО. Таким путем ФРГ удавалось обходить различные ограничения в области производства вооружений, связанные с итогами второй мировой войны, и добиваться значительной экономии в расходах на военные исследования и разработки*.

Военно-промышленный комплекс ФРГ, продолжая сотрудничать с США в производстве вооружения и во-

* В 80-е годы ФРГ добилась отмены ограничений на военное производство. В 1980 г. Западноевропейский союз снял запрет на строительство в ФРГ военных кораблей и подводных лодок большого тоннажа. В июне 1984 г. Совет ЗЕС снял последние ограничения на производство в ФРГ систем тяжелого оружия, включая ракеты большой дальности и стратегические бомбардировщики.

енной техники, является наиболее активным поборником западноевропейского сотрудничества в сфере военного производства, стремясь путем кооперации в рамках ЕС играть в нем главенствующую роль, а также потеснить торговцев оружием из США. В 70—80-е годы ВПК ФРГ быстро наращивает экспорт вооружений, особенно боевых кораблей, поставляя их в 70—80 стран мира. По экспорту оружия ФРГ вышла в НАТО на четвертое место. Кроме того, в порядке военной помощи в рамках НАТО она поставила Турции, Португалии, Греции начиная с 1964 г. комплектные заводы по производству стрелкового оружия, взрывчатых веществ, запасных частей на сумму 2,3 млрд марок. Публикуются сообщения о том, что западногерманские монополии сотрудничают с так называемыми «нелегальными атомными державами», стремясь приобщиться к ядерным секретам и разработке ядерных вооружений.

Италия. В начале 80-х годов правящие круги Италии взяли курс на увеличение военных расходов, наращивание военного потенциала, ускоренную реализацию десятилетней программы (1975—1985) повышения боеспособности вооруженных сил, в первую очередь путем модернизации вооружений в соответствии с требованиями НАТО. После выхода Франции из военной организации НАТО Италия претендует на ключевые позиции на южном фланге этого блока.

подавляющая часть специализированных военно-промышленных предприятий Италии входит в государственный сектор экономики, прежде всего в объединения ИРИ и ЭФИМ. Подразделения военного производства действуют в смешанных компаниях «Ото-Мелара», «Ансальдо», «Бреда», «Капрони», «Пьяджо», «Сигме», «Сетел», «Аэрфер», а также в частных и смешанных монополиях — ФИАТ, «Монтэдисон», «Оливетти», «Пирелли», «Сниа-Вискоза», «Аугуста», «Макки», «Селения», «Кантьери навали дель Адриатико» и др.²¹ В военной промышленности занято около 100 тыс. рабочих. В военное производство страны в той или иной степени вовлечено более 5 тыс. компаний.

Военные предприятия Италии кооперируются с фирмами ФРГ, Франции, Великобритании. Однако их главными партнерами являются военно-промышленные корпорации США. В 30 крупномасштабных соглашениях о совместном производстве вооружений участвуют 10 итальянских и 11 американских компаний.

На иностранные заказы — и это важная особенность

деятельности ВПК Италии — приходится 60—65 % стоимости всей продукции военной промышленности и 4—5 % всего экспорта Италии (ввоз оружия составляет менее 1 % всего импорта). Среди стран НАТО Италия занимает пятое место по экспорту оружия.

Малые и средние страны Западной Европы. Применительно к этим странам правомерно говорить лишь о частичных проявлениях тенденции формирования военно-промышленных комплексов в условиях, когда активно действуют сдерживающие факторы, связанные не только с политической ролью этих стран, но и с отсутствием финансовых, научно-технических и производственных возможностей для массового выпуска вооружений и достаточно емкого рынка военной продукции. Развитие связей между монополиями и государством по военной линии не только происходит с меньшей масштабностью и отчетливостью, но и нередко имеет разрозненный характер, охватывая лишь отдельные элементы процесса, характерного для крупных капиталистических стран.

По степени развития военного производства среди малых западноевропейских государств на первом месте находится группа промышленно развитых малых стран — членов НАТО. При сравнительно небольшой доле военного производства в промышленности этих стран в целом оно сконцентрировано в новых перспективных отраслях. Военное производство сосредоточено в 2—3 крупных фирмах, составляя до 40 % их продукции. В Нидерландах — это фирмы «Фоккер», «Рейн-Схелде-Феролме», ДАФ; в Бельгии — «Коккериль-Самбр», «Фабрик насьональ эрсталь»; в Дании — «Диса», «Данск Грантверк»; в Норвегии — «Конгсберг вопенфабрик», «Рауфосс аммунишунс фабриккер», «Хортен верфт». С крупными компаниями связаны сотни субпоставщиков, изготавливающих отдельные узлы, детали и комплектующие изделия. Доля военной продукции в товарообороте этих фирм колеблется в пределах 5—15 %.

Данная группа стран специализируется на выпуске отдельных видов и компонентов боевой техники, поставляя их как для национальных вооруженных сил, так и для других стран, и не только членов НАТО. Для этих стран с относительно узким рынком вооружения экономически непосильно разворачивать производство большинства военных систем. Для реализации программ технического перевооружения национальных вооружен-

ных сил они вынуждены закупать большую часть военной техники за рубежом, прежде всего у своих союзников по НАТО.

В условиях непрерывного роста сложности и дороговизны современных систем оружия развитие милитаристских процессов в средних и малых странах Западной Европы происходит под воздействием таких факторов, как членство в НАТО и ее Еврогруппе, участие в региональной военно-промышленной интеграции и растущий спрос на оружие со стороны развивающихся стран.

Наглядным примером вовлечения малых стран в военно-промышленную интеграцию стало совместное производство по лицензии США истребителя-бомбардировщика F-16. Наряду с другими странами — членами НАТО в нем участвовали Бельгия, Нидерланды, Дания, Норвегия. Поставки по кооперационным соглашениям составили для Норвегии 40 %, а для Дании — 58 % общей стоимости закупленных ими самолетов. Военные ведомства малых стран стремятся компенсировать импорт вооружений получением из-за рубежа военных заказов для национальной промышленности.

В этой группе стран довольно отчетливо проявляются связи между крупнейшими компаниями, участвующими в военном производстве, и милитаристскими звеньями государственного аппарата. Помимо личной унии важнейшими каналами такой связи служат специальные государственные органы. Например, в Нидерландах действуют Совет по проблемам военной промышленности и контактная группа по вопросам НИОКР. Вместе с тем в малых странах региона большее, чем в других государствах НАТО, значение приобретают тесные взаимоотношения между правительством, армией и промышленностью не только по поводу выпуска военной продукции, но также в связи со строительством и обслуживанием военной инфраструктуры (военных баз, аэродромов, складов военной техники, снаряжения и т. п.).

Особую группу входящих в НАТО малых и средних стран Южной Европы составляют Греция, Португалия, а также Испания, вопрос о членстве которой в Североатлантическом блоке окончательно был решен 12 марта 1986 г. общенациональным референдумом. Особенности развития в этих странах элементов ВПК помимо членства в НАТО определяются еще двумя важными факторами — низким уровнем экономического развития и длительным пребыванием в недавнем прошлом у власти реакционных фашистских режимов (Испания и Порту-

галия) и военной хунты (Греция). В результате в этих странах верхушка армии более активно, чем в других странах региона, участвует в политической деятельности и принятии государственных решений. Доля прямых военных расходов в ВВП в Португалии выше, чем в других западноевропейских государствах — членах НАТО, а в Греции — больше, чем в малых промышленно развитых странах.

Военное производство находится в руках крупных компаний: в Испании — «Эмпреса насиональ Базан», «Конструксьонес аэронаутико» (КАСА), «Эмпреса насиональ Санта Барбара», «Эмпреса насиональ де аутокамьонес» (ЭНАСА); в Португалии — «Фабрика милитар ди Брасу де прата», «Офисинас эерайш де материал аэронаутику», «Лабораториу милитар де продуктуш кимикуш факрасеутикуш», «Амрейте»; в Греции — «Штейр-Зеллас», «Элленик аэроспейс индастри». Характерная особенность этих компаний — специализация на выпуске по иностранным лицензиям отдельных видов вооружений, частично экспортируемых в развивающиеся страны, в основном в Латинскую Америку и на Ближний Восток.

В военных программах южноевропейских стран предусматриваются расширение и диверсификация производства оружия и военной техники как на основе развития кооперации с крупными странами — членами НАТО, так и путем самостоятельного выпуска отдельных видов оружия на основе лицензий, опираясь на иностранную финансовую, технологическую и экономическую помощь.

Самостоятельную группу образуют нейтральные Австрия, Швеция и Швейцария. У этих стран — развитая военная промышленность и относительно невысокий удельный вес военных расходов в ВВП. Эти страны относятся к числу не только крупных производителей, но и экспортеров вооружений. Так, например, шведская военная промышленность обеспечивает 90 % потребности страны в вооружениях и боевой технике, в то же время Швеция входит в десятку стран — крупнейших экспортеров оружия.

В каждой из этих нейтральных стран есть компании, специализирующиеся на производстве военной продукции. Среди них шведский концерн «Бофорс», более половины продаж которого приходится на оружие и военную технику. Пушки этой фирмы находятся на вооружении в 34 странах, включая Чили и ЮАР. Концерн

поставляет Пентагону крупные партии артиллерийских орудий (в том числе для сил быстрого развертывания). Солидные военные заказы получают также концерны СААБ, «Вольво», ФФВ, «Л. М. Эрикссон»²².

Швейцарский концерн «Эрликон-Бюрле» считается одним из ведущих западноевропейских поставщиков оружия, главным образом для систем ПВО и ПТО. Примерно четверть вооружений, выпускаемых австрийским концерном «Штейер-Даймлер-Пух» (боевые машины пехоты «Кирасир», самоходные артиллерийские установки, бронетранспортеры, тягачи, винтовки «Штейер» и др.), идет на экспорт.

На рубеже 70-х и 80-х годов активизировалось вовлечение малых и средних (в том числе и нейтральных) стран Западной Европы в деятельность военно-промышленных комплексов крупных государств посредством производственной кооперации.

3. Взаимодействие ВПК западноевропейских стран

Образование в Западной Европе регионального империалистического центра, который по многим показателям сопоставим с США, не могло не привести к увеличению удельного веса и роли военно-промышленных комплексов стран западноевропейского региона в военных приготовлениях НАТО.

Тенденция возрастания значения западноевропейского «центра силы» имеет противоречивый характер. С одной стороны, она ведет к наращиванию совокупных военных и военно-экономических возможностей империализма, отражающему его стремление изменить соотношение сил в мире на глобальном и региональном уровне. С другой стороны, рост экономической и военной мощи западноевропейского региона НАТО в условиях проявляющихся разногласий между США и их партнерами по блоку в Западной Европе по ряду важных военно-политических проблем может способствовать нарастанию противоречий внутри блока, обострению межимпериалистического соперничества.

В рамках НАТО США сохраняют ключевые военно-политические позиции. Они по-прежнему обладают мощным военно-экономическим потенциалом, намного превосходят своих западноевропейских партнеров по блоку в области использования науки и техники в военных целях, в разработке и накоплении ядерного

оружия. Остается значительной зависимостью западноевропейской военной промышленности от США как по технологии производства и компонентам вооружений (особенно в области электроники), так и по поставкам наиболее важной боевой техники. На начало 80-х годов армиям западноевропейских стран по линии НАТО шло 20—25 % от общей стоимости американского экспорта вооружений, а удельный вес оружия США в вооруженных силах государств региона (кроме Франции) колеблется от 10 % (Великобритания) до 50 % (малые страны). Особое значение в правящих кругах Западной Европы придается «ядерным гарантиям» США, где сосредоточено около 90—95 % ядерного потенциала капиталистического мира.

Вместе с тем происходит процесс активизации участия стран Западной Европы в военной деятельности НАТО. Если в 50—60-е годы на долю стран региона приходилось 20—25 % военных расходов блока, то в 1982—1985 гг. эти расходы возросли, составив 42 % военных расходов НАТО. В 1985 г. из 95 млрд долл. (в постоянных ценах 1980 г.), израсходованных странами Еврогруппы на военные цели, 21,9 млрд долл. (более 23 %) были затрачены на разработку и приобретение вооружения новейших образцов. Как под давлением США, так и с целью уменьшить свою зависимость от них в этой области западноевропейские страны НАТО увеличивают размеры ассигнований на военные НИОКР.

Вывод о том, что Западная Европа с каждым годом превращается во все более сильного в военном отношении союзника США по НАТО, подтверждается и другими данными. Вклад стран Западной Европы в НАТО составляет по численности: 90 % сухопутных войск, 90 % танков, 80 % ВВС и 70 % военных кораблей НАТО в Европе²³. В 80-е годы ею введено в строй большое количество боевой техники новейших образцов для всех родов войск. Великобритания и Франция обладают собственными значительными и возрастающими арсеналами ядерных вооружений.

Растущий военный потенциал западноевропейского региона позволяет Соединенным Штатам выделять больше сил и средств для осуществления в других районах земного шара своей глобальной имперской стратегии. Поэтому неудивительно, что при первых же попытках стран Западной Европы несколько уменьшить в конце 70-х годов темпы прироста своего финансового вклада в общий «котел» военных приготовлений Североатлан-

тического блока Вашингтон выступил с требованием, закрепленным в документах НАТО, увеличивать прямые военные расходы в реальном выражении не менее чем на 3 % в год.

Во второй половине 70-х годов произошел большой качественный скачок в развитии военной промышленности стран Западной Европы. Она подверглась коренной структурной перестройке, модернизации, жесткой капиталистической рационализации. Заметно повысился уровень милитаризации основных военно-ориентированных отраслей промышленности. В результате значительно укрепились позиции военно-промышленных монополий, составляющих экономическую основу западноевропейских военно-промышленных комплексов, возросла роль последних в качестве движущей силы гонки вооружений, инициаторов и исполнителей агрессивной политики НАТО.

В 80-е годы значительно интенсифицировался процесс военно-экономической интеграции в западноевропейском «центре силы» империализма. Это процесс растущего взаимодействия национальных военно-промышленных комплексов, позволяющий обеспечить ускоренную совместную разработку, крупносерийное производство и сбыт новейших систем вооружения и военной техники, их взаимозаменяемость и стандартизацию.

Развитие региональной военно-экономической интеграции в Западной Европе облегчается существованием регионального экономического комплекса в лице Европейского сообщества. Достигнутое в рамках ЕС сближение национальных и создание ряда региональных государственно-монополистических структур, а также опыт их функционирования являются известными предпосылками к постепенному переходу от национального к межгосударственному программированию и управлению военно-экономическими процессами.

Военно-экономическая интеграция в Западной Европе, отражая растущую интернационализацию военного хозяйства капиталистических стран, является целенаправленно регулируемым процессом, протекающим на государственном и частнокапиталистическом уровнях. Она характеризуется: высокой степенью концентрации и монополизации военного производства; быстрым расширением международной военно-промышленной кооперации, обеспечивающей рост масштабов производства и сбыта вооружений и военной техники, повышение

прибылей и конкурентоспособности выпускаемой продукции; высокой долей экспорта вооружений за пределы региона.

Институциональным военно-политическим фактором, формирующим эти процессы, стала Европейская группа НАТО (ЕГ), являющаяся ядром западноевропейской интеграции. Созданная по инициативе Великобритании в 1969 г., она имеет свою штабную группу и секретариат, функции которого выполняет британское представительство в НАТО. В ЕГ вошли 11 стран — членов НАТО (Великобритания, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Дания, Греция, Португалия и Турция). Как постоянный орган со своими задачами и специфической сферой деятельности, Еврогруппа окончательно сформировалась в 70-е годы. В ее рамках осуществляются функции планирования, оказывающие решающее влияние на развитие военного производства и военного дела входящих в ее состав государств²⁵.

Еврогруппа регулярно собирается перед каждым совещанием министров — членов Комитета военного планирования НАТО, рабочие документы для нее готовит штабная группа ЕГ. Деятельность Еврогруппы протекает на трех уровнях: первый — заседания министров обороны стран ЕГ; второй — встречи их постоянных представителей. На этих двух уровнях проводятся консультации, разрабатываются меры координации и принимаются согласованные решения в области внешней политики. Третий уровень — это работа в специальных рабочих группах, составляющих организационную основу ЕГ. Они занимаются теми вопросами военно-экономической интеграции и делами вооруженных сил, которые относятся к компетенции самих западноевропейских государств, а не Совета НАТО. В число таких рабочих групп входят:

- «Евростракчер» — группа по постепенному выравниванию оборонных структур вооруженных сил с конечной целью их унификации;

- «Евротренинг» — группа по совместному обучению вооруженных сил стран — членов Еврогруппы;

- «Евролог» — группа по обучению и сотрудничеству тыловых служб;

- «Евроком» — группа связи на поле боя;

- «Евромед» — рабочая группа по сотрудничеству санитарных служб.

В 1972 г. к этим пяти добавились еще две рабочие

группы, играющие наиболее важную роль. «Евронад» выполняет задачу по руководству вооружением стран западноевропейского крыла НАТО. Это группа западноевропейских директоров по вооружению. Под председательством представителя Нидерландов она работает в рамках группы директоров по вооружению НАТО и фактически выполняет многие функции последней, включая руководство ее подгруппами (кроме подгрупп по ядерному и химическому оружию, а теперь и по космическим вооружениям). Целью рабочей группы «Лонгтерм» является улучшение взаимодействия вооруженных сил и обеспечение эффективного сотрудничества стран ЕГ в области вооружений на среднесрочной основе.

Такая структура рабочих органов ЕГ, хотя они и встроены в систему исполнительных органов НАТО, придает известные элементы самостоятельности Еврогруппе. Главное все же в том, что наличие ЕГ облегчает американскому империализму с его лидирующими позициями в НАТО перекладывание растущей доли милитаристского бремени на младших партнеров по блоку.

Вместе с тем проводимый в НАТО курс на тесное сотрудничество всех рабочих групп ЕГ с соответствующими органами блока и американскими представителями в них, особенно в области вооружений, судя по всему, устраивает на современном этапе правящие круги стран — участниц ЕГ, их военно-промышленные комплексы, ориентирующиеся на модернизацию военной машины этих стран с американской помощью при объединении западноевропейских усилий. Деятельность Еврогруппы имеет особо важное значение для развития процессов военной и военно-экономической интеграции в этом регионе. ФРГ и Великобритания не только сотрудничают в реализации конкретных интеграционных проектов, но и соперничают в попытках выйти на руководящую роль в ЕГ.

Образование ЕГ усилило развитие милитаристских процессов в Западной Европе, но вместе с тем создало новое поле расхождения интересов между Западной Европой и США. Если США хотят видеть в ЕГ лишь отвечающий их целям инструмент наращивания общей военной мощи Североатлантического блока, то сами участники Еврогруппы стремятся также ликвидировать с ее помощью военно-техническое отставание от США и обеспечить западноевропейскому «центру силы» самостоятельно развивающуюся и достаточно мощную военно-промыш-

ленную базу. Развитие в этом направлении, хотя оно и связано с попытками ослабить зависимость Западной Европы от США, влечет за собой усиление — и в крупных масштабах — западноевропейского «вклада» в гонку вооружений, раскручиваемую НАТО, а значит, увеличение угрозы делу мира и безопасности на континенте и за его пределами.

Наряду с задачами увеличения выпуска наиболее современных систем оружия, его унификации и стандартизации целью Еврогруппы является сбалансирование торговли оружием с Соединенными Штатами, складывающейся пока с дефицитом для западноевропейского региона. Так, в 1984 г. западноевропейские страны НАТО импортировали из США в среднем в 3,2 раза больше (по стоимости) вооружения, чем экспортировали в США *.

Поскольку решение этих задач без участия Франции (вышедшей в 1966 г. из военной организации НАТО) затруднительно, была специально создана в 1975 г. Независимая европейская группа программирования (НЕГП), которая стала как бы неформальным расширенным вариантом Еврогруппы НАТО, главным западноевропейским форумом для развития сотрудничества и соперничества с США в сфере военной техники.

Создание НЕГП стало результатом компромисса между сторонниками двух соперничающих направлений в НАТО: «атлантического» (Великобритания и ФРГ) и «евроцентристского» (Франция), делающего ставку на Западноевропейский союз в составе Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и ориентирующегося на обеспечение для стран этого объединения общей военно-экономической, в первую очередь военно-промышленной, базы. «Евроцентристы», мечтающие о преобразовании ЕС в военно-политический блок и предлагающие создать в его рамках Европейское агентство по вооружениям, рассматривают НЕГП как прообраз этого агентства и связующее звено с Еврогруппой и Европейским сообществом.

Образование в Западной Европе в 70-е годы и развитие в 80-е годы мощного центра международного военно-промышленного сотрудничества, соперничающего с

* Противоречия такого рода нашли отражение, в частности, в коммюнике декабрьской сессии Совета НАТО в 1982 г., на которой ее члены настаивали на «достижении разумной сбалансированности в двустороннем потоке оборонных материалов через Атлантику» (Survey of Current Affairs. 1983. I. P. 22).

США в области исследований, разработки и выпуска современных систем оружия, происходит на новой научно-технической и производственной базе. Данная база и соответствующая ей технология начала создаваться в конце 50-х — 60-х годах, в период совместного выпуска странами региона готовых образцов американского вооружения. Это был вместе с тем период накопления опыта выполнения совместных межгосударственных программ и расширения межфирменных связей на региональном уровне.

К началу 80-х годов в рамках Еврогруппы НАТО только в авиаракетно-космической промышленности (по неполным данным) было реализовано или осуществлялось свыше 50 крупных межстрановых проектов под руководством или при участии военно-промышленных компаний Англии, Франции, ФРГ, Италии, Бельгии и ряда других западноевропейских стран, в том числе 23 проекта в партнерстве с США²⁶. Только английские фирмы участвуют в 13 программах строительства самолетов и вертолетов во Франции. Французские фирмы «Дассо-Бреге» и СНИАС осуществляют совместные программы с компаниями Великобритании, ФРГ, Италии, Испании, Нидерландов, Бельгии, Швеции и Швейцарии. Франция участвует в разработке нового танка и противотанковых вертолетов (совместно с ФРГ), самолетов АСТ-92 (совместно с Великобританией) и ряда других видов вооружения. Кроме того, в настоящее время в военно-промышленных кругах региона обсуждается и готовится при активном участии европейской группы программирования свыше десятка совместных проектов по созданию противотанковых ракет нового поколения, противокорабельных управляемых ракет, зенитных ракетных комплексов, вертолетов, боевых самолетов, танков, самоходных орудий и других видов боевой техники.

В 70-х — начале 80-х годов широкое распространение получили многонациональные военно-промышленные консорциумы, выступающие как наиболее действенная форма военно-экономической интеграции Западной Европы, характерная именно для этого региона. В таких консорциумах представлены и переплетены государственные и частномонополистические интересы. Эти объединения базируются на межправительственных соглашениях, финансируются в основном за счет госбюджетов и управляются координирующими центрами с участием представителей соответствующих правительств.

В отличие от прежней практики такие консорциумы создаются не на разовой, а на долговременной, непрерывно возобновляемой основе, и не для производства вооружений по лицензиям США, как это было в первое послевоенное двадцатилетие, а в целях разработки и реализации крупных самостоятельных проектов, непосильных в финансовом или технологическом отношении для отдельных стран.

Наибольшее распространение такие объединения получили в ведущей по научно-техническому уровню авиаракетной промышленности. Во второй половине 70-х годов доля совместно произведенной военной продукции в этой отрасли колебалась от 40 до 60 %, а по тактическим ракетным системам (совместное франко-западногерманское производство) она была в начале 80-х годов еще выше. Типичным примером является совместная компания «Панавиа» (Великобритания, ФРГ, Италия), участвующая в создании многоцелевого самолета «Торнадо» (предусмотрено построить 800 таких самолетов на общую сумму 12—16 млрд долл.).

Среди других многочисленных программ следует отметить производство легких штурмовиков «Альфа джет», разработанных Францией в сотрудничестве с ФРГ в рамках созданной ими совместной компании «Сосьете Альфа джет», самолета тактической поддержки «Ягуар» (Великобритания, Франция), противотанковых ракет «Милан» и «Хот» (Франция, ФРГ) и др.

Усиленно развиваются совместные разработка и производство современных ракетных систем в рамках западноевропейского консорциума «Евромиссиль» в составе 5 фирм: СНИАС и «Томсон-КСФ» (Франция), МББ и АЭГ (ФРГ) и ИТКА (Бельгия). Кроме того, в период 1970—1980 гг. в Западной Европе было образовано еще 4 консорциума по ракетным вооружениям и 5 консорциумов в области космической техники.

Удельный вес интегрированного производства увеличивается при создании других вооружений и военной техники (системы оружия для сухопутных войск, системы связи, радиоэлектроника, боеприпасы). В наименьшей мере интегрированными остаются судостроение и танкостроение, но и в этой области развиваются совместные проекты.

На рубеже 70-х и 80-х годов сформированы и первые совместные компании, специализирующиеся на сбыте космической техники. Например, фирма «Сатком интернэшнл» была создана в 1981 г. на паритетных началах

компаниями «Матра» (Франция) и «Бритиш аэроспейс» (Великобритания) для совместной продажи или сдачи в аренду искусственных спутников связи. Одновременно совместная компания для сбыта спутников в военных целях была организована фирмами «Бритиш аэроспейс» и «Комсат дженерал» (США). В 1979 г. по инициативе Франции, которая взяла на себя 52,5 % всех капиталовложений, и ФРГ (19,6 %) была создана фирма «Арианэспас» для серийного производства и сбыта ракеты-носителя «Ариан». Всего в реализации этой программы участвуют 36 фирм и 11 банков 11 западноевропейских государств.

Произведенная продукция распределяется обычно пропорционально паевому участию членов консорциума. Для того чтобы сделать доступным приобретение дорогих и сложных систем оружия даже для малых стран, применяются расчеты, при которых в зачет платежей допускаются встречные поставки высококачественной военной продукции.

Наибольшую активность в совместном производстве вооружения и военной техники проявляют военно-промышленные комплексы ФРГ, Франции и Великобритании, на долю которых приходится в общей сложности 75—80 % всей военной продукции региона. Удельный вес совместной военной продукции в общем объеме вооружений стран Западной Европы, достигавший 7 % в середине 70-х годов, по подсчетам советского исследователя В. Макаревского, вырос в начале 80-х годов в 6 странах — членах НАТО (Франция, Великобритания, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды) до 12—15 % и продолжает расти.

Вместе с тем развитие совместного производства вооружений имеет свои границы. Оно возникает в тех случаях, когда имеются объективные условия, соответствующие ресурсам и обеспечивается соблюдение принципа «затраты — эффективность», т. е. когда дополнительные издержки и совокупные выгоды от межстрановой кооперации для ее участников взаимно балансируются*.

К тому же совместное производство далеко не свободно от влияния межимпериалистических противоре-

* Например, по данным французских экономистов (1980 г.), совместный выпуск отдельных видов вооружения вследствие высоких накладных расходов (дополнительные транспортные, складские, управленческие и другие издержки) обходится на 50—60 % дороже, чем их разработка и производство внутри страны (Contrepoint (Paris). 1980. N 33. P. 26).

чий. Так, Англия обеспокоена опережающими темпами развития военной промышленности Франции и быстрым наращиванием военно-экономического потенциала ФРГ. Для Франции нежелательно расширение сотрудничества ФРГ и США в области военных НИОКР и совместного производства вооружения, сближение военных монополий ФРГ и Англии. Кроме того, каждая из названных стран претендует на руководящую роль и наибольшую долю заказов в совместных проектах, имея в виду извлечь для себя дополнительные выгоды от экспорта производимых систем оружия.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть растущую роль экспорта оружия западноевропейскими странами, все большее увеличение на международных рынках спроса на новейшую военную продукцию совместного, межстранового производства. Идущая на экспорт доля производимого оружия возросла (в %): во Франции — с 25 в 1973 г. до 50 в 1984 г., в Великобритании — соответственно с 25 до 42, в ФРГ — с 14 до 20. В результате суммарный экспорт вооружения только четырьмя (включая Италию) основными странами региона достиг в 1985 г. 40 % от экспорта США. Среднегодовые темпы прироста экспорта и импорта оружия у этих четырех стран за сравниваемый период выше, чем в среднем по блоку. Особенно велика роль западноевропейских государств в поставках оружия в развивающиеся страны: в 1981—1985 гг. доля этих государств в общем экспорте оружия стран НАТО в «третий мир» составила свыше 57 % ²⁷.

В 70-е и особенно в 80-е годы на расширение экспорта военной продукции помимо традиционных политических интересов всевозрастающее влияние оказывали экономические факторы. Это стремление западноевропейских стран улучшить свои платежные балансы, получить за оружие нефть и сырье, достичь экономии на издержках в связи с ростом масштабов военного производства и в конечном счете повысить конкурентоспособность и прибыли корпораций-поставщиков *.

Борьба за рынки сбыта оружия уже стала существенным фактором обострения международной напряженности, особенно в зоне развивающихся стран, где

* Так, приток валюты во Францию в результате экспорта оружия во второй половине прошлого десятилетия составлял ежегодно в среднем 25 млрд фр., покрывая около половины расходов страны на закупки нефти (*Laulan G. L'armee française L'oree des annees 80//Contrepoint. 1980. N 33. P. 27*).

страны НЕГП реализуют до 70 % своего экспорта военной продукции. Вместе с тем такие поставки оружия сопровождаются усилением межимпериалистических противоречий. Так, вопреки решительным протестам Великобритании уже после англо-аргентинской войны из-за Фолклендских (Мальвинских) островов Франция продолжает поставлять Аргентине противокорабельные ракеты «Экзосэ» совместного франко-западногерманского производства, успешно зарекомендовавшие себя в боевых действиях против английских ВМС во время этой войны.

Особого внимания заслуживает обострение в связи с экспортом оружия и военной техники противоречий между западноевропейскими странами НАТО и их за-океанским партнером. Длительная конкурентная борьба между военно-промышленными комплексами Франции и США за заказы на поставку Бельгии крупной партии военных самолетов закончилась победой США. Эти противоречия внутри НАТО имеют и другие аспекты. С одной стороны, военно-экономические выгоды от экспорта оружия более важны странам Западной Европы, чем США, из-за меньшего объема внутреннего военного потребления, сравнительной ограниченности валютно-финансовых, сырьевых и прочих ресурсов. С другой стороны, — будучи заинтересованными в получении новейшей американской военной техники, страны НЕГП в целом до 40 % своего импорта оружия (в том числе Великобритания, Франция — свыше 90 %) получают из США ²⁸.

За последнее десятилетие региону в целом не удалось изменить соотношение между импортом оружия из США и продаж им западноевропейского вооружения. Неудивительно, что продажа вооружений странам Западной Европы во все большей степени координируется и регулируется на региональном уровне при активном участии Еврогруппы НАТО и НЕГП.

4. Тенденции формирования западноевропейского регионального ВПК

В начале 80-х годов совокупная доля стран Западной Европы в финансировании военных расходов и в выпуске обычных вооружений блока НАТО, равно как и в империалистическом экспорте оружия, приблизилась к $\frac{4}{5}$ от соответствующих показателей США. Военно-промышленные комплексы западноевропейских

стран — членов НАТО заметно активизировали свою деятельность не только на национальном, но и региональном уровнях. Ускорили развитие военно-интеграционных процессов, что, однако, не могло не привести к обострению внутривблоковых противоречий.

Реализация военно-экономических программ ЕГ и НЕГП до конца текущего столетия повлекла бы за собой развитие следующих тенденций в деятельности ВПК основных стран региона:

- дальнейшее стимулирование государством диверсификации, концентрации и централизации военного производства и капитала, увеличение финансирования военно-промышленных компаний;

- увеличение доли военного производства в ряде ключевых отраслей, в первую очередь в электротехнической и электронной промышленности и приборостроении;

- усиление сращивания государства с монополиями военно-ориентированных отраслей, главным образом путем образования новых смешанных государственно-частных концернов под контролем финансового капитала (в ФРГ — при ограниченном акционерном участии государственного капитала);

- повышение в 80-е годы среднегодовых темпов прироста реальных военных расходов *;

- рост производства обычных вооружений путем внедрения новой технологии в связи с планом, выдвинутым в декабре 1982 г. на сессии Комитета военного планирования НАТО в Брюсселе главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генералом Роджерсом. Этот план, предусматривающий форсированное наращивание неядерных вооруженных сил блока при ежегодном увеличении военных расходов в реальном выражении на 3—4 %, был принят западноевропейскими странами — участницами НАТО;

- дальнейшее повышение роли ВПК в экономике и политике западноевропейских стран, усиление таких рычагов влияния ВПК, как лоббизм, использование средств массовой информации, личная уния военных, банкиров и промышленников и др.

Учет возможностей развития этих процессов важен

* Годовой темп прироста военных расходов в 1985 г. по сравнению с 1984 г. возрос по НАТО в целом с 3,1 до 6,3 % (в основном за счет США с 1,1 до 9,0), по западноевропейским странам НАТО — с 0,4 до 2,0 %, по прочим странам Западной Европы — с 1,3 до 2,3 % и продолжает расти (SIPRI Yearbook 1986. P. 212, 232).

с точки зрения оценки масштабов и перспектив растущего взаимодействия национальных военно-промышленных комплексов Западной Европы.

В свое время советские исследователи М. Сладкевич и В. Макаревский высказали предположение о том, что «образовался своего рода западноевропейский военно-промышленный комплекс, охватывающий широкую область военно-экономических связей, межгосударственного оборота лицензий и технической документации для производства обычных вооружений, военных услуг, инженерно-конструкторских работ военного назначения»²⁹. Как нам представляется, вопрос нельзя сводить к обмену документацией или услугами, процесс формирования регионального ВПК значительно сложнее, и правильнее говорить о его продолжающемся развитии, а не завершении. В основе такой тенденции — дальнейшая интернационализация военного производства и капитала, вложенного в военную промышленность, в основном с помощью государственно-монополистических методов. На развитие этой тенденции существенное воздействие оказывают Еврогруппа НАТО и Независимая европейская группа программирования с их обширными средне- и долгосрочными программами производства вооружений.

Процесс формирования регионального ВПК в Западной Европе при всей его многоплановости и противоречивости имеет реальные проявления, характеризующаясь определенными особенностями, которые не могут не влиять на ход и перспективы развития в этом направлении. В конкретном плане речь идет о следующем.

Во-первых, в регионе достаточно глубокое и широкое развитие получила военно-экономическая интеграция, выросшая на основе уже сложившейся общеэкономической интеграции в рамках ЕЭС. Интеграционные процессы, как было отмечено, получили наибольшее развитие в производстве новейших видов и систем вооружения и военной техники. Сложилось сплоченное ядро сотрудничающих на государственно-монополистических началах военно-промышленных концернов главных стран региона — Франции, Великобритании, ФРГ, Италии, выпускающих свыше 80 % всей военной продукции западноевропейского крыла НАТО. В это ядро входят сформировавшиеся и продолжающие развиваться крупные межстрановые государственно-монополистические объединения, приближающиеся по всей совокупной военно-производственной мощи к крупнейшим американ-

ским концернам, способные разрабатывать и выпускать крупными сериями новые сложные и дорогостоящие системы оружия, которые успешно конкурируют с военной продукцией США на мировом капиталистическом рынке.

Во-вторых, существуют и все более активно функционируют такие широко разветвленные межгосударственные надстроечные организации, как уже упоминавшиеся ЕГ и НЕГП, которые в возрастающей степени берут на себя роль регионального координационного и регулирующего центра в сфере военных НИОКР и производства вооружений, а также оказывают влияние на торговлю оружием.

В-третьих, создается своего рода идейный фундамент формирующегося регионального ВПК в виде ряда военно-политических концепций «евроцентристского» плана, провозглашающих необходимость «единого европейского политического и военно-политического пространства», подобно тому как раньше говорилось о «пространстве экономическом». Вынашиваются, в частности, планы превращения ЕС в военно-политическую группировку (так называемый Европейский союз) и создания в нем специального координирующего органа на уровне министерства обороны стран — участниц ЕС.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что процесс формирования западноевропейского регионального ВПК, начавшийся в 70-е годы, не только не завершен, но и не протекает гладко, сталкивается с противодействующими факторами. «Впервые, — как отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, — в правительствах ряда западноевропейских стран, в социал-демократических и либеральных партиях, среди широкой общественности вслух дискутируют: а совпадает ли нынешняя американская политика с представлениями Западной Европы о собственной безопасности, не слишком ли далеко заходят США в своих претензиях на «лидерство»?»³⁰ Эти дискуссии развертываются в условиях, когда империалистические державы западноевропейского «центра силы», при сохраняющейся их военно-политической и военно-технической зависимости от Соединенных Штатов, стремятся к тому, чтобы привести свое совокупное военное производство в соответствие с возросшей экономической мощью Западной Европы. Активно расширяя военно-промышленную интеграцию в региональном масштабе, они хотят добиться сбалансирования встречной торговли оружием с США, повысить

свой вес при решении международных военно-политических вопросов, обрести относительную независимость в военно-экономическом отношении.

Важна, однако, и другая сторона дела. В конце 70-х — начале 80-х годов вслед за Соединенными Штатами их основные западноевропейские партнеры по НАТО совершили, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, крутой поворот «от разрядки к военно-силовой политике»³¹. Во многом вследствие этого на том этапе возобладала, оказывая тормозящее влияние на формирование и функционирование в какой-то степени самостоятельной роли западноевропейского регионального ВПК, тенденция к сохранению единства в военно-политической области между США и их главными партнерами в Западной Европе. В основе этой тенденции лежала борьба империалистических сил против социалистического содружества, мирового коммунистического и национально-освободительного движения, общая заинтересованность этих сил в реализации программ вооружения и перевооружения НАТО.

Действие этой тенденции к консолидации усилий основных капиталистических стран в военно-политической и военно-экономической областях сохраняется и в настоящее время, но при этом остается и может усиливаться стремление западноевропейских стран к большей самостоятельности на основе активного регионального взаимодействия.

Вопрос о перспективах развития тенденции формирования регионального ВПК в Западной Европе подлежит дальнейшему исследованию. Многое здесь будет зависеть от общих изменений в международной обстановке, от соотношения центробежных и центростремительных сил в блоке НАТО в целом. По всем признакам США и западноевропейские страны — члены Североатлантического союза еще надолго останутся конкурирующими партнерами. Значительное влияние несомненно окажет динамика интеграционных процессов в регионе в экономической, политической, военной, научно-технической и других сферах.

События 80-х годов выявили, таким образом, особо важную роль политических факторов, их определяющее влияние на дальнейшее развитие тенденции формирования западноевропейского ВПК.

С этой точки зрения показательное отношение стран региона к американской программе «звездных войн». В ответ на официальный призыв США, обращенный

к западноевропейским партнерам, участвовать на государственном уровне в реализации программы «звездных войн» Франция, Дания, Норвегия, Греция и ряд других стран ответили отказом. Однако французское правительство разрешило фирмам выполнять заказы по СОИ. Иной оказалась позиция Великобритании, ФРГ и Италии. Правительство Великобритании первым в декабре 1986 г. подписало соглашение об англо-американском сотрудничестве в исследовательской части программы СОИ по 18 проектам. Для координации деятельности промышленных фирм, университетов и научно-исследовательских учреждений в рамках СОИ в министерстве обороны страны создан специальный отдел. В начале 1986 г. соучастником Вашингтона в милитаризации космоса стало правительство Италии. В марте 1986 г. под откровенным нажимом США итальянское правительство официально поставило научные учреждения и промышленный потенциал своей страны на службу американским планам превращения космоса в арену военных приготовлений. Это решение было принято вопреки настроениям общественности страны.

Что касается ФРГ, то министр обороны этой страны М. Вернер познакомил в декабре 1985 г. своих коллег по Комитету военного планирования НАТО с вызревшей в Бонне идеей так называемой «европейской оборонной инициативы» (ЕОИ), скопированной по названию и по существу с американской программы «звездных войн». Военно-промышленный комплекс ФРГ предлагает создать в Западной Европе параллельно с ее участием в программе СОИ свои региональные системы оружия для поражения ракет, спутников и самолетов с использованием боевых лазерных установок, электромагнитных пушек и других технических средств, уже разрабатываемых по программе СОИ. Как сообщал западногерманский журнал «Шпигель», тогдашний главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Западной Европе американский генерал Б. Роджерс «весьма высоко отзывается о «плане Вернера». Он «считает такую систему вполне реальной при условии, что европейцы объединят свои возможности и состыкуют соответствующие работы с американской программой СОИ».

В странах западноевропейского крыла НАТО усиливается борьба между сторонниками американской «стратегической оборонной инициативы» и ее противниками, справедливо считающими, что ее реализация грозит дестабилизацией международной обстановки, ведет к

милитаризации не только космоса, но и политики, экономики и науки на Земле, к усилению зависимости западноевропейских стран — членов НАТО от их американского патрона и к укреплению его позиций на мировом капиталистическом рынке. В силу этих причин в Западной Европе растет оппозиция программе «звездных войн», усиливаются настроения и выступления в пользу возрождения разрядки, укрепления мира и безопасности на континенте.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВПК В ЯПОНИИ

По сравнению с другими капиталистическими странами процесс формирования ВПК в Японии носит более сложный и противоречивый характер. Он во многом определяется спецификой политических и экономических условий, сложившихся в результате поражения японского милитаризма во второй мировой войне и до сих пор, спустя более 40 лет, продолжающих оказывать заметное влияние на политику правящих кругов страны.

В Японии сложились во многом нетрадиционные для правящих кругов буржуазного государства взгляды на роль военной силы в обеспечении национальных интересов и связанная с этим своеобразная линия в области соотношения военных расходов и экономического роста, известная в японской и западной литературе как «экономизм», «приоритетность экономического развития».

Эти особенности неизбежно должны были оказать и оказали влияние на формирование отдельных элементов ВПК, характер и формы их взаимосвязей, степень зрелости, масштабы и механизм воздействия на экономику и политику страны.

1. Политические и экономические условия становления ВПК

Поражение Японии во второй мировой войне привело к крушению ее колониальной империи, утрате зарубежных рынков и источников сырья, распаду внешнеэкономических связей, дезорганизации хозяйственной жизни в стране, резкому обострению социально-экономических проблем и небывалому росту борьбы японских трудящихся. Ее армия и флот были демобилизованы, генеральный штаб, военное и военно-морское министерства, другие военные учреждения и организации ликвидированы. Одновременно с этим были распущены финансово-монополистические группировки («дзайбацу»), которые играли господствующую роль в экономике и бы-

ли тесно связаны с военным производством. В октябре 1945 г. было полностью запрещено производство оружия, боеприпасов, военных кораблей и авиационной техники.

Крах японского милитаризма вызвал глубокие сдвиги в массовом сознании японцев. Широкое распространение в стране получили антивоенные настроения, которые стали серьезным фактором, оказывающим влияние на формирование послевоенной политики Японии. В текст новой конституции, вступившей в силу в мае 1947 г., была включена специальная, 9-я статья, в которой говорилось: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны»¹.

Вместе с тем уже с конца 40-х годов, в соответствии с установками «холодной войны», определилась и противоположная, ставшая впоследствии доминирующей, тенденция к превращению Японии в военно-политического союзника Соединенных Штатов. Еще до официального заключения союза американские власти выступили инициатором возрождения национальных вооруженных сил Японии под видом полиции. В соответствии с директивой штаба оккупационных войск от 8 июля 1950 г. японское правительство 10 августа 1950 г. издало указ о создании 75-тысячного «резервного полицейского корпуса», ставшего основой будущих вооруженных сил. В ходе переговоров о заключении «договора безопасности» в январе 1951 г. специальный представитель американского правительства Дж. Даллес настаивал на создании 350-тысячной армии, принятии Японией основной ответственности за собственную оборону и ее участия в обеспечении региональной «безопасности» в качестве условия заключения двустороннего военного союза с США².

В период корейской войны японские компании стали привлекаться оккупационными властями для выполнения заказов американских вооруженных сил. Проявляя заинтересованность в использовании Японии как материально-технической базы агрессии, Соединенные Шта-

ты взяли курс на укрепление ее военной экономики. Были освобождены из-под ареста многие промышленные предприятия, первоначально отобранные для ликвидации или передачи в качестве военных репараций союзным державам. Выполнение американских «спецзаказов», в ходе которых происходили расконсервация, восстановление и реконструкция японской промышленности, обусловило, таким образом, появление военного производства и отраслей, составляющих основу современного военно-промышленного потенциала Японии.

Наличие этих двух противоположных тенденций послужило отправной точкой для выработки всей послевоенной экономической и политической стратегии правящих кругов Японии. В результате был выбран курс на обеспечение прежде всего ускоренного экономического роста, который бы позволил в короткий срок стабилизировать внутривнутриполитическое положение, а в перспективе — добиться укрепления позиций Японии по отношению к другим империалистическим центрам. Создание мощной экономики, которая при необходимости могла бы послужить базой для широкой ремилитаризации, рассматривалось как государственный стратегический курс.

Акцент на обеспечении ускоренного экономического роста отнюдь не означал отказа правящих кругов страны от осуществления текущих планов наращивания военной мощи, а лишь определял иерархию приоритетов национальных задач и (применительно к военной политике) масштабы и темпы перевооружения. При соответствующем идеологическом и юридическом обеспечении военной политики эта линия позволяла создавать видимость соблюдения положений статьи 9 конституции и в то же время последовательно осуществлять наращивание военно-экономической мощи страны.

Эти ограничения создавали немало сложностей для правящих кругов, делая принятие любого сколько-нибудь значительного решения по военным вопросам предметом острой и продолжительной внутривнутриполитической борьбы, в ходе которой силам оппозиции нередко удавалось оказывать действенное сопротивление планам ускорения процесса милитаризации Японии.

Широкие государственные мероприятия по юридическому обеспечению военной политики (новые толкования законодательных и административных положений, различные исключения и отступления, изощренная казуистика в изложении правительственной «единой точки

зрения» по тому или иному вопросу) постепенно вели к выхолащиванию смысла и направленности ограничений. Их наличие, несмотря на активное противодействие демократических сил, не стало препятствием для последующего серьезного наращивания военной мощи Японии. Вместе с тем указанные ограничения, реальное содержание которых определяло государство, позволяли оказывать эффективное сопротивление чрезмерному, с точки зрения правящих кругов, внутреннему и внешнему давлению, создавали весьма удобные рамки для проведения оптимальной для правящих кругов линии строительства вооруженных сил и развития военной промышленности.

Основным направлением военного строительства стало создание небольших по численности, но высокомеханизированных и обладающих большой огневой мощью «сил самообороны», способных решать оперативно-тактические задачи в рамках японо-американской системы обеспечения «безопасности», а при необходимости стать основой для развертывания полномасштабных вооруженных сил. На этой концепции построена действующая долгосрочная военная программа Японии, принятая в октябре 1976 г.

Другим важным направлением государственной политики является создание современной военной промышленности. Выпуск оружия и боевой техники в условиях японского относительно мелкосерийного производства обуславливает высокую себестоимость военной продукции. Однако, несмотря на это, даже при наличии бюджетных ограничений государство отдает предпочтение внутреннему производству (оно обеспечивает примерно 90 % заказов Управления национальной обороны). В то же время правительство жестко лимитирует масштабы военных исследований и разработок, ориентируя промышленность на широкое использование иностранного, прежде всего американского, технического опыта. Получение американской безвозмездной и оплачиваемой военной помощи в 1950—1969 гг. дало Японии возможность с минимальными затратами создать костяк собственных вооруженных сил. Выполнение американских военных заказов обусловило снятие запрета на военное производство, которое с финансовой, организационной и технической помощью США стало быстро набирать силу. Предоставление американской военной технологии позволило Японии в короткие сроки создать передовую военную промышленность, обеспечи-

вающую основные потребности «сил самообороны» в оружии и боевой технике³. Осуществление действующей военной программы Японии также происходит на основе широкого использования современной американской военной технологии.

Наряду с политическими факторами важное значение для понимания специфики формирования ВПК имеют особенности послевоенного экономического развития Японии. Превращение Японии на рубеже 60-х и 70-х годов во вторую промышленную державу капиталистического мира и значительное усиление позиций монополий страны на мировых рынках были тесно связаны с относительно низким уровнем милитаризации экономики. Вместе с тем сказанное никак не означает, что японские компании не проявляли интереса к военному производству или что рынок военной продукции вообще не оказывал воздействия на развитие национальной промышленности.

Так, в 1950—1953 гг., еще до наступления полосы массового расширения и обновления основного капитала, важнейшим стимулятором промышленного производства и увеличения предпринимательских прибылей явился бум на рынке товаров военного назначения в связи с войной в Корее. Ремонт и обслуживание военной техники, поставки деталей и запасных частей, снаряжения (бомб, снарядов, мин и т. д.) и амуниции привели на военный рынок весьма широкий круг японских фирм. Спрос на военную продукцию со стороны США в немалой степени способствовал росту производственного потенциала промышленности страны и повышению загрузки мощностей. Например, 72 % всего оборудования японских предприятий, от конфискации которого, вопреки первоначальным планам, отказались американские оккупационные власти, предназначались для военного производства, и 80—90 % этих мощностей были введены в эксплуатацию после начала корейской войны⁴.

В 60-х годах, во время агрессии США во Вьетнаме, японские фирмы вновь стали крупными поставщиками Пентагона. Это внесло свой вклад в «подогрев» экономической конъюнктуры. Если в 1965 г. в японской экономике наблюдался спад и темпы роста ВВП упали до 2,7 %, то через год они подскочили до 7,5 %, что в определенной мере было связано с контрактами на поставки продукции для американской армии на общую сумму более 2 млрд долл.⁵

Работа по таким контрактам способствовала тому, что известная часть японских монополий начиная уже с 50-х годов стала все активнее искать пути для организации широкомасштабного военного производства на регулярной основе. Эти усилия принесли свои плоды, несмотря на огромные трудности конкуренции с американскими корпорациями, которые осуществляют производство вооружений в несравненно больших масштабах и в целом на более высоком техническом уровне. Военное производство в стране стало расширяться темпами, не уступающими промышленности в целом.

2. Военная сфера взаимодействия монополий и государства

Военное производство в современной Японии подразделяется на две составные части. Первая из них — производство японскими фирмами вооружений и военного снаряжения по заказам Управления национальной обороны (УНО), вторая — изготовление материалов и компонентов, а также разработка технологий, используемых зарубежными производителями вооружений, прежде всего американскими. Национальная статистика учитывает только первую часть. Между тем, как будет далее показано, поставки за рубеж продукции военного назначения и технологий ее изготовления получают в Японии все более широкое распространение как одно из основных направлений милитаризации ее экономики.

Организация производства вооружений, формы взаимодействия в этой области государства и частного капитала во многом отражают структуру японского государственно-монополистического капитализма в целом. Это относится прежде всего к таким ее чертам, как фактически полное отсутствие государственных предприятий в сфере промышленного производства, низкая доля государства в финансировании исследований и разработок, широкое практическое распространение так называемого административного руководства, суть которого состоит в том, что правительство определяет общие ориентиры хозяйственного развития, дает частным корпорациям разного рода рекомендации (как правило, выполняемые), поддерживает с ними постоянные «неформальные» контакты, в частности через ведущие предпринимательские организации. В военном секторе, как и в экономике в целом, получили распространение осуществляемые под эгидой государства и при активном участии

частного сектора программы освоения и производства стратегически важных видов продукции.

Производство вооружений и военного снаряжения по заказам Управления национальной обороны занимает относительно небольшое место в экономике страны. На него приходится примерно 0,4 % всей промышленной продукции. Абсолютный объем, однако, выглядит достаточно внушительно: в 1982 г. он превысил триллионную отметку, составив 1 051,6 млрд иен⁶. Для некоторых отраслей промышленности рынок военной продукции имеет весьма важное значение. Так, в 1983 г. в самолетостроении на него приходилось 77,8 % всей выпускаемой продукции⁷.

В настоящее время в Японии насчитывается более 2 тыс. компаний — производителей вооружений, зарегистрированных в отделе снабжения УНО как генеральные подрядчики⁸. (Всего в стране, по данным 1982 г., существует 85 тыс. промышленных компаний.⁹) В рамках их предпринимательских групп функционирует масса мелких предприятий — субподрядчиков, производящих отдельные узлы, детали, компоненты конечной продукции. У крупнейшего в стране производителя военной продукции «Мицубиси дзюкогё» таких субподрядчиков насчитывается несколько сот.

В то же время основная часть военной продукции неизменно приходится на крайне ограниченный круг фирм. В 1984 финансовом г. на 10 крупнейших производителей приходилось 64,7 % всей суммы контрактов на поставки вооружений и военного снаряжения для УНО. Среди них бесспорным лидером является «Мицубиси дзюкогё» (21,4 % общего объема контрактов УНО в 1984 финансовом г.) — компания, которую в Японии с полным основанием называют «арсеналом Управления национальной обороны». Эта фирма выступает как крупнейший производитель различных видов вооружений и военной техники для всех видов вооруженных сил. Следующие три места в списке поставщиков Управления занимают «Кавасаки дзюкогё» (9,3 %), «Исикавадзима — Харима дзюкогё» (8,4 %) и «Мицубиси дэнки» (8,4 %), значительно отстающие от лидера, но заметно опережающие все другие компании¹⁰. Таким образом, на 4 фирмы приходится почти половина всей продукции, поставляемой для УНО, — степень монополизации весьма высокая в сравнении с военным производством во многих других капиталистических странах. Ограничен и круг компаний, производящих отдельные технически

сложные компоненты систем вооружений. Так, электронное оборудование для УНО поставляют всего 20 фирм ¹¹.

Особенностью военной промышленности Японии является, однако, то, что для всех ведущих производителей вооружений поставки по заказам УНО составляют незначительную часть общего объема выпускаемой продукции. Лишь некоторые сравнительно небольшие компании (например, «Нихон хикоки», «Сумитомо сэймицу когё», «Асахи сэйки когё» и ряд других), не входящие в число главных поставщиков УНО, отличаются высокой степенью зависимости от военного производства. Основные же генеральные подрядчики Управления — это крупнейшие монополистические корпорации общего и транспортного машиностроения и электротехнической промышленности, производящие огромное количество различных видов товаров, среди которых военная продукция занимает далеко не главное место. Так, в 1982 финансовом г. в совокупном объеме продаж «Мицубиси дзюкогё» военная продукция занимала 17 %, «Кавасаки дзюкогё» — 14,3, «Исикавадзима — Харима дзюкогё» — 10,6, «Нихон сэйкосё» — 10,0 % ¹². Именно таким компаниям принадлежит наибольшая роль при определении позиций японского бизнеса в вопросах производства вооружений и военной политики страны — факт, чрезвычайно важный для анализа особенностей и тенденций милитаризации в Японии, специфики места военного рынка в ее экономике.

Основные поставщики УНО стремятся активно использовать технологию производства товаров военного назначения в гражданской сфере. Это особенно относится к тем компаниям, которые выпускают военную продукцию по американским лицензиям. Организация исследований и производства в компаниях — основных поставщиках УНО, как правило, включает механизм переброски военной технологии в гражданские секторы. Например, в «Мицубиси дзюкогё» этим вопросом занимается функционирующий в рамках корпорации научно-исследовательский институт применения технологий.

Широко используют опыт военного производства в гражданских отраслях японские фирмы, производящие электронное оборудование и средства связи («Нихон дэнки», «Фудзицу», «Хитати сэйсакусё» и др.). Их лидерство на мировом капиталистическом рынке микроэлектронных схем и телекоммуникационного оборудова-

ния закрепляется благодаря применению тех новых способов обработки и передачи информации, которые они освоили, выполняя военные заказы *.

Объем и структура военного производства в Японии в значительной степени определяются государственной политикой в области экспорта оружия. Если в гражданских секторах экономики государство форсировало экспорт и осуществляло жесткую протекционистскую защиту внутреннего рынка, то в военной области складывалась иная картина: от импорта вооружений и военной техники государство постепенно переходило к развитию внутреннего производства при одновременном ужесточении контроля над экспортом.

До середины 60-х годов формальных ограничений на экспорт оружия не существовало. С начала 50-х годов японские компании начали выпуск военной продукции ограниченной номенклатуры преимущественно по заказам американских вооруженных сил. Прямой экспорт военной продукции был незначителен, что соответствовало небольшому объему и невысокому технико-экономическому уровню военного производства.

В апреле 1967 г. премьер-министром Э. Сато были провозглашены «три принципа» контроля над экспортом оружия, запрещающие его поставки в социалистические страны, в страны, на которые распространяется действие эмбарго ООН, и в страны, которые вовлечены или могут быть вовлечены в вооруженные конфликты. Введение этих ограничений было продиктовано интересами создания выгодного для правящих кругов страны внешнеполитического «имиджа» Японии, выдвинувшейся к этому времени на место второй державы капиталистического мира, и не имело реального экономического смысла. Оно никоим образом не затронуло сложившихся связей с внешними потребителями японской военной продукции и не оказало существенного влияния на объем производства в Японии.

Более серьезное значение для процесса формирования ВПК имела провозглашенная в феврале 1976 г. Т. Мики новая правительственная политика, которая также включала три пункта: 1) не допускается экспорт оружия в страны, попадающие в сферу действия

* При всей важности для отдельных японских компаний переброски «ноу-хау» из военного производства в гражданское нельзя переоценивать значение этого фактора в масштабе японской экономики в целом — темпы ее роста в значительной мере объясняются длительной концентрацией ресурсов в гражданских, а не в военных отраслях.

«трех принципов»; 2) в соответствии с духом конституции и Законом о контроле над валютными операциями и экспортом Япония будет воздерживаться от экспорта оружия в страны, не входящие в сферу действия «трех принципов»; 3) экспорт оборудования, связанного с производством оружия (его перечень содержится в § 109 приложения № 1 к Закону о контроле над экспортом), будет рассматриваться как экспорт оружия¹³.

Введенные правительством Т. Мики ограничения, официально действующие в настоящее время, по сути устанавливали полный запрет на экспорт оружия и оборудования для его производства, хотя и оставляли возможности для вывоза продукции «двойного назначения». «Стратегическое» значение этого запрета состоит в том, что он препятствует вовлечению японских компаний в острую конкурентную борьбу на международном рынке вооружения, что неизбежно повлекло бы за собой отвлечение сил и ресурсов от гражданских секторов экономики и могло бы подорвать конкурентоспособность Японии в целом. Не случайно ужесточение контроля над экспортом оружия совпало с началом серьезной структурной перестройки японской экономики.

Кроме того, запрет на экспорт оружия ставит государство в положение единственного заказчика военной продукции, обеспечивая ему тем самым серьезные преимущества во взаимоотношениях с военной промышленностью. При таком положении государство сохраняет за собой самые широкие возможности выбора военного подрядчика как внутри Японии, так и за ее пределами. В то же время частные компании поставлены перед альтернативой: либо согласиться на те условия, которые предлагает государство (к примеру, 5 %-ную прибыль), либо уступить контракт своему японскому или зарубежному конкуренту. В условиях ограниченного военного бюджета такого рода обстоятельства имеют существенное значение.

Решение о выборе новых видов вооружения и военной техники и соответственно компании-подрядчика, принимаемое Советом национальной обороны, зачастую служит скрытой формой поддержки отдельных монополистических группировок. Такую подоплеку, по мнению некоторых иностранных обозревателей, имел пересмотр решения о разработке и производстве нового противолодочного самолета РХ, которое должно было осуществляться компанией «Кавасаки дзюкогё», в пользу производства по лицензии американского самолета РЗС,

-что в большей степени соответствовало интересам группы «Мицубиси», военные предприятия которой составляют костяк военной промышленности¹⁴.

В отличие от США в Японии уровень прибыли в военном производстве в среднем даже чуть ниже, чем в гражданских секторах экономики. Цены на военную продукцию устанавливаются согласно условиям контрактов департамента снабжения УНО и фирм. При расчете цен используются два метода — калькуляция на основе рыночных цен (с учетом уровня оптовых цен, цен, по которым совершают сделки другие государственные ведомства, и т. д.) и по фактическим издержкам. Широко практикуется конкурсный отбор подрядчиков, что позволяет привести в действие механизм конкуренции. УНО жестко контролирует соответствие цен реальному уровню издержек производителей, предусмотрена возможность изъятия части доходов компаний, если установлено, что цены были завышены. При этом отношение чистой прибыли к объему производственных издержек, официально допускаемое УНО для своих поставщиков, не должно превышать 5 %, что несколько ниже соответствующего среднего показателя для обрабатывающей промышленности — 5,2 %¹⁵.

Ценовая политика УНО вызывает недовольство у его контрагентов, однако никто из них не обнаруживает стремления свернуть производство по военным контрактам. «Эти компании, — отмечалось в «Японском экономическом ежегоднике», — жалуются, что оборонные заказы приносят небольшой доход, но все-таки сохраняют свои отделы военной техники с очевидной целью поддержания производства. Они рассматривают существование этих отделов как условие, обеспечивающее технический прогресс, результаты которого при необходимости могут использоваться для невоенных нужд»¹⁶. Особое значение это обстоятельство приобретает в связи с широким использованием в японском военном производстве новейшей американской технологии.

Специфическое отношение к прибыльности определяется и стремлением отдельных компаний заблаговременно закрепиться на перспективном рынке вооружения, чтобы в максимальной степени использовать те преимущества, которые откроются перед апробированными традиционными государственными подрядчиками тогда, когда рост масштабов военного производства позволит извлекать большую массу прибыли. О том, насколько сильным является это стремление, свидетель-

ствуют данные, приводимые генеральным секретарем Комитета оборонного производства Т. Тига. Так, в 1966 г. отношение прибыли к объему продаж в гражданском машиностроении составляло 6,8 %, в производстве летательных аппаратов по заказам УНО — 5, в военной электронике — 0,7 %, а производство боеприпасов и строительство боевых кораблей было убыточным¹⁷. Это обстоятельство, однако, не привело к свертыванию соответствующих производств. Напротив, по данным японской Ассоциации военной промышленности, специализированные военные предприятия имеют значительные неиспользуемые производственные мощности¹⁸.

Можно отметить и другие причины заинтересованности японских монополий в военном производстве. Так, выпуск вооружений по государственным заказам способствует укреплению контактов фирмы-производителя с правительством, расширяет возможности влияния на его политический курс, позволяет компании пользоваться многими льготами со стороны государства в самых разных областях хозяйственной деятельности. Кроме того, рынок военной продукции оценивается многими фирмами как достаточно обширная и, что весьма существенно, стабильная сфера реализации продукции, способная смягчать негативные последствия колебаний внутреннего спроса.

Вместе с ростом национального военного производства и увеличением числа вовлекаемых в него компаний развиваются формы организации военного бизнеса, позволяющие корпорациям — производителям вооружений поддерживать постоянные связи друг с другом, координировать позиции по важнейшим военно-экономическим и военно-политическим вопросам, поддерживать контакты с военным ведомством, милитаристскими звеньями госаппарата, рядом органов правящей партии.

Главным «штабом» японского бизнеса в военно-промышленной сфере является Комитет оборонного производства (КОП) при Федерации экономических организаций («Кэйданрэн») — крупнейшей в стране ассоциации предпринимателей. Место, занимаемое КОП в организационной структуре «Кэйданрэн», весьма специфично. Работая под эгидой Федерации, он в то же время, будучи одним из четырех «специальных» комитетов, имеет по сравнению с 33 «обычными» комитетами значительно большую автономию. Так, КОП фактически самостоятельно решает вопросы членства. В его состав могут входить компании и ассоциации, не являющиеся

членами «Кэйданрэн». По данным обследования, проведенного в начале 70-х годов авторами книги «Военная система современной Японии», Комитет объединял 71 корпорацию и 16 отраслевых ассоциаций — членов «Кэйданрэн» (всего в «Кэйданрэн» насчитывалось 739 компаний и 110 ассоциаций), 12 корпораций и 4 ассоциации, не входящие в Федерацию. Финансирование деятельности КОП на 60 % осуществляется за счет взносов компаний и ассоциаций-членов и только на 40 % — из фондов «Кэйданрэн»¹⁹.

Руководящий орган Комитета — совет директоров, в который входят 25 постоянных членов, в основном президентов или председателей советов директоров корпораций, являющихся крупнейшими поставщиками УНО, а также 2 управляющих делами и 3 консультанта. Совету директоров принадлежит ключевая роль в разработке стратегической линии Комитета. Общие заседания КОП с участием всех его членов проводятся редко и больше для рассмотрения процедурных дел (утверждения бюджета организации, различных финансовых отчетов и т. д.). Совет же директоров собирается значительно чаще, хотя и без регулярного графика, и, как правило, решает в своем узком кругу наиболее актуальные вопросы, определяя позицию Комитета по проблемам производства вооружений, оснащения «сил самообороны», вообще военной политики Японии. Руководит советом директоров, как и КОП в целом, председатель Комитета. Этот пост неизменно удерживают за собой президенты и председатели совета директоров «Мицубиси дзюкогё».

Наряду с советом директоров весьма значительная роль в КОП принадлежит секретариату, который является важным цементирующим элементом формирующегося в Японии ВПК. Наличие собственного секретариата отличает КОП от «обычных» комитетов «Кэйданрэн», работа которых контролируется соответствующими департаментами секретариата Федерации в целом. В составе секретариата КОП 9 членов и 6 советников — 4 постоянных и 2 временных. Временные советники — это, как правило, отставные офицеры «сил самообороны». Генеральный секретарь и другие члены секретариата являются должностными лицами Комитета, вся деятельность которых связана исключительно с военным производством. Они не имеют отношения к отраслевым предпринимательским организациям вне сектора производства вооружений и не представляют корпораций, функционирующих одновременно во многих областях экономики.

Поэтому позиция секретариата КОП отражает потребности военного сектора как определенного целостного образования, а не просто интересы отдельных компаний, производящих как военную, так и гражданскую продукцию. Не случайно, например, именно секретариат ведет наиболее рьяную «лоббистскую» деятельность по выбиванию военных заказов.

Организационно и персонально совет директоров и секретариат КОП переплетены с руководством «Кэйданрэн» в целом. В составе совета директоров — президент и несколько вице-президентов «Кэйданрэн». Более 80 % членов совета входят в исполком Федерации, который является ее центральным органом.

Итак, с одной стороны, КОП действует под эгидой «Кэйданрэн» при тесном организационном переплетении с ее руководством. С другой стороны, он пользуется определенной автономией и частично выходит за рамки организационной структуры Федерации. Такое сочетание создает и для Федерации, и для Комитета свободу маневра при формулировании позиций по военным вопросам и позволяет, «оберегая» интересы военного сектора промышленности, в то же время учитывать далеко не всегда совпадающие потребности отдельных групп монополистического капитала, в разной степени заинтересованных (или не заинтересованных) в расширении производства вооружений. КОП правомерно рассматривать как координатора действий корпораций, выпускающих военную продукцию, как связующее звено между компаниями — производителями вооружений и «Кэйданрэн», а отчасти и всем деловым миром страны.

Основные сферы деятельности КОП — стимулирование и координация военных исследований и разработок, обследования состояния и перспектив производства вооружений, подготовка информационных материалов, отражающих их результаты. Вместе с тем это и обеспечение связей военного бизнеса с правительственными органами и правящей Либерально-демократической партией.

В области исследований и разработок роль Комитета состоит прежде всего в согласовании стратегии УНО и научно-технической политики корпораций, а также в «выбивании» государственных ассигнований.

Обследования КОП весьма разнообразны по своей направленности. Они могут быть посвящены как военно-экономическим проблемам общего характера (так, на рубеже 60-х и 70-х годов Комитет провел обследование

с целью обосновать необходимость создания в Японии «автономной» по отношению к США системы обороны и производства вооружений), так и более узким, конкретным вопросам (например, перспективам авиастроительной промышленности в свете программ закупок военных самолетов; прибыльности военного производства; проблеме «спин-офф» * и т. д.). Результаты таких обследований доводятся до УНО и других государственных органов, а в ряде случаев УНО выступает их инициатором. Авторы книги «Современная военная система Японии» совершенно справедливо пишут, например, об отраслевых обследованиях как о мероприятиях, которые представляют собой «часто встречающийся, но редко афишируемый тип отношений, поддерживаемый сектором военного производства с Управлением национальной обороны» ²⁰.

Комитет оборонного производства — наиболее широко известное и влиятельное, но, безусловно, не единственное в стране объединение производителей вооружений. Наряду с ним существует немало других организаций, каждая из которых выполняет свои специфические функции.

Как и в целом в японской экономике, в ее военном секторе получили распространение отраслевые ассоциации. Наиболее мощные среди них — ассоциации производителей артиллерийского и стрелкового оружия, фирм аэрокосмической промышленности.

Формально высшим государственным органом по вопросам военной политики является Совет национальной обороны (СНО), включающий членов правительства и возглавляемый премьер-министром. В принципе СНО отводится важная роль, поскольку на него возлагается принятие главных правительственных решений по военным вопросам, включая текущие и перспективные программы наращивания военной мощи, выбор основных видов вооружения и военной техники (что в большинстве случаев предопределяет пути ее получения — отечественная разработка и производство, внутреннее производство по иностранным лицензиям, импорт). Однако на практике роль СНО до последнего времени, за исключением редких случаев, сводилась к утверждению заранее подготовленных и согласованных аппаратом ЛДП и государственными органами решений.

* Так называемая «гражданская отдача» военных исследований и работ.

Заслуживают внимания некоторые стороны деятельности этого органа в условиях намечающегося повышения его реальной роли. Прежде всего через СНО премьер-министр имеет возможность оказывать личное влияние на характер принимаемых решений. Так, в сентябре 1972 г. К. Танака постановлением СНО отменил готовящееся решение об отечественной разработке и производстве противолодочного самолета следующего поколения (PXL).

На секретариат СНО возложена организация и обеспечение работы экспертных комиссий, выводы которых учитываются в процессе принятия решений Совета по особо важным или спорным вопросам. Как показывает опыт работы таких комиссий, их члены используют в качестве технических и прочих «экспертов» кадровых военнослужащих УНО и видов вооруженных сил. В процессе работы комиссий секретариат СНО имеет возможность оказывать косвенное давление на их членов и содержание подготавливаемых ими рекомендаций (например, путем подбора для них определенной информации и «точек зрения»). Важно отметить при этом, что и сам секретариат в своей практической деятельности полагается на тех же «экспертов» УНО и «сил самообороны»²¹.

Таким образом, аппарат СНО и формы организации его работы открывают УНО и, что особенно важно, кадровым военным «сил самообороны» дополнительный канал влияния на выработку правительственных решений.

Образованное в 1954 г. Управление национальной обороны фактически выполняет роль военного министерства, но имеет более узкие функции и специфическую структуру. Начальник Управления и его заместители назначаются из числа гражданских лиц. Должности начальников департаментов Управления также заполняются гражданскими служащими, хотя действующее законодательство не запрещает назначать на эти посты кадровых военных. В текст Закона об учреждении УНО включен ряд положений, серьезно ограничивающих права военного командования в вопросах, касающихся «сил самообороны». Прерогативы гражданских сотрудников УНО, занимающих руководящие посты в японском военном ведомстве, оспаривают кадровые военнослужащие, входящие в штаты Объединенного комитета начальников штабов и командований видами вооруженных сил.

Должность начальника УНО, имеющего в настоящее время ранг члена кабинета министров, занимает далеко не высокое место в японской бюрократической иерархии. Поэтому в процессе подготовки и принятия правительственных решений по военным вопросам начальнику УНО приходится иметь дело с более влиятельными политиками, возглавляющими министерства финансов, внешней торговли и промышленности и некоторые другие ведомства, которые нередко выступают не только партнерами, но и оппонентами УНО.

Непосредственные связи с предприятиями, выпускающими оружие и боевую технику, осуществляет управление снабжения УНО. Помимо этого, однако, во многих министерствах и ведомствах имеются подразделения, специально занимающиеся военными вопросами или отводящие им в своей деятельности большое место. К ним относятся отдел авиастроения и вооружений министерства внешней торговли и промышленности, отдел проблем безопасности департамента Северной Америки министерства иностранных дел, отдел обороны департамента бюджета министерства финансов, отдел науки и техники Управления экономического планирования.

На протяжении 50—70-х годов антивоенные настроения в Японии были столь сильны, что УНО сталкивалось с серьезными трудностями при наборе компетентного управленческого персонала высшего и среднего звена. В результате возникла практика временного прикомандирования к УНО сотрудников других министерств и ведомств. Так, важнейшие департаменты и функциональные отделы УНО на протяжении трех послевоенных десятилетий комплектовались соответственно их профилю сотрудниками министерства финансов, министерства внешней торговли и промышленности, министерства иностранных дел, министерства юстиции, Управления по науке и технике, Главного полицейского управления.

Свое прикомандирование к УНО сотрудники этих министерств и ведомств рассматривали как временное неудобство, с которым сопряжено их дальнейшее служебное продвижение по месту основной работы. Это обстоятельство отнюдь не способствовало укреплению «переговорной силы» УНО в отношениях с другими звеньями государственного аппарата.

Слабость позиций УНО в рамках бюрократической структуры обусловлена и тем, что сейчас на ключевых постах в министерствах и ведомствах, связанных с во-

енной промышленностью и УНО, находятся лица, испытывавшие на личном опыте все тяготы довоенного милитаризма, поражения в войне и их катастрофических последствий для Японии.

Появление на ответственных постах в государственном аппарате нового — послевоенного — поколения чиновников, не имеющих столь сильных личных антимилитаристских убеждений, по-видимому, внесет изменения в сложившуюся ситуацию. По сообщениям японской прессы, усилился приток в УНО выпускников наиболее престижных японских университетов, которые в прошлом однозначно решали вопрос о выборе места службы в пользу гражданского сектора государственного аппарата и промышленности.

В силу несовпадения ведомственных интересов в государственном аппарате нет единства позиций по вопросам милитаризации и соответственно не сложилось межведомственного лобби, какое, например, возникло перед второй мировой войной. С одной стороны, здесь происходит формирование кадровой военной бюрократии, рост влияния УНО, усиление координации его действий с министерством иностранных дел. С другой стороны, контроль над разработкой многих важных аспектов военной политики в силу своего традиционного влияния и ведомственной компетенции по-прежнему удерживают министерство финансов и министерство внешней торговли и промышленности, образующие другой бюрократический блок, к которому обычно примыкают Управление по науке и технике и Управление экономического планирования.

В зависимости от характера и существа обсуждаемых вопросов могут возникать различные бюрократические «коалиции». Так, например, при утверждении бюджетных запросов Управление национальной обороны вынуждено отстаивать свои позиции перед министерством финансов, на которое возложено проведение политики жесткого ограничения государственных расходов. При решении вопросов о закупке вооружения и военной техники министерство внешней торговли и промышленности, наиболее последовательно выступающее за развитие отечественного производства, нередко вынуждено преодолевать сопротивление министерства финансов и министерства иностранных дел, наиболее восприимчивых к требованиям США о сокращении актива японского платежного и торгового балансов, а также Управления национальной обороны, заинтересованного в приобрете-

нии более дешевых и современных американских систем оружия, снимающих к тому же с повестки дня и проблеме стандартизации.

Определенная слабость УНО в рамках японской бюрократической структуры побуждает руководство Управления постоянно прибегать к помощи военного лобби ЛДП при урегулировании различных конфликтных ситуаций, возникающих в процессе подготовки решений по вопросам военной политики.

Разработкой военной политики в ЛДП в основном занимаются два органа — Отдел национальной обороны и Исследовательский комитет по проблемам обеспечения безопасности, входящие в Совет по изучению политических вопросов — мозговой центр партии. То, что среди японских политических партий ЛДП занимает наиболее милитаристскую позицию, — прямая «заслуга» этих органов. Как отмечает известный американский исследователь П. Лангер, и Отдел национальной обороны, и Исследовательский комитет «придерживаются более «ястребиных» взглядов и обнаруживают более сильную приверженность антикоммунизму как руководящему принципу обеспечения национальной безопасности Японии, чем средний политик ЛДП, особенно молодой реформист»²².

В состоящей из множества враждующих фракций и межфракционных группировок ЛДП отсутствует единство мнений по вопросам военной политики. Иностранные обозреватели отмечают существование внутри партии более «ястребиного» течения, представителями которого являются возглавляемый бывшим премьер-министром Я. Накасонэ Совет по изучению проблем Азии и образованная в 70-е годы группировка «Сэй-ранкай», объединяющая молодых, националистически мыслящих политиков. Один из их основных оппонентов внутри партии — Совет по изучению проблем Азии и Африки, руководителем которого был покойный премьер-министр М. Охира. Влияние «правых» в ЛДП недостаточно сильно, чтобы навязать партии концепцию ускоренного перевооружения в условиях широкой общественной оппозиции такой политике. Так называемые «левые» в ЛДП численно и политически слабы и находятся вне рамок процесса выработки политики²³.

В этих условиях роль Отдела национальной обороны и Исследовательского комитета прежде всего состоит в том, чтобы обеспечивать по возможности наиболее полное отражение в политике ЛДП и правительства

взглядов милитаристских кругов. Кроме того, эти органы являются ядром и цементирующим звеном военного лобби ЛДП, включающего партийных функционеров, депутатов из состава Парламентской лиги за национальную оборону, членов других, родственных по своим задачам, органов партии, например Комитета по «изучению» конституции. Военное лобби, наконец, выступает проводником в партийных кругах интересов милитаристской части государственного аппарата.

Активное участие партийных органов в разработке проекта правительственного бюджета стало неотъемлемой частью японской бюрократической процедуры. Механизм реализации влияния политиков на принятие правительственных решений по военным вопросам включает проведение неофициальных консультаций представителей министерства финансов, УНО с депутатами парламента от ЛДП, занимающимися вопросами «обороны», в ходе которых обсуждаются и согласовываются позиции сторон относительно темпов роста и структуры военного бюджета на очередной финансовый год. В случае если в ходе консультаций не удастся выработать единую точку зрения, военное лобби устраивает встречу с премьер-министром, который оказывает нажатие на министерство финансов или принимает собственное решение по спорному вопросу. В результате, как правило, бюджетная заявка УНО подвергается не столь значительной корректировке, как изначально настаивает министерство финансов²⁴.

Одной из особенностей современной обстановки в Японии является незначительная роль военных во внутривнутриполитической жизни страны. Статьи 61 и 64 Закона о силах самообороны запрещают военным служащим участвовать в выборах, заниматься политической деятельностью, быть организаторами или членами политической партии, участвовать в забастовках. Закон об учреждении УНО содержит ряд положений, серьезно ограничивающих права военного командования в вопросах, касающихся «сил самообороны». Действующее законодательство регламентирует переход выходящих в отставку военным служащих на работу в частные компании.

Японская общественность проявляет повышенное внимание к любым, даже незначительным, публичным проявлениям и формам политической деятельности военных. Эта настороженность представляется вполне понятной и оправданной, принимая во внимание много-

вековые самурайские традиции и беспрецедентный подъем милитаризма накануне и в годы второй мировой войны, который в итоге привел Японию к сокрушительному военному поражению и тяжелейшему социально-политическому кризису.

Японская действительность дает немало примеров того, как политические заявления представителей военного командования приводили к досрочному окончанию их профессиональной карьеры. Например, в июле 1978 г. приказом начальника УНО был уволен с должности председателя Объединенного комитета начальников штабов генерал Х. Курису. Давая разъяснения о порядке вступления «сил самообороны» в боевые действия, генерал высказал мнение, что командующие войсками должны иметь право оказать сопротивление противнику в случае внезапного нападения, не дожидаясь приказа гражданских официальных лиц. Несмотря на оговорку, что это мнение не ставит под сомнение принцип «гражданского контроля», высказывание Х. Курису было истолковано как намек на правомерность превышения военным командованием своих полномочий и послужило основанием для подготовки соответствующего приказа.

Между тем было бы преувеличением утверждать, что в Японии военные полностью выключены из внутриполитического процесса. Поскольку публичная политическая деятельность во время нахождения в должности для военнослужащих исключена, они используют иные пути обеспечения своих интересов. Широкое распространение в Японии получила практика привлечения военных в качестве экспертов к работе парламентских комитетов, правительственных комиссий, исследовательских органов ЛДП. Тем самым они имеют возможность оказывать влияние на формирование позиции правящих кругов по военным вопросам.

Однако в полной мере политическая деятельность военнослужащих разворачивается лишь после выхода в отставку. Массовое явление в Японии — образование различных исследовательских обществ, состоящих из бывших старших офицеров и ведущих активную издательскую и лекционную деятельность. На базе этих обществ осуществляется подготовка докладов, содержащих развернутые предложения по вопросам наращивания военной мощи, включая развитие военного производства. Именно на этом уровне осуществляются наиболее интенсивный обмен делегациями, организация

конференций и симпозиумов с представителями американского ВПК.

Имеют место и переходы отставных военных высокого ранга из «сил самообороны» на руководящие посты в корпорации, занимающиеся военным производством. Естественно, фирмы при этом используют связи и влияние людей, входивших в высшие военные круги, в своих интересах, в том числе для обеспечения выгодных заказов. Однако процесс таких кадровых перемещений не принял столь массовых масштабов, как в Соединенных Штатах, и имеет преимущественно одну направленность — из государственного аппарата в промышленность. Обратное направление не просматривается. Наряду со сравнительной узостью военно-промышленной базы причина, по-видимому, заключается в том, что в Японии не приняты частые смены сферы деятельности и не имеет смысла переход с высокооплачиваемой пожизненной работы в частном секторе на малоодоходное и политически нестабильное место в военном секторе государственного аппарата.

Важнейшими препятствиями на пути создания в стране атмосферы, благоприятствующей формированию ВПК, являются послевоенный пацифизм японцев, широкое распространение антивоенной и антимилитаристской идеологии, которые доминируют в массовом сознании. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что подавляющее большинство населения не видит необходимости в резком изменении военной политики, предполагающем пересмотр конституции и связанных с ней законов, а также ускорение темпов и расширение масштабов милитаризации. Напротив, приверженность духу «мирной» конституции рассматривается как важнейший фактор ускоренного экономического роста страны, повышения доходов населения, обеспечения благоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических условий послевоенного развития страны.

Иначе говоря, в современной Японии отсутствует массовая благожелательная аудитория для откровенно милитаристской пропаганды. Это, разумеется, не исключает существования различного рода обществ и организаций, распространяющих милитаристскую идеологию, идеи антикоммунизма, национализма, шовинизма и рваншизма. Среди них немало таких, которые осуществляют свою деятельность на достаточно серьезной основе, с расчетом на практические результаты.

В связи с этим необходимо упомянуть идеологиче-

ский аппарат «сил самообороны» и группирующиеся вокруг УНО милитаристские организации. Руководство идеологической обработкой личного состава вооруженных сил и соответствующим армейским аппаратом осуществляет Комитет по информационной деятельности УНО. Входящие в состав Управления служба культурно-бытового обслуживания и департамент личного состава и обучения поддерживают связи с рядом милитаристских организаций, таких, как «Общество друзей сил самообороны», «Всеяпонская лига отцов и старших братьев сил самообороны», «Общество друзей «Асагумо»». В тесной координации они ведут обработку личного состава «сил самообороны» и населения, особенно молодежи, в духе антикоммунизма и национализма, возрождения военно-феодалской морали и культа императора, разжигания агрессивных и реваншистских настроений.

Однако значительно более важным аспектом идеологического обеспечения процесса формирования ВПК представляются усилия, направленные на то, чтобы добиться перелома в массовом сознании японцев. В сфере органов массовой информации Японии отсутствует сегмент, финансируемый военно-промышленными монополиями, типа американских изданий «Авиэйшн уик энд спейс технолоджи», «Нэшнл дефенс», «Арми». Тем не менее именно японская пресса, известная своим объективистским освещением и скорее критическим, чем нейтральным, отношением к государственной военной политике, выступила инициатором так называемой оборонной дискуссии, лейтмотивом которой является вопрос о том, какой должна быть военная политика Японии в будущем. На страницах массовых общественно-политических журналов публикуются проблемные статьи на военные темы, интервью и беседы, в которых политические деятели, представители военных кругов и руководители делового мира с невиданной в прошлом откровенностью высказываются относительно национальной безопасности и военной стратегии. Активизировалась деятельность ряда известных и новых научно-исследовательских центров (Совета по изучению проблем национальной безопасности, Научно-исследовательского института по проблемам мира и безопасности, Японского центра по изучению проблем безопасности, Ассоциации стратегических исследований, Института по изучению национальной безопасности, Японского института военно-морских исследований и многих дру-

гих), периодически публикующих результаты своих разработок. Оживленное обсуждение военных вопросов разворачивается в стенах японского парламента, где впервые после войны в начале 80-х годов были созданы специальные комитеты по проблемам безопасности.

Растущий интерес к этим вопросам, имеющий в основе озабоченность японцев происходящим обострением международной обстановки и усилением угрозы ядерной войны, пытаются использовать милитаристские силы, ставящие целью добиться перелома общественного мнения в сторону поддержки идеи превращения Японии в мощную военную державу.

Одной из важных особенностей процесса формирования ВПК в Японии является система финансирования исследований и разработок военного профиля. Общий уровень государственных расходов на такие исследования и разработки, как и на науку в целом *, в Японии остается невысоким. Низка и доля военного сектора в общем объеме государственных расходов на исследования и разработки: по данным 1983 г., она составляла 2,7 % ²⁵. Конечно, частично расходы на исследования военного характера скрыты в некоторых других статьях бюджета, таких, как стимулирование научно-технического развития, субсидии вузам и НИИ и т. д. Это, однако, не меняет общей картины. Глубинная причина, объясняющая столь превалирующую роль исследований и разработок частных корпораций, заключается в сравнительно невысоком, хотя и нарастающем, уровне милитаризации государственной политики и в относительной незрелости системы самостоятельных специальных военных исследований. В Японии в настоящее время не просматривается такой отдельный компонент ВПК, как милитаризованная наука, нет широкой системы научных учреждений, ведущих исключительно или преимущественно исследования военного характера. Учреждения, осуществляющие такие исследования, в своем подавляющем большинстве интегрированы в организационные структуры частных корпораций многоотраслевого профиля. При этом военные исследования, как правило, не ведутся отдельно от гражданских.

Тесное переплетение военных и гражданских производств, а также исследований и разработок в частном секторе позволяет государству использовать в военных целях научно-техническую базу корпораций, возлагая

* Доля государства в общих расходах на исследования и разработки в 1983 г. составила 22,2 % (Кагаку гидзюцу хакусё. 1985. С. 348).

на них львиную долю связанных с выпуском новейшей военной продукции исследований. Это фактор усиления взаимосвязей по линии «военное ведомство — монополии». Частные корпорации берут на себя осуществление проектов, рекомендованных Штабом технических исследований УНО, а также апробацию технологий, разработанных находящимися в подчинении Штаба учреждениями. В дальнейшем те же компании становятся производителями соответствующей продукции, получают гарантированный доступ к военному рынку.

Помимо значительных, а иногда и исключительных технических достижений японских фирм в отдельных областях производства данная тенденция получает дополнительный стимул благодаря специфике японской системы НИОКР. Поскольку исследования и разработки в области военного производства в Японии осуществляются главным образом частными компаниями, они тесно связаны с гражданскими НИОКР и, подобно последним, носят прежде всего коммерческий характер, т. е. рассчитаны на рост эффективности при минимизации затрат, на обеспечение конкурентоспособности продукции. Поэтому материалы, компоненты, оборудование, производимые в Японии, как правило, имеют более низкую себестоимость и цену, чем аналогичные товары военного назначения в западных странах, где осуществляется крупномасштабное бюджетное финансирование исследований и разработок военного профиля и принцип минимизации затрат зачастую не срабатывает. Отсюда, в частности, интерес к партнерству с японскими фирмами у зарубежных, прежде всего американских, монополий — производителей военной продукции.

3. Усиление милитаристских тенденций

Современная японская действительность все чаще свидетельствует о том, что в стране уже обозначились силы, составляющие основу складывающегося военно-промышленного комплекса. Их возрастающая активность в последние годы стала приобретать черты единой, тщательно спланированной кампании, результаты которой находят все большее отражение в государственной политике. Масштабы и характер этой кампании позволяют охарактеризовать ее как фронтальное наступление на самые фундаментальные основы всей послевоенной политической и экономической стратегии Японии.

Предметом ведущейся в стране «оборонной дискус-

сии» является широкий круг теоретических и практических вопросов: тенденции развития глобальной экономической, военной и политической обстановки; модель будущего развития Японии; перспективная национальная стратегия; роль военной силы; проблемы государственности и конституции; правомерность обладания ядерным оружием; статус императора; оптимальная линия военной политики. Однако основное внимание уделяется масштабам и темпам военных приготовлений страны.

Отмечая широту и многоплановость «оборонной дискуссии», наличие разнообразных идейно-политических позиций ее участников, японские авторы условно выделяют четыре основных концептуальных подхода к вопросу о будущей военной политике страны ²⁶:

— «концепция постоянно действующих ограничений», иногда называемая «концепцией изначального * отношения» (кихонтэки сэйсин рон) или «концепцией рамок» (ваку рон). Ссылаясь на послевоенную правительственную политику как выражающую господствующие среди японцев взгляды, ее сторонники указывают на пять ограничений (дух мирной конституции, принцип гражданского контроля, исключительно оборонительный характер «сил самообороны», три неядерных принципа и 1 % как норма военных расходов), строгое соблюдение которых исключило бы возможность усиления влияния военных на формирование правительственной политики;

— «концепция базисной оборонной мощи» (кибан-тэки боэйрёку косо) лежит в основе нынешней военной политики Японии и действующей с 1976 г. военной программы, которая делает упор на качественное, в отличие от количественного, наращивание военного потенциала. Согласно этой концепции, создание «базисной оборонной мощи», не вызывая враждебности соседних стран и не требуя значительного увеличения военных расходов, позволило бы «силам самообороны» в рамках военного сотрудничества с США сыграть не вспомогательную, а основную роль в обороне страны;

— «концепция адекватной оборонной мощи» является современным выражением существующих со времен 50-х годов «концепции необходимой оборонной мощи» (сёё боэйрёку рон) и «концепции активной обороны» (сэккёку боэй рон). Ссылаясь на изменения международной обстановки в 70-е годы, ее сторонники

* Т. е. пацифистского по своему существу.

указывают на необходимость существенного наращивания военного потенциала Японии, включая создание сдерживающих средств и возможностей контратаковать противника, обосновывают допустимость превентивных действий «сил самообороны», в том числе далеко за пределами национальной территории;

— «концепция автономной обороны» (дзисю бозэй рон), апеллирующая к чувству национальной гордости японцев, их недоверию к США, а также к необходимости усиления политической и военной роли Японии соразмерно ее экономической мощи, предполагает создание независимой системы национальной обороны.

Официально декларируемой целью обсуждения всех этих проблем является выработка нового национального «консенсуса», который мог бы послужить основой для соответствующей корректировки основных направлений внешней и военной политики страны, ее экономической стратегии, конституции и действующего законодательства. Реальный смысл происходящего обсуждения состоит в том, чтобы добиться перелома общественного мнения, убедить широкие слои населения в необходимости превращения Японии в мощную не только в экономическом, но и в политическом и военном отношении державу.

Достижение этой цели представляет собой своего рода программу-максимум формирующегося японского ВПК. Одновременно усиливается его активность в выдвижении конкретных требований на наиболее важных с точки зрения его интересов направлениях, прежде всего в таких областях, как бюджетная политика и экспорт военной продукции.

Попытки добиться отмены введенного правительством Т. Мики в 1976 г. ограничения военных расходов 1 % ВВП предпринимались в последние годы неоднократно. Однако всякий раз в силу противодействия общественности и политической оппозиции, в том числе внутри ЛДП, они заканчивались безрезультатно.

Предприняв обходной маневр, Я. Накасонэ в сентябре 1985 г. смог добиться одобрения кабинетом министров и исполнительным советом ЛДП ассигнований на военные цели на 1986—1990 гг. в объеме 18,4 трлн иен, что, согласно правительственным оценкам, должно было составить 1,04 % ВВП на этот период. Одновременно премьер-министр вынужден был дать обещание, что относительный уровень военных расходов в 1986 финансовом г. не превысит 1 % ВВП²⁷.

С начала 1986 г., вскоре после утверждения очередной пятилетней военной программы, в стране была развернута массированная кампания за отмену ограничения военных расходов 1 % ВВП. Опираясь на итоги июльских (1986 г.) всеобщих выборов, которые способствовали укреплению позиций ЛДП в парламенте, кабинет Я. Накасонэ одобрил проект государственного бюджета на 1987 финансовый г., предусматривавший ассигнования на военные цели в объеме 3 517 млрд иен, что, согласно правительственной оценке, составило бы 1,004 % ВВП. Демонстративный характер этого решения, принятого под давлением милитаристских кругов в правящем лагере, свидетельствовал о решимости снять юридические и психологические ограничения на пути расширения военных приготовлений. Реальную основу для этого создает новая позиция правительства, объявленная 24 января 1987 г., которая предусматривает, что отныне военные расходы будут определяться не на основе их относительного уровня, а исходя из содержания осуществляемых военных программ.

Наступление милитаристских кругов на ограничения военного бюджета тесно связано с их возросшей активностью в ряде других областей внутривластной жизни.

В не меньшей, а зачастую и в большей степени, чем во внутриэкономической и внутривластной жизни, давление военно-промышленных кругов Японии проявляется в сфере внешней политики, и прежде всего в таких вопросах, как курс в области экспорта вооружений и военное сотрудничество с США.

Одной из важнейших целей формирующегося ВПК является отмена запрета на экспорт оружия, представляющего наряду с ограничением объема военных расходов наиболее серьезное препятствие на пути расширения военного производства. При этом в первую очередь приводится тот аргумент, что отсечение корпораций от внешних рынков не позволяет им выходить на экономически оптимальные масштабы производства вооружений и соответственно снижать себестоимость продукции. Параллельно с этим японский военный бизнес ищет обходные пути экспортной экспансии, прежде всего по линии развития военно-технического сотрудничества с Соединенными Штатами, добиваясь от государства официального признания его законности.

Реальная ситуация ныне далека от того, чтобы утверждать, будто в другие страны не попадает японская

продукция, используемая в военных целях. Речь скорее идет о специфическом характере военного экспорта и особенностях международной специализации связанных с ним корпораций страны. Экспортируется продукция так называемого двойного назначения (т. е. потенциально как военного, так и гражданского). В статистике она проходит как составная часть гражданского производства электронной, металлургической и прочих отраслей промышленности. Экспортные ограничения на данные виды продукции не распространяются под тем предлогом, что они могут быть использованы и в мирных целях.

К примеру, в июле 1982 г. фирма «ТДК дэнки» смогла получить от министерства внешней торговли и промышленности (МВТП) разрешение на экспорт ферритовой краски, препятствующей обнаружению самолетов радарными установками. США закупили ее в связи с подготовкой к производству бомбардировщика-«невидимки» «Стелс». Тем не менее МВТП заявило, что приобретение данного товара Пентагоном не дает повода для запрещения его экспорта, поскольку та же краска может быть использована для гражданских целей.

Прикрываясь определением «двойное назначение», японские компании в широких масштабах производят двигатели, станки, телекоммуникационное оборудование и многие иные виды продукции, спрос на которые предъявляют военная промышленность и армии других капиталистических стран, прежде всего США. Усиливается ориентация на военный рынок в электронной промышленности Японии, что непосредственно связано с нарастающей «электронизацией» военной техники. Миниатюризация военной электроники способствует расширению спроса на выпускаемую в Японии продукцию, поскольку предприятия этой страны принадлежат к числу лидеров в области производства мини-ЭВМ, микроэлектронных схем, микропроцессоров.

Существенно повышается роль Японии как крупного поставщика стратегических материалов. Так, японские фирмы заняли ведущие позиции на мировом капиталистическом рынке оптического волокна (более 50 % производства), титана (46 %), промышленной керамики. Все эти материалы пользуются огромным спросом на военном рынке. Японские компании, прежде всего «То-рэй», выступили пионерами в производстве сверхлегкого и сверхпрочного материала — углеродного волокна. По удельному весу оно уступает алюминию, по прочности

превосходит сталь. Это открывает огромные возможности для его использования в военном самолетостроении. «Торэй» поставляет американской военно-промышленной компании «Боинг» до 10 т углеродного волокна в месяц ²⁸.

Особый интерес к японским компаниям как поставщикам целого ряда стратегических материалов и компонентов систем вооружений у Пентагона и военных монополий США появился с начала 80-х годов. Одновременно и японские компании — изготовители соответствующей продукции недвусмысленно заявили о своем стремлении закрепиться на американском рынке вооружений, что сулит им немалые прибыли и, по мнению «капитанов» военного бизнеса, необходимо для того, чтобы удержаться на гребне научно-технического прогресса. Результатом стала значительная интенсификация двустороннего военно-экономического сотрудничества. Правительство Японии, сообразуясь с требованиями военно-промышленных кругов как своей страны, так и США, фактически сняло какие бы то ни было запреты на продажу своему ближайшему союзнику военной продукции и технологий. В январе 1983 г. была сформулирована официальная позиция Токио по данному вопросу, суть которой состоит в том, что такие продажи осуществляются в порядке исключения, а военное сотрудничество с США имеет приоритет перед ограничениями экспорта ²⁹. В ноябре 1983 г. министр иностранных дел Японии С. Абэ и посол США М. Мэнсфилд подписали протокол об обмене военными технологиями ³⁰. Через год была создана совместная комиссия по военным технологиям, рассматривающая конкретные вопросы их передачи ³¹.

Таким образом, хотя официально ограничения на экспорт военной продукции сохраняются, политика их всяческого обхода привела к превращению целого ряда основных отраслей японской промышленности в крупных поставщиков компонентов, материалов, оборудования и технологий для зарубежных, прежде всего американских, производителей вооружений. Такова главная форма специализации Японии на мировом капиталистическом рынке военной продукции.

Важным событием с точки зрения анализа перспектив формирования ВПК и оценки его влияния на политику страны стало решение о присоединении Японии к американской программе СОИ. Соответствующее приглашение было сделано еще в марте 1985 г. мини-

стром обороны США К. Уайнбергером. В процессе подготовки решения в Соединенные Штаты было направлено три миссии в составе представителей государственных органов и частного капитала. В течение 1985—1986 гг. состоялось шесть заседаний министров кабинета, на которых рассматривались различные технические, стратегические и политические последствия участия Японии в этой программе.

Представители оппозиционных партий и демократической общественности страны указывали, что присоединение Японии к СОИ не соответствует задачам внешней политики страны, декларирующей стремление к ядерному разоружению. Оно противоречит парламентской резолюции 1969 г. о мирном использовании космоса, идет вразрез с тремя принципами государственной политики Японии — не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие. Серьезные сомнения высказывались относительно возможности использования в невоенных целях результатов исследований по программе СОИ. Тем не менее 9 сентября 1986 г. правительство Я. Накасона решило начать переговоры с США о выработке конкретного соглашения.

Указанное решение было принято по инициативе и с учетом интересов военно-промышленных кругов, однозначно высказывавшихся за присоединение к СОИ. В правительственных заявлениях отмечалось, что участие Японии в программе СОИ будет осуществляться на уровне как частных компаний, так и государственных учреждений.

Присоединение к СОИ открывает перспективу расширения объема военно-экономического сотрудничества между США и Японией, дальнейшего углубления связей японских производителей вооружения и военной техники с американским ВПК. Оно поднимает на новый уровень взаимоотношения между государством и частным капиталом в области военного производства и НИОКР. Наконец, участие Японии в СОИ будет способствовать укреплению финансовой и технической базы японской военной промышленности.

Стремление части японских монополий форсировать освоение рынка военной продукции внутри страны и за рубежом приобретает особую окраску при тех условиях экономического развития страны, которые сложились после глубокого структурного кризиса середины 70-х годов. Никогда еще в послевоенное время крупнейшие корпорации Японии столь откровенно не делали ставку

на сбыт военной продукции как на средство смягчения проблемы реализации * и стимулятор освоения технологически сложных, наукоемких производств.

Приспособление японских фирм к новым, более «жестким» условиям хозяйственного развития послужило толчком к ускорению модернизации техники и технологий, изменениям в товарной структуре выпускаемой продукции, кардинальной перестройке межотраслевых пропорций. Сдвиги в отраслевой структуре экономики, и прежде всего рост наукоемких отраслей, полностью согласуются с потребностями современного рынка военной продукции, позволяют ему «притягивать» к себе растущее число фирм, действующих в отраслях-лидерах научно-технического прогресса. Не случайно на рынок продукции военного или «двойного» назначения начали активно проникать монополии электронной и электротехнической промышленности, до последнего времени ориентировавшиеся фактически только на гражданские производства. Среди них, в частности, такие гиганты, как «Хитати сэйсакусё» и «Фудзицу».

Поворот к военному рынку в связи с переориентацией на высокосложную специализированную продукцию с повышенными характеристиками отчетливо проявляется в металлургии и судостроении — отраслях, переживающих длительную депрессию. Так, судостроительные монополии рассматривают военные суда как наукоемкую продукцию, которая требует новейшей технологии изготовления и наилучшим образом отвечает нынешней стратегии и техническим возможностям предприятий отрасли. В 1977 г., когда загрузка мощностей в судостроении упала до 60 % от уровня 1974 г. (год, когда была достигнута наивысшая точка циклического подъема), Японская ассоциация судостроителей официально обратилась к УНО с просьбой предоставлять больше заказов на строительство и модернизацию военных судов, чтобы «загрузить» простаивающие предприятия.

Судостроительные компании отнюдь не одиноки в своем стремлении разрешить проблемы реализации при

* Если в 1965—1977 гг. совокупный внутренний спрос возрастал в среднем в год на 8,6 %, то в 1975—1980 гг. — на 4,8, а в 1980—1983 гг. — лишь на 1,3 %. Рассчитано по: Кэйдзай ёран (Сборник экономической статистики). 1985. С. 50—51. Внутренний спрос исчислен как сумма потребительских расходов, текущих расходов государства и некоммерческих учреждений сферы услуг, инвестиций в основной капитал, прироста запасов. Сделана поправка на сальдо торгового и платежного балансов.

помощи военного рынка. Так, с 1981 г. в области производства вооружений заметно активизировалась фирма «Ниссан дзидося» — один из лидеров японского автомобилестроения. Она получила контракты на производство ракет, а в ближайшие годы планирует включить в список выпускаемой продукции и танки. Казалось бы, в автомобилестроении Японии конъюнктура достаточно высокая и в целом довольно стабильная. Тем не менее корпорация мотивировала свое решение неопределенностью долговременных перспектив расширения отраслевых продаж, а также тем, что технологический «спин-офф» может оказаться полезным для освоения производства транспортных средств следующего поколения.

Есть основания ожидать, что дестабилизация хозяйственной конъюнктуры и структурные сдвиги усилят стремление части монополистических кругов Японии форсировать расширение военного производства в целях подстегивания деловой активности и обеспечения сфер приложения капитала.

Влияние формирующегося ВПК на государственную военную политику проявляется в осуществлении широкого круга мероприятий, направленных на активизацию военного сотрудничества с США и расширение масштабов военных приготовлений Японии.

Прежде всего необходимо отметить изменение некоторых важных концептуальных установок, лежащих в основе военной политики Японии. Во-первых, усиливается ее привязка к мировой политике. Раньше состояние мировой обстановки оценивалось преимущественно как фактор, определяющий военную политику Японии *. Сейчас подчеркивается международное значение военных приготовлений Японии, иначе говоря, то формирующее влияние, которое оказывает и должно в будущем оказывать наращивание военной мощи на международное положение страны.

Во-вторых, происходит своего рода «глобализация» внешних рамок японской военной политики. В прошлом признавалась взаимосвязь между «безопасностью» Японии и «безопасностью» Тайваня, Южной Кореи, впоследствии — Дальнего Востока и всей Восточной Азии. Эти положения зафиксированы в японских официаль-

* Такой подход заложен в основу действующей военной программы 1976 г. В документе четко определены международно-политические факторы, при неизменности которых Япония обязалась придерживаться положений программы. Эти факторы сохраняют действие и до настоящего времени.

ных документах и двусторонних японо-американских коммюнике. Сейчас все чаще в них говорится об «обороне Запада» в целом. Реальный смысл этих концептуальных изменений состоит в том, чтобы обосновать необходимость активизации военных приготовлений Японии происходящим осложнением международной обстановки. В официальных японских изданиях по внешнеполитическим и военным вопросам последних лет проводится мысль о том, что в условиях обострения международной напряженности и относительного ослабления мощи Соединенных Штатов Япония как один из членов западного лагеря и вторая по своей экономической мощи держава капиталистического мира должна вносить более весомый «вклад» в «оборону» Запада. Все чаще подобный «вклад» трактуется как усиление военного союза с США, полная поддержка линии Вашингтона и дальнейшее наращивание собственной военной мощи.

Признание международной значимости военных приготовлений Японии и ее роли в «обороне» Запада не соответствует лежащей в основе ее политики концепции наращивания военной мощи в «минимально необходимых пределах исключительно в целях самообороны», что считается допустимым с точки зрения статьи 9 конституции. Перемены в международной обстановке и необходимость выполнения Японией ее «союзнического долга» используются как важнейшие аргументы в пользу пересмотра действующей военной программы в сторону расширения ее масштабов.

Качественные сдвиги произошли в области японо-американского военного сотрудничества. Их основой явилось принятие в ноябре 1978 г. важного политического документа, представляющего собой программу интеграции «сил самообороны» в американскую военно-стратегическую систему. В последующие годы по линии специально созданного двустороннего военного органа проводились «исследования» секретного характера. Их задачей была разработка программы совместных боевых операций вооруженных сил двух стран и мероприятий по их обеспечению, включая осуществление руководства, управления и координации, обмен разведывательными данными, организацию тылового обеспечения. По результатам этих «исследований» в декабре 1984 г. и в декабре 1986 г. подписаны два меморандума, касающиеся действий вооруженных сил двух стран в случае различных вариантов развития международной обстановки на Дальнем Востоке.

Наряду с этим осуществляются практические мероприятия по усилению взаимодействия и повышению оперативной совместимости вооруженных сил США и Японии. С конца 70-х годов происходит постоянная интенсификация программы совместных учений, увеличение их масштабов и продолжительности, привлечение к ним новых видов и родов войск. В рамках японо-американских регулярных консультаций по вопросам военной техники и технологии (проводятся с сентября 1980 г.) решаются проблемы обеспечения стандартизации вооружений и средств связи.

Японией сделаны первые шаги к принятию внешних обязательств военного характера в северо-западной части Тихого океана. В совместном японо-американском коммюнике (май 1981 г.) премьер-министр Д. Судзуки признал «желательным надлежащее разделение ролей между Японией и Соединенными Штатами» и заявил о готовности «прилагать еще большие усилия для целей укрепления оборонного потенциала на японских территориях и в окружающем Японию морском и воздушном пространстве»³². 20 мая 1982 г. созданный при кабинете министров новый орган — Совет комплексного обеспечения безопасности принял «единую точку зрения», предусматривающую создание военного потенциала для охраны двух морских коммуникаций протяженностью 1000 миль, ведение противолодочных операций в более широкой зоне и блокирование трех международных проливов. На решение этой задачи направлена очередная военная программа на 1986—1990 гг.

Японское военное командование осуществляет разработку стратегии действий «сил самообороны» в условиях «чрезвычайных обстоятельств» на Дальнем Востоке с учетом той роли, которая возлагается на них в рамках совместной японо-американской системы. Параллельно с этим осуществляется подготовка законодательства военного времени, которое должно послужить юридической основой для действий «сил самообороны» в условиях «чрезвычайных обстоятельств».

* * *

Таким образом, после второй мировой войны развитие связей между монополиями и государством по военной линии происходило в Японии в специфических условиях, сложившихся в результате поражения японского милитаризма в войне и до сих пор во многом определяющих экономическую и социально-политиче-

скую ситуацию в стране. Помимо статьи 9 конституции в Японии сохраняет силу ряд политических ограничений, касающихся масштабов и темпов наращивания военной мощи, объема и характера военного производства, экспорта оружия, основных направлений и темпов строительства вооруженных сил, роли и места военного истеблишмента в политической жизни страны. Специфика хозяйственного развития и экономическая стратегия государства предопределили сравнительную узость внутреннего военного рынка, относительно невысокий уровень военных исследований и разработок. В результате в целом процесс формирования ВПК в Японии развивался и развивается значительно медленнее, чем в большинстве других развитых капиталистических стран.

В настоящее время, однако, в Японии уже достаточно четко просматриваются группы и организации, аналогичные тем, которые составляют основные компоненты ВПК в других капиталистических государствах. Так, обозначился круг частных компаний, постоянно занимающихся военным производством, среди них выявились ярко выраженные лидеры. Интересы производителей военной продукции в политических и деловых кругах страны представляют специально созданные для этой цели органы. Ускоряется процесс формирования кадровой военной бюрократии. Высокую активность проявляют политические деятели, чиновники государственного аппарата и функционеры правящей Либерально-демократической партии, занимающиеся разработкой военной политики. Названные группировки имеют общие интересы, связанные с активизацией военных приготовлений страны, ослаблением контроля над экспортом оружия, расширением военного производства для УНО, а также с увеличением военного бюджета и государственных ассигнований на военные исследования и разработки.

Существующие между ними связи приобретают все более устойчивый характер. Все чаще эти силы выступают как особый альянс, преследующий свои специфические цели, оказывают растущее влияние во многих конкретных областях экономики и внутривнутриполитической жизни страны, участвуют в определении ее внешнеполитического курса. Однако есть границы такому влиянию. По причинам политического и экономического характера правящий класс не считает в настоящее время целесообразным форсировать процесс формирования военно-промышленного комплекса.

МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Одним из наиболее опасных для дела мира моментов, характеризующих негативную роль военно-промышленных комплексов империалистических государств, является прогрессирующее расширение сферы их деятельности за пределы США и других стран — членов блока НАТО. Активизация этого процесса происходит в условиях, когда все более и более важной становится задача прекращения гонки вооружений, борьба против милитаристских сил, действующих с целью недопущения кардинального оздоровления обстановки в мире.

1. Причины выхода ВПК на международную арену

В условиях глубоких изменений, происходящих в мире, милитаристские круги в империалистических странах, представленные прежде всего ВПК, пытаются воспрепятствовать уменьшению роли военного компонента в международных отношениях, расширить пространственные границы вооруженного противостояния двух систем. Для чего, в частности, реализуется концепция создания *совокупной военной мощи* империализма, призванная стать материальной базой доктрины прямого военного противостояния СССР на глобальном и региональном уровнях. Иными словами, речь идет о попытках создания глобальной системы военно-политических блоков и объединений, направленных против мира социализма, против национально-освободительного движения.

При анализе причин и условий расширения сферы деятельности военно-промышленных комплексов ведущих капиталистических стран после второй мировой войны важно иметь в виду, что на функционирование ВПК в полной мере оказывают влияние все основные закономерности, присущие империализму, такие, как обострение межимпериалистических противоречий, борьба за рынки сбыта, сферы приложения капитала

и т. д. Эти факторы в силу самой природы монополистического капитализма «выталкивают» военно-промышленные комплексы за пределы национальных границ, в значительной мере определяют масштабы и направления их деятельности на международной арене. Но тем не менее основной движущей силой столь активного расширения сферы деятельности военно-промышленных комплексов, ее глобализации все больше становится в современных условиях стремление к формированию такой военно-политической и военно-экономической структуры, которая соответствовала бы долгосрочным стратегическим целям империализма в борьбе против Советского Союза и других социалистических стран, против революционных сил, борющихся за социальное и национальное освобождение. Таким образом, именно политические, а не экономические соображения в первую очередь определяют параметры исследуемого процесса. Военно-промышленные комплексы во внешних связях — орудие империалистической политики.

Это в полной мере проявилось прежде всего в самом блоке НАТО. Военно-промышленный комплекс США, наиболее мощный и зрелый, фактически с момента создания НАТО начал активно распространять свою деятельность на западноевропейские страны, способствуя появлению и укреплению в их политике милитаристских тенденций и их материальной базы, в первую очередь военной промышленности, и, наконец, национальных ВПК в ряде стран. По существу это ознаменовало собой первый этап выхода ВПК за национальные границы. Несколько позже и в меньших масштабах такая же картина повторилась и во взаимоотношениях с Японией.

Усилившаяся на протяжении последних 20 лет военная и военно-экономическая интеграция в западноевропейском регионе блока, возникшая там тенденция к формированию регионального ВПК — еще одна яркая сторона процесса выхода военно-промышленных комплексов за национальные границы.

Все эти процессы сохраняют свое значение и сейчас. Военно-промышленные комплексы стран НАТО, и прежде всего США, играют важнейшую роль в усилиях по наращиванию военной мощи блока и империализма в целом. Достаточно сказать, что военные расходы в странах НАТО — питательная среда экономического и политического влияния ВПК — превысили в 1986 г. 400 млрд долл.¹ В производстве вооружения и

военной техники заняты миллионы людей, а военно-промышленные монополии укрепляют свои позиции в экономике.

Вместе с тем ВПК империалистических стран все активнее и активнее начинают действовать за пределами НАТО, стремясь поставить на службу своим военным приготовлениям ресурсы как можно большего числа государств в различных регионах мира. В Резолюции XXVII съезда КПСС по Политическому докладу ЦК отмечается, что жесточайшая эксплуатация развивающихся государств становится все более важным фактором финансирования милитаристских приготовлений империализма².

Правящие круги США и других стран НАТО рассматривают «внешнюю» деятельность ВПК в качестве важнейшего элемента усилий, направленных на достижение ряда целей. Среди них наиболее существенными представляются следующие:

- широкое использование растущих экономических и военно-политических возможностей значительной группы стран за пределами блока НАТО для дальнейшего нагнетания гонки вооружений, непосредственного вовлечения этих стран в процесс наращивания военной мощи империализма;

- формирование в таких странах как в экономической, так и в политической сферах достаточно влиятельных сил, заинтересованных в сохранении на длительный срок сотрудничества с империалистическими государствами;

- обеспечение США и другим странам НАТО гарантированного доступа к источникам сырья; расширение рынков сбыта не только для продукции военного назначения, но и для широкой номенклатуры других изделий, выпускаемых зачастую теми же западными военно-промышленными фирмами;

- повышение прибыльности военного производства путем как увеличения серийности, так и перекладывания части расходов на создание новых образцов вооружений и военной техники на плечи других стран в результате продажи им крупных партий новейшего оружия, а также путем использования в целом ряде случаев более дешевой рабочей силы в странах за пределами НАТО для выпуска либо тех или иных видов вооружения и военной техники, либо отдельных узлов и агрегатов.

Особенно важно подчеркнуть, что, вовлекая в сферу

своего влияния различные страны, ВПК стремятся к созданию в них такой внутривластной ситуации, которая бы обеспечивала их как можно более устойчивую прозападную, антисоветскую ориентацию. Характеризуя международные аспекты деятельности американского ВПК, французский журнал «Монд дипломатик» писал: «Речь идет о совершенно новом явлении — о передаче не только самих изделий, но и всей системы отношений, которые сегодня ассоциируются с выражением «военно-промышленный комплекс». Дело в том, что, вступая в сотрудничество с иностранными государствами... крупная военная фирма неизбежно воспроизводит за границей ту же самую схему политического, военного и экономического сговора, который превратился сегодня в отличительную черту американской жизни»³.

В этой связи отметим, что было бы неправильным говорить о вовлечении в сферу деятельности и влияния военно-промышленных комплексов США и других стран НАТО любого государства в связи с каждым случаем продажи ему западного оружия, передачи технологии и т. п.

Например, достаточно хорошо известно, что Индия закупает часть необходимого ей вооружения у капиталистических стран, а также прибегает к их услугам для развития своей военной промышленности. Вместе с тем, несмотря на довольно значительные масштабы подобных связей Индии, ее независимый внешнеполитический курс, имеющий четкую антиимпериалистическую, антимилитаристскую направленность, в полной мере сохраняется и укрепляется, представляя собой весьма существенный позитивный фактор современной международной обстановки.

Приведенный пример, да и ряд подобных говорят о том, что при оценке возможностей и перспектив вовлечения различных стран в сферу деятельности военно-промышленных комплексов было бы правильным исходить в первую очередь из того, имеется ли общность интересов в военно-политической сфере между этими странами и империалистическими государствами. Лишь при наличии такой общности можно достаточно определенно говорить о том, что действительно существует возможность вовлечения какой-либо страны в орбиту влияния военно-промышленных комплексов США и ряда других членов НАТО, их втягивания в осуществляемый империалистическими государствами курс на даль-

нейшее нагнетание гонки вооружений и обострение международной напряженности.

Активная международная деятельность военно-промышленных комплексов вне НАТО — явление относительно новое. Конечно, империалистические страны и ранее стремились к укреплению своего влияния за пределами блока. Однако в военной и военно-политической сферах в 50-е и 60-е годы эта задача решалась прежде всего путем заключения различных межправительственных соглашений и договоров, оказания военной «помощи», создания военных баз и т. д. Что касается экономического аспекта взаимоотношений, то первоочередную роль играли экспорт капитала и укрепление позиций ведущих монополий на рынках сбыта гражданской продукции. Это объяснялось во многом тем, что за пределами НАТО среди партнеров США и других членов блока по существу не было государств, могущих самостоятельно вести интенсивные военные приготовления. Для этого не было у них ни экономической, ни технической базы, а если таковая существовала, то действовал целый ряд ограничивающих факторов политического характера (как в Японии). Закупки этими государствами оружия и военной техники в западных странах были в целом невелики и к началу 70-х годов составляли лишь около 1 млрд долл. в год, их собственная военная промышленность находилась на начальной стадии развития, сравнительно невысоки были и военные расходы. Все это ограничивало и возможности расширения деятельности ВПК ведущих стран НАТО за пределами блока.

На протяжении 70-х годов ситуация резко изменилась. Многократно выросли экономические, а как следствие и военно-экономические возможности целого ряда стран. Кроме того, в силу различных обстоятельств (среди которых важное место занимают экономическое и политическое давление со стороны США, нерешенные региональные проблемы, а в ряде случаев и антисоветский, проимпериалистический внешнеполитический курс тех или иных государств) эти страны начали проявлять растущую активность в военной и военно-экономической сферах. Быстро росли военные расходы, увеличивались закупки новейшего вооружения и военной техники, возникла и собственная военная промышленность.

Перечисленное создало основу для определенного усиления позиций в этих странах экономических и поли-

тических группировок, связанных как с военным бизнесом, так и с курсом на сотрудничество в военной сфере с империалистическими государствами — членами НАТО. Следовательно, сложилась ситуация, благоприятная для того, чтобы в той или иной форме и степени в такого рода странах возникали условия для появления и закрепления в них упоминавшейся схемы «политического, военного и экономического сговора», которая характеризует деятельность ВПК в ведущих странах НАТО.

Нет необходимости перечислять все те страны, которые так или иначе попали в сферу деятельности военно-промышленных комплексов США и их основных партнеров по НАТО. Наиболее ярко экспансия этих ВПК проявляется применительно к таким странам и территориям, как Израиль, ЮАР, Тайвань, Южная Корея, Пакистан, Саудовская Аравия, Египет, страны АСЕАН (Таиланд, Малайзия, Филиппины, Индонезия, Сингапур), а также Бразилия, Австралия и занимающая особое положение Япония. Все они без исключения имеют достаточно большие военные расходы, которые особенно быстро увеличивались на протяжении 70-х — начала 80-х годов (табл. 4), закупают основную часть вооружения, продаваемого США и другими членами

Т а б л и ц а 4. Основные данные, характеризующие экономическое и военно-экономическое развитие ряда государств и территорий за пределами НАТО (в млрд долл. США, в текущих ценах)

	Военные расходы			Валовой национальный продукт		
	1970	1980	1986	1970	1980	1985
Израиль	1,43	4,83	5,38	5,4	23,0	22,0
ЮАР	0,46	2,55	2,27	17,6	54,3	59,8
Южная Корея	0,33	3,47	4,85	8,3	60,3	83,2
Тайвань	0,48	3,20	4,20	5,5	38,0	62,7
Пакистан	0,60	1,42	2,07	16,0	30,0	31,3
Саудовская Аравия	0,39	10,77	17,69	4,1	95,0	93,7
Египет	1,26	2,15	5,22	6,4	20,6	43,6
Таиланд	0,24	1,10	1,52	6,1	31,1	38,9
Малайзия	0,18	1,56	1,79	3,4	22,0	31,4
Филиппины	0,11	0,77	0,51	5,9	36,0	33,5
Индонезия	0,27	2,12	2,06	11,6	67,7	81,9
Сингапур	0,11	0,60	1,20	1,8	9,4	17,9
Бразилия	0,58	2,02	1,06	40,1	215,0	214,7
Австралия	1,26	4,23	4,63	34,4	142,0	155,8
Япония	1,64	12,64	20,13	195,0	975,7	1220,7

Источники: The Military Balance 1970/71, 1971/72, 1981/82, 1986/87.

НАТО, и так или иначе связаны с Соединенными Штатами и их союзниками по блоку в политической сфере. Разумеется, между ними имеются очень большие различия по целому ряду важнейших характеристик — и политических, и экономических.

Если, например, Япония относится к числу «привилегированных» союзников США, все более активно участвует в проведении империалистической внешней политики, обладает огромным экономическим и научно-техническим потенциалом, то Израиль, Тайвань, Южная Корея, ЮАР полностью зависимы от поддержки ведущих империалистических государств. Если с Саудовской Аравией и Пакистаном у США сложились весьма тесные взаимоотношения в военно-политической области, то с Египтом, Бразилией и некоторыми членами АСЕАН они складываются весьма сложно и противоречиво. Если в Южной Корее, Израиле, не говоря уже о Бразилии и Японии, имеется развитая военная промышленность*, в Египте, Индонезии и Пакистане она находится в стадии формирования, то на Филиппинах, в Таиланде процесс создания военной промышленности лишь начинается.

Картина оказывается, таким образом, достаточно пестрой, отражая своеобразие условий и возможностей деятельности военно-промышленных комплексов государств — членов НАТО в названных странах. Эта деятельность не изолирована от межгосударственных отношений, в рамках которых используются многообразные каналы и связи для вовлечения тех или иных стран в сферу военно-политического влияния блока НАТО. Однако деятельность военно-промышленных комплексов на международной арене по мере ее активизации превращается во все более мощный рычаг экономического и политического воздействия на эти страны, имеющий во многом самостоятельное значение. Такая роль ВПК в ряде случаев может даже выглядеть независимой от межгосударственных отношений. Но по сути дела именно при активном участии ВПК в несоциалистическом мире происходит создание структуры многообразных и устойчивых международных взаимосвязей в военной и военно-экономической областях.

Военно-промышленные комплексы стран НАТО стремятся к расширению сферы своего влияния во

* Так, численность занятых в военной промышленности Бразилии превышает 100 тыс. человек (International Defense Review. 1985. № 9 P. 1413—1432).

всех регионах мира. Последствия такого своего рода «экспорта милитаризма» могут заметно отличаться от страны к стране. Если в Японии происходит формирование ВПК, хотя и связанного (а точнее — взаимодействующего) с американским ВПК, но тем не менее имеющего ярко выраженные национальные корни, то иначе обстоит дело в Израиле и Южной Корее. Здесь возникают по сути дела «филиалы» военно-промышленного комплекса США.

Гонка вооружений, навязываемая военно-промышленными комплексами империалистических стран, уже оказывает резко негативное воздействие на самые различные стороны жизни значительной группы стран, особенно развивающихся, а в перспективе может привести к еще более тяжелым последствиям. Фактически речь идет о насаждении милитаризма во многих странах за пределами НАТО, о создании условий, которые позволили бы правящим кругам империалистических государств рассматривать их в качестве промежуточных «опорных баз» в своей стратегии глобального противостояния СССР и другим странам социализма.

2. Формы и методы внешней экспансии ВПК

В зависимости от характера международных связей, уровня экономического и научно-технического развития стран за пределами НАТО военно-промышленные комплексы действуют по-разному, добиваясь здесь закрепления своих позиций. Многообразны применяемые ВПК для достижения этих целей способы. Сосредоточим, однако, внимание на наиболее существенных видах международных связей в военно-экономической области, используемых для расширения сферы деятельности ВПК ведущих стран НАТО, насаждения милитаризма за пределами блока.

Основой могущества ВПК США и других стран НАТО является мощная военная промышленность, представленная крупными диверсифицированными компаниями, многие из которых — транснациональные. Ведущую роль в этом плане играет, конечно, ВПК США, опирающийся на огромные экономические и научно-технические ресурсы страны. Расширение сферы влияния американского, да и других ВПК было бы невозможным без наличия такой развитой военной индустрии, границы деятельности которой к тому же в современных условиях уже далеко выходят за рамки создания и производства лишь вооружения и военной техники, охваты-

вая значительную часть смежных отраслей, а также сферу исследований и разработок. Это особенно характерно для последних лет, так как период «анклавного» развития военной промышленности, очевидно, окончательно завершился. В огромной степени ее уровень определяется состоянием именно «смежных» отраслей.

Помимо США возможностями для производства вооружения и техники в массовых масштабах обладают западноевропейские страны НАТО, а в перспективе и Япония. Однако между ними есть весьма важное различие. Если Япония начинает разворачивать производство вооружений, опираясь на национальные возможности, хотя и привлекая американскую технологию, то западноевропейские страны сумели создать свой военно-промышленный потенциал в значительной мере в результате объединения усилий в процессе расширения и углубления региональной военно-технической и военно-промышленной интеграции. В этом — принципиальная особенность военной промышленности западноевропейского региона. Важно отметить, что если раньше такие интеграционные процессы развивались в основном в авиаракетной промышленности, что связано с особо большой сложностью, стоимостью и наукоемкостью ее продукции, то в последние годы эти процессы все в большей степени распространяются и на другие военно-ориентированные отрасли. Более того, продолжение и углубление интеграции считается жизненно важным для военной промышленности региона⁴.

Что же касается Японии, то, по всей вероятности, перспективы развития ее военной промышленности связаны со спецификой той роли, которая отводится Японии в глобальной военно-политической стратегии империализма, а именно с ориентацией страны на развитие ВВС и ВМС в отличие от европейских союзников США, развивающих в рамках региона в равной степени все три вида вооруженных сил.

Таким образом, структура совокупной мощи, создаваемая империалистическими странами, опирается на два мощных звена военного производства — США и Западную Европу, уже сейчас вполне сопоставимых по многим показателям в области создания обычных вооружений, с перспективой увеличения роли третьего звена — Японии.

Важно, что и США, и Западная Европа, и Япония в целом вполне сравнимы между собой по техническому уровню выпускаемой продукции, по производительности

труда и другим важным показателям. Все они имеют крупные военно-промышленные концерны. Поэтому по мере развития военной промышленности в Западной Европе, а впоследствии, вероятно, и в Японии военно-промышленные монополии США могут в тех случаях, когда им это необходимо, сосредотачивать свои усилия на разработке новейших видов вооружения и военной техники, наиболее полно соответствующих тем требованиям, которые предъявляет к ним американская военная доктрина, и воплощающих в себе последние достижения науки и техники. Разработка же вооружения и военной техники, предназначенных в первую очередь для относительно узких задач и, несмотря на высокую стоимость, все же относительно менее сложных, частично перекладывается на плечи союзников. Одновременно военно-промышленные монополии США стремятся использовать в своих целях те научно-технические достижения других стран НАТО и Японии, которые могут ускорить создание новейших систем оружия, как это, например, имеет место в связи с СОИ.

Одним из важнейших результатов расширения сферы деятельности военно-промышленных комплексов является быстрое увеличение числа стран, обладающих уже более или менее развитой военной промышленностью, способной производить определенные виды вооружения и техники и, кроме того, осуществлять их обслуживание и снабжение запчастями. Еще десятилетие назад таких возможностей у союзных с США стран за пределами НАТО по существу не было, за исключением Японии. В настоящее время собственное многоотраслевое военное производство имеют Бразилия, Южная Корея, ЮАР, Израиль, а также Тайвань. В число их быстро входят Австралия и Египет.

Судя по всему, создание периферийных производственных звеньев, способных покрывать часть потребностей в вооружении, технике и запасных частях, будет продолжаться довольно быстрыми темпами, охватывая и те страны, которые еще недавно вообще не имели практически никакой военной промышленности. Примером является Пакистан, военное производство которого быстро увеличивается и который начал даже экспортировать вооружение⁵. Интенсивный процесс создания современной военной промышленности охватил и некоторые арабские страны, связанные с США и НАТО, и ряд стран АСЕАН⁶.

Однако во всех этих случаях упор делается все же на

производство не наиболее сложных видов вооружения и техники, а относительно простых (хотя, конечно, лишь по современным понятиям), таких, как боеприпасы, артстрелковое вооружение, противотанковые ракеты, некоторые образцы бронетанковой техники, небольшие надводные корабли, вертолеты. Что же касается производства за пределами НАТО продукции, отличающейся наибольшей сложностью, то, как правило, оно связано с поставками из стран блока многих основных узлов и агрегатов.

Такого рода специализация на выпуске отдельных комплектующих изделий, сочетающаяся с поставками по кооперации наиболее сложных в техническом и производственном отношении деталей и узлов, в наибольшей степени соответствует реальным возможностям этих стран в военно-экономической сфере. Совместное производство, как показывает опыт ряда стран, может быть ориентировано на рост таких возможностей с прогрессирующей заменой поставок по кооперации собственной продукцией. Эта система помимо связанных с ней политических и экономических расчетов и выгод для военно-промышленных комплексов стран НАТО по существу служит своего рода гарантией от захвата «новичками» части контролируемого ВПК стран НАТО рынка вооружений. С этой точки зрения характерен пример Южной Кореи, где в результате роста выпуска продукции военной промышленности примерно 90 % снаряжения, необходимого для южнокорейских вооруженных сил, производится на месте с использованием, разумеется, американских лицензий и соглашений о совместном производстве. Одновременно растет экспорт из Южной Кореи относительно простых и дешевых видов вооружения и военной техники.

Военно-промышленные комплексы действуют активно и в сфере использования «традиционных» базовых отраслей промышленности для обеспечения функционирования военного производства. Ведущие капиталистические страны, которые производят в значительных количествах вооружение и военную технику, имеют в общем собственные достаточно развитые базовые отрасли промышленности, что, однако, не исключает необходимости поставок из других стран. Речь идет о различных видах промышленного оборудования, отдельных видах материалов и т. п.

Нельзя не обратить внимание еще на одну сторону развития мирохозяйственных связей военно-экономиче-

ского характера. Дело в том, что специализация, связанная с международным разделением труда, имеет два основных направления — это специализация продуктовая и специализация подетальная (добавим — поэтапная *). В различных условиях преобладает то один, то другой вид специализации. Продуктовая специализация характерна прежде всего для европейских стран, а также Японии и в относительно малой степени затронула Соединенные Штаты. В Западной Европе негативные с военно-экономической точки зрения последствия такой специализации каждой отдельной страны во многом сглаживаются интеграционными процессами в регионе.

Иначе обстоит дело со специализацией подетальной и поэтапной. Дело в том, что ряд производств в этом случае выносятся из наиболее высокоразвитых стран в страны с относительно низким уровнем развития, с дешевой рабочей силой, сырьем и т. п. Это явление связано с политикой монополий, стремящихся таким путем оптимизировать структуру производства, получить в результате экономические преимущества. Таким образом, функционирование целого ряда отраслей в развитых капиталистических странах оказывается нередко в зависимости от прямых производственных связей с другими, прежде всего развивающимися, странами. Такие связи, имеющие отчетливо выраженные военно-экономические аспекты, затрагивают интересы военно-промышленных комплексов, а поэтому нередко оказываются в сфере их деятельности.

Большое значение имеет проблема обеспечения военно-экономической деятельности энергетическим и другими видами сырья. По существу одним из важнейших моментов, определяющих выбор тех стран, в привязке которых к создаваемой военной и военно-экономической структуре особенно заинтересованы правящие круги империалистических государств, является как раз их возможность обеспечивать партнеров различными сырьевыми ресурсами. Так, например, США в начале 80-х годов вывозили из стран АСЕАН более 90 % импортируемого каучука, 76 % олова и т. п.⁷ И здесь особенно велика роль «сырьевых» монополий, которые в ряде случаев действуют в развивающихся странах рука об

* В литературе, как правило, выделяются продуктовая и подетальная специализация. Однако для целей нашего исследования целесообразно говорить еще и о поэтапной специализации, которая, хотя и близка по смыслу к подетальной (изготовление частей целого), включает в себя также различные этапы этого изготовления, начиная, например, от добычи сырья.

руку с западными военно-промышленными компаниями.

Эта проблема имеет несколько «срезов», во многом отражающих как региональную, так и военно-экономическую специфику. Сами США, хотя и зависят от импорта сырья и более чем на 50 % обеспечиваются внешними поставками по 40 важнейшим видам минерального сырья⁸, тем не менее находятся в исключительном положении среди всех своих наиболее развитых в экономическом отношении союзников. Это объясняется, в частности, наличием многих видов сырья на их собственной территории, и импорт этого сырья часто связан не столько с ограниченностью внутренних ресурсов, сколько с чисто экономическими факторами (а также стремлением к сохранению собственных запасов). Кроме того, они могут рассчитывать на огромные природные ресурсы своего союзника и соседа — Канады. Наконец, США осуществляют тесное экономическое сотрудничество с такими близлежащими странами, как Мексика и Венесуэла, которые играют важную роль в поставках нефти и нефтепродуктов на американский рынок.

Совершенно иначе обстоит дело для западноевропейского региона НАТО, а также Японии и ряда менее крупных, но относительно развитых в индустриальном отношении партнеров США. Их зависимость от внешних поставок огромна и вряд ли может быть каким-либо образом компенсирована в случае их прекращения. Кроме того, они по многим причинам не создают таких крупных запасов стратегического сырья, как США. Эти обстоятельства заставляют их весьма активно действовать вместе с США в тех странах и регионах, которые важны для них с точки зрения сырьевого обеспечения. В свою очередь США широко используют экономическое и политическое влияние и интересы европейских стран НАТО для обеспечения доступа к источникам сырья в странах Африки, например, таких, как Заир и Замбия, в которых сосредоточено 65 % мировых запасов кобальта и где влияние самих США относительно невелико.

Сейчас, на наш взгляд, просматривается совершенно четкая тенденция — стремление Запада в значительной мере решить проблему сырьевого обеспечения империалистических стран путем сотрудничества между ними с целью как можно более прочно привязать, сделать частью совокупной мощи империализма страны, обладающие наибольшими энергетическими и сырьевыми ре-

сурсами. Это одно из важных направлений деятельности военно-промышленных комплексов и других империалистических сил США и их партнеров по НАТО. Здесь образуются своего рода линии сырьевого взаимодействия, ориентированные на обеспечение бесперебойных поставок, такие, например, как США — Западная Европа — страны Ближнего и Среднего Востока, США — Австралия — Япония — страны АСЕАН и т. п. Все партнеры как бы взаимодополняют друг друга, ориентируясь в конечном счете на обеспечение сырьевых нужд всей формируемой структуры.

Весьма важным рычагом расширения сферы влияния ВПК США и других главных стран НАТО за пределы блока служит экспорт современного оружия и боевой техники и создание условий для их обслуживания и использования. Достаточно указать, что за полтора десятилетия (с 1970 г.) ежегодная продажа оружия ведущими странами НАТО увеличилась (в текущих ценах по стоимости контрактов) примерно в 20 раз, почти до 30 млрд долл.⁹ При этом основная часть вооружения продается ими именно тем государствам, которые рассматриваются империалистами в качестве хотя бы потенциальных союзников. Характерно, что если в период с 50—60-х годов продажа американского вооружения союзникам по НАТО составляла примерно 70 % общего ее объема, то в 1971—1975 гг. эта доля упала уже до 26 %¹⁰, а в середине 80-х годов — и того меньше: по нашим оценкам, до 16—20 %. Что же касается других стран НАТО, то более 90 % их экспорта вооружения приходится на долю развивающихся стран (в первую очередь тех, которые в большей или меньшей степени относятся к категории их партнеров). Даже у ФРГ, экспорт которой в страны вне НАТО ограничен, более $\frac{2}{3}$ этого экспорта приходится на такие страны¹¹. Всего же за последние 10 лет государства — члены НАТО продали им вооружения почти на 200 млрд долл.¹²

Из многоплановых последствий экспорта оружия наиболее очевидным является то, что страны, покупающие у США и других членов НАТО новейшее, наиболее мощное вооружение, по существу создают у себя своего рода арсеналы, которые могут использоваться не только их собственными вооруженными силами, но и в случае необходимости вооруженными силами стран НАТО. Это одна из наиболее эффективных форм использования материальных ресурсов стран за пределами НАТО в целях наращивания совокупной мощи империализма.

Важно также подчеркнуть, что сама практика продажи новейшего вооружения и техники в страны за пределы НАТО приобрела столь широкий характер сравнительно недавно и фактически полностью оттеснила преобладавшие прежде поставки устаревших образцов.

Закупки вооружения неизбежно сопровождаются приглашением значительного числа инструкторов, технических специалистов; увеличивается и число собственных специалистов, могущих использовать и обслуживать эту технику и вооружение. Наконец, уже говорилось о том, что ни количество, ни качественные характеристики закупаемого вооружения очень часто не адекватны военным проблемам регионального характера. Часть его просто не может быть в полной мере «переварена» собственными вооруженными силами. Этим подтверждается, что наряду с укреплением национальных вооруженных сил создаются дополнительные благоприятные условия для обеспечения интересов вооруженных сил США, а также, в ряде регионов, и других стран НАТО. Важно, что закупаемое вооружение и техника, как правило, однотипны с теми образцами, которыми в настоящее время оснащаются вооруженные силы империалистических государств.

Что касается этих дополнительных функций, то здесь весьма характерным является пример с системой АВАКС. Например, официальным поводом для ее закупки Саудовской Аравией была необходимость защиты ее воздушного пространства от возможного нападения со стороны Ирана. По существу же речь идет о том, что США, гибко сочетая определенные политические намерения Саудовской Аравии с собственными глобальными военно-стратегическими задачами, увеличили за счет саудовцев общее число самолетов АВАКС примерно на 10 % и тем самым получили возможность расширить общую зону патрулирования этой системой, к тому же в регионе, где использование самолетов, принадлежащих самим США, затруднительно. Возможные закупки АВАКС другими странами вне НАТО (например, Пакистаном) также рассматриваются американцами под этим углом зрения.

Попутно отметим, что постепенно увеличиваются и экспортные продажи вооружения у стран, растущая военная промышленность которых выпускает относительно простые виды вооружения, например у Южной Кореи, Египта, Израиля, а также у Тайваня (хотя сами они, как уже указывалось, в свою очередь покупают

у ведущих стран НАТО наиболее современное и сложное вооружение). Это связано со сравнительной дешевизной выпускаемой ими продукции военного назначения, однотипностью и взаимозаменяемостью с американским (или западноевропейским), так что серьезных дополнительных проблем с эксплуатацией и обслуживанием не возникает.

Другим важным последствием деятельности военно-промышленных комплексов по увеличению экспорта оружия является то, что значительный объем таких продаж вооружения и военной техники помогает странам-производителям поддерживать в рабочем состоянии значительную часть производственных мощностей (в ряде случаев — до 50 %) без затрат на это дополнительных средств, снижает издержки выпускаемой продукции и в конечном счете в немалой степени способствует повышению мобилизационной готовности военной промышленности. Так, необходимость ускорения выполнения экспортных заказов без одновременного срыва сроков поставок самолетов F-16 американским ВВС привела к увеличению ежемесячного темпа выпуска этих самолетов на 20 %¹³.

Существует еще одна, в значительной степени скрытая, сфера деятельности военно-промышленных комплексов на международной арене. Речь идет об усовершенствовании и развитии инфраструктуры. Эта сфера остается в тени потому, что она связана не только с решением военных задач, но и со всем комплексом экономического развития. Как правило, те страны, которые являются основными покупателями практически всей номенклатуры обычных вооружений и техники, сильно отстают в экономическом развитии, в том числе и в том, что касается инфраструктурного оборудования территории. Строительство дорог, портов, аэродромов, систем связи и т. п. по существу представляет собой составную часть милитаристских процессов в развивающихся странах, навязываемых империализмом в интересах создания противостоящей социализму совокупной мощи. Без развития инфраструктуры нельзя ни эффективно использовать имеющуюся технику, ни развертывать вооруженные силы. Правда, в ряде случаев страны НАТО, в основном США, как и в прежние годы, сами строят или расширяют соответствующие сооружения (в Сомали, Омане и т. д.). Но во все большей степени и эта статья расходов ложится на плечи самих развивающихся стран. Так, по заявлению заместителя госсекрета-

рия США У. Шнейдера на слушаниях в конгрессе 28 марта 1985 г., Саудовская Аравия заключила только с американскими компаниями контрактов на сооружение военной инфраструктуры на общую сумму более 20 млрд долл.

Большие усилия прилагают в этой области такие страны, как Египет, Пакистан, страны АСЕАН и т. д. Если бы государствам — членам НАТО самим пришлось развивать инфраструктуру в данных странах даже только в военных целях, то это обошлось бы им дополнительно во многие десятки миллиардов долларов. Вместе с тем столь широкие масштабы строительства приводят к тому, что в развивающиеся страны весьма прочно внедряются американские и другие корпорации, которые, даже если они формально не связаны с военным бизнесом, по существу оказываются активнейшими участниками военных приготовлений в международном масштабе (как, например, гигантская американская корпорация «Бектел»).

Новая стратегия США резко увеличила военно-экономическую значимость такой формы сотрудничества, как предоставление партнерами вне НАТО территории для использования ее вооруженными силами стран НАТО. Мы не будем касаться специфического и сложного вопроса об условиях такого использования. В одних случаях американцы могут пользоваться имеющимися базами и другими сооружениями на постоянной основе, как в рамках НАТО, в других — речь идет о предоставлении им этого права в случае возникновения некоей «внешней угрозы». Но, как бы то ни было, без таких возможностей США вряд ли могли бы ориентироваться на использование своих вооруженных сил в удаленных районах. Даже если бы было реальным пойти по пути еще более резкого наращивания числа авианосцев, десантных судов, кораблей снабжения и военно-транспортной авиации (что стоило бы многие десятки миллиардов долларов), это, вероятно, ни при каких обстоятельствах не могло бы компенсировать отсутствие опорных пунктов на территории партнеров в различных районах мира. Если добавить обстоятельство, что в целом ряде случаев предоставляемые странам НАТО (и прежде всего США) сооружения построены полностью или частично на собственные средства этих стран, военно-экономическая значимость «территориального» фактора еще более возрастает.

Вместе с тем это и одна из наиболее рискованных

форм сотрудничества с США, так как наличие американских вооруженных сил на территории той или иной страны может означать автоматическое вовлечение ее в конфликт, даже если бы сама она хотела его избежать. Нельзя, кстати говоря, исключать и того, что ценность непосредственного военного присутствия в различных странах определяется для американской стороны и этими соображениями, а не только с точки зрения самостоятельной значимости тех или иных баз и сооружений. США могут рассматривать такое присутствие как своего рода гарантию эффективности всей структуры совокупной мощи (или ее региональных элементов) в случае возникновения вооруженного конфликта.

Использование баз и других сооружений, как известно, относится к сфере межгосударственных отношений. Известно, однако, что появление иностранных баз на территории различных государств открывает дорогу другим формам связей, в которых уже самое активное участие принимают военно-промышленные круги империалистических стран. В этом также проявляется использование ВПК в интересах государственной политики империалистических государств.

Таким образом, военно-промышленные комплексы в своих осуществляемых как часть общей империалистической политики усилиях по вовлечению в сферу влияния различных стран и регионов за пределами НАТО действуют разнообразно и широким фронтом, охватывая многочисленные стороны военного и военно-экономического сотрудничества. Столь же широка и география их деятельности. Это означает по сути дела новую роль ВПК в формировании военно-экономических основ совокупной военной мощи империализма, выход комплексов далеко за пределы национальных границ при таких масштабах интернационализации их деятельности, каких не было еще в относительно недавнем прошлом.

3. ВПК и процесс создания мирового военного хозяйства капитализма

Резкое расширение за последние 15—20 лет масштабов и географии экономической деятельности в форме роста экспорта оружия, лицензионной торговли, совместного производства вооружения и военной техники, создания военной промышленности в развивающихся странах и т. д., которое связано в основном с функциони-

рованием ВПК, является новым направлением в развитии мирохозяйственных связей.

Страны НАТО, их военно-промышленные комплексы, стремясь к созданию глобальной системы военных союзов, направленных против СССР, других стран социализма и освободительных движений, и совокупной военной мощи империализма, ориентируются на соответствующую консолидацию усилий в международном масштабе в военно-экономической сфере.

Развитие военно-экономических отношений в несоциалистическом мире в их многообразии и совокупности следует, по нашему мнению, охарактеризовать как процесс формирования мирового военного хозяйства капитализма. Первым этапом этого процесса, как уже указывалось, явилось расширение связей между военно-промышленными комплексами внутри блока НАТО, где за последние десятилетия создано по сути дела ядро нынешней глобальной структуры.

Важно отметить, что интенсивная интернационализация военно-экономической деятельности империалистических государств и их ВПК стала возможной на определенной стадии развития мирового капиталистического хозяйства в целом и осуществляется в его рамках. Масштабность и глубина экономических связей между национальными хозяйствами несоциалистических стран стали общеэкономической основой и предпосылкой постепенного становления мирового военного хозяйства капитализма, для которого также характерны международное разделение труда, специализация, кооперация и интеграция, деятельность и влияние транснациональных корпораций.

Вместе с тем военное хозяйство существенно отличается от общехозяйственной структуры тем, что оно имеет ярко выраженную специфическую целевую функцию — наращивание военной мощи, а его функционирование в очень большой степени (включая и интенсивность процесса формирования) связано с реализацией различных военно-политических доктрин, состоянием международной обстановки, научно-техническим прогрессом в военном деле и т. п. Наконец, оно, будучи детищем империализма второй половины XX в., формируется в первую очередь в результате деятельности ВПК ведущих стран НАТО. Эти различия делают процесс формирования мирового военного хозяйства капитализма явлением особенно опасным. Здесь дело в самой целевой установке военных приготовлений капитализма, в их

воздействии на экономику и политику различных стран, превращаемых в соучастников реализации милитаристских планов наиболее агрессивных кругов США и других стран НАТО. При этом вовлечение стран «третьего мира» в военное хозяйство капитализма оказывает серьезное деформирующее воздействие на их экономическое и социальное развитие. Речь идет о растрате огромных ресурсов, покрывающих в сущности немалую часть расходов империалистических стран, и в первую очередь США, на дальнейшее наращивание гонки вооружений, на достижение политических целей, не имеющих ничего общего с интересами государств, втягиваемых в систему военно-экономических приготовлений Запада.

В пространственном аспекте формирующееся военное хозяйство капитализма, конечно, заметно уже, чем мировое капиталистическое хозяйство. Целый ряд стран, даже связанных так или иначе военно-экономическими и военно-техническими отношениями с ведущими империалистическими государствами, отнюдь не назовешь сферой влияния их военно-промышленных комплексов, а следовательно, и частью военного хозяйства капитализма. Это следствие исключительно высокой степени воздействия политического фактора на все стороны военной деятельности. Но тем не менее США и западноевропейские страны НАТО уже сумели теми или иными путями вовлечь в сферу своей военно-экономической деятельности многие, в том числе крупные, страны в различных регионах мира.

Именно поэтому и правомерно, на наш взгляд, говорить о том, что происходит процесс формирования военного хозяйства капитализма как части мирового капиталистического хозяйства, который охватывает государства — члены НАТО, Японию, целый ряд других индустриальных и развивающихся стран. Представляется, что в ближайшей перспективе вряд ли можно ожидать резкого увеличения количества вовлекаемых в этот процесс стран. Однако в качественном отношении по мере расширения и переплетения различных форм взаимосвязей и взаимодействия внутри формирующейся структуры, по мере дальнейшего роста возможностей стран вне НАТО в военной (в том числе в военно-промышленной) сфере данный процесс будет становиться все более сложным и многогранным. Достаточно отметить, что в 80-х годах уже более 20 развивающихся стран участвуют в совместном со странами НАТО производстве или хотя бы сборке некоторых видов современного

вооружения и военной техники ¹⁴. Это будет приводить к дальнейшему закреплению уже существующих связей, к совместным действиям, направленным на «дележ» рынков сбыта с монополиями тех стран НАТО, которые участвуют в организации производства вооружения в странах вне блока.

Надо отметить, что часто вооружение, выпускаемое в развивающихся странах, намного дешевле, чем в странах НАТО. Так, постройка фрегатов на перуанских верфях обходится на 70 % дешевле, чем таких же кораблей в Италии, благодаря дешевизне рабочей силы ¹⁵. Отсюда, вероятно, и проистекает готовность военно-промышленных фирм стран НАТО организовать производство достаточно сложных (однако, разумеется, не наиболее современных) видов вооружения и техники в развивающихся странах, чтобы затем, используя преимущества, добиваться для себя наибольших выгод при реализации этой продукции. Таким образом, процесс формирования военного хозяйства капитализма, бесспорно, выгоден военно-промышленным монополиям ведущих империалистических стран и с точки зрения обеспечения возможно более высоких прибылей, хотя пути их получения могут приобретать различные нетрадиционные формы (как, например, «дележ» части рынков сбыта с растущей военной промышленностью стран за пределами НАТО).

Если формирование системы военно-политических блоков и объединений является сферой межгосударственных отношений, то создание адекватной военно-хозяйственной структуры немыслимо без участия военно-промышленных компаний. Именно расширение сферы деятельности монополий, участвующих в военно-хозяйственной деятельности во всех ее видах (а не только в военном производстве), и привело к возникновению уже сейчас достаточно четко прослеживающихся прямых и опосредованных связей между различными странами вне НАТО и государствами — членами этого блока, которые и составляют реальное содержание процесса формирования мирового военного хозяйства капитализма.

Важную роль в этом процессе играют транснациональные корпорации. Многими буржуазными специалистами высказывается точка зрения, согласно которой ТНК не принимают активного участия в международной военно-экономической деятельности. Так, американские исследователи Р. Барнет и Р. Мюллер заявляли, что

«ТНК производят мирную продукцию для мирного общества»¹⁶ и доля военной деятельности даже тех ТНК, которые имеют военные контракты, невелика. Часто утверждается также, что ТНК не заинтересованы в ускорении гонки вооружений и обострении международной напряженности, поскольку сами являются генераторами «постоянства и стабильности»¹⁷.

На наш взгляд, подобные утверждения далеки от действительности — ТНК на деле чрезвычайно активны в военной сфере. Уже на рубеже 70-х и 80-х годов 152 американские компании, входящие в число 500 крупнейших транснациональных корпораций, участвовали в экспорте вооружений и военной техники или занимались передачей лицензий на их производство¹⁸. При этом (что особенно важно с точки зрения оценки воздействия ТНК на формирование мирового капиталистического военного хозяйства) характерной чертой «военной торговли» ТНК является то, что наряду с поставками готовой продукции они во всевозрастающей степени поставляют либо целиком производственные процессы, либо по крайней мере их технологию в форме экспорта лицензий.

Не говоря уже о таких корпорациях, как «Дженерал электрик» и «Интернэшнл бизнес мэшинз», доля военной продукции у которых невелика, большинство ведущих американских военно-промышленных компаний — «Боинг», «Локхид», «Дженерал дайнэмикс», «Макдоннелл-Дуглас», «Нортроп» и т. д. — относятся к числу транснациональных корпораций. Сфера их деятельности вне национальных границ постоянно расширяется. Это же относится и к целому ряду западноевропейских компаний — «Бритиш аэроспейс», МББ, СНЕКМА, «Томсон» и т. д.

Многие из них экономически заинтересованы в сохранении масштабов военных приготовлений, в том, чтобы милитаристский компонент во внешнеполитической деятельности стран НАТО и связанных с ними государств играл достаточно активную роль. К числу транснациональных корпораций, активно участвующих в формировании мирового капиталистического военного хозяйства, относятся и компании, действующие в сфере добычи и торговли энергетическими и другими видами стратегического сырья. Не производя непосредственно военную технику и вооружение, не участвуя в сооружении чисто военных объектов, эти компании органически связаны тем не менее с милитаристскими процессами,

охватывающими в последние годы с новой силой как страны НАТО, так и возрастающее число государств вне блока. Конечно, было бы упрощением утверждать, что все транснациональные корпорации участвуют в нагнетании гонки вооружений или заинтересованы в ней. Но не вызывает сомнения тот факт, что многие ведущие ТНК играют весьма важную роль в увеличении масштабов и расширении географических рамок милитаристских процессов в капиталистическом мире, формировании военного хозяйства капитализма. Это явление достаточно опасно, особенно в связи с тем, что американские ТНК, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «активно выполняют роль проводников государственного гегемонизма, имперских вождедений правящих сил этой страны»¹⁹.

Важно отметить, что процесс формирования военного хозяйства капитализма протекает в условиях довольно острой конкурентной борьбы. Если в 50-е и 60-е годы военно-промышленный комплекс США практически не имел конкурентов ни в НАТО, ни за его пределами, то по мере развития таких комплексов в западноевропейских странах, появления тенденции к созданию регионально-западноевропейского ВПК американскому ВПК приходится действовать на международной арене уже в конкурентных условиях.

Западноевропейские ВПК заметно потеснили американцев как на рынках стран НАТО, так и в существенной мере на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Латинской Америке и Австралии. Сейчас дело идет к тому, что эта конкуренция еще более обострится в связи с развитием военной промышленности в Японии и ряде других стран. И здесь будет все более ощутимо проявляться противоречие между, с одной стороны, стремлением капиталистических стран к объединению усилий в экономической и политической областях, диктуемым общностью классовых целей в борьбе с миром социализма, с движениями за социальное и национальное освобождение, и, с другой стороны, стремлением к укреплению собственных позиций, собственного влияния в экономике и политике капиталистического мира за счет партнеров, в ущерб их интересам.

Тенденция к образованию военного хозяйства капитализма прокладывает путь в результате целенаправленной деятельности империалистических государств и их ВПК, имеющей глубокие классовые корни. Предпринимаются серьезные усилия по созданию структуры, ори-

ентированной на совместное, скоординированное использование ресурсов, выделяемых на военные нужды, на создание устойчивого военно-экономического взаимодействия в целях укрепления совокупной военной мощи империализма.

Остановить дальнейшее расширение деятельности ВПК стран НАТО и вовлечение в ее орбиту других стран и регионов, затормозить опаснейший процесс формирования мирового капиталистического военного хозяйства может только кардинальное оздоровление международной обстановки, реальный прогресс в деле разоружения, переключение ресурсов государств на решение насущных проблем, стоящих перед человечеством.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВПК

Военно-промышленные комплексы оказывают возрастающее негативное влияние по многим направлениям на экономическое развитие современного капитализма. ВПК стали не только органическим звеном государственно-монополистической системы, но и встроенным фактором ее дестабилизации в социально-экономическом плане. Деятельность комплекса остро затрагивает жизненные интересы трудящихся, увеличивает для них экономическое бремя милитаризма.

1. Прямой ущерб и утраченные возможности

Негативные экономические последствия деятельности военно-промышленных комплексов весьма многоплановы. Они отчетливо проявляются и на макроэкономическом уровне, и в развитии отраслей, регионов и отдельных промышленных центров. Можно говорить о воздействии на экономику со стороны ВПК в целом и о влиянии на экономические процессы групп монополий, специализирующихся на производстве тех или иных систем оружия, а также отдельных крупных военно-промышленных фирм.

Некоторые проявления деятельности ВПК, например масштабы военных расходов, объемы военных заказов, объемы военных продаж корпораций и др., имеют конкретные количественные значения и могут быть подвергнуты статистической обработке. В то же время выделить результаты этой деятельности в «чистом виде» в ряде случаев весьма затруднительно. И все же нет сомнений в том, что военно-промышленные комплексы оказывали и оказывают сильное воздействие на сдвиги в структуре и размещении производства, экономический рост, производительность труда, занятость, инфляцию и другие важнейшие экономические показатели. Однако определить реальные масштабы этого воздействия отнюдь не просто, так как экономические процессы и явле-

ния регулируются механизмами, в которых ВПК выступает лишь как одно из звеньев.

Характер и глубина экономических и социальных последствий деятельности ВПК зависят от большого числа различных факторов: и от общего уровня экономического развития данной страны, и от политических целей ее правящих классов, и от степени милитаризации экономики и «зрелости» национального ВПК. Другими словами, воздействие ВПК на экономику и социальную сферу различно в разных странах и в одной стране в разные периоды.

Общее представление о масштабах и характере экономических и социальных последствий деятельности ВПК в целом дают сведения о размерах финансовых, трудовых и материальных ресурсов, отвлекаемых в империалистических государствах на военные цели.

Военные расходы капиталистических государств, прежде всего стран, входящих в НАТО, постоянно растут. Прямые военные расходы государств — членов НАТО увеличились с 18,4 млрд долл. в 1949 г. до 104,3 млрд в 1970 г., почти до 150 млрд в 1975 г. и 377 млрд долл. в 1985 г. Если за 1949—1975 гг. прямые военные расходы Североатлантического Союза составили свыше 2 трлн долл., то за период с 1976 по 1985 г. они превысили 2,5 трлн, при этом только с 1981 по 1985 г. было израсходовано более 1,5 трлн долл.

Достигли небывалой величины и поддерживаются на высоком уровне военные расходы США как ведущей державы в блоке НАТО. С 1976 по 1986 финансовый г. они возросли с 89,6 млрд до 273,4 млрд долл. В 1986—1990 финансовых гг. Пентагон намечает израсходовать почти 1,5 трлн долл., в том числе 600 млрд — на военные закупки, исследования и разработки¹.

Вслед за «старшим партнером» увеличивают затраты на военные цели другие ведущие капиталистические страны. С 1976 по 1986 г. военные расходы ФРГ возросли с 37,6 до 60,4 млрд марок, Великобритании — с 5,2 до 19,2 млрд ф. ст., Франции — с 55,9 до 196,5 млрд фр., Италии — с 3,1 до 20,3 трлн лир.

В распоряжении вооруженных сил находятся обширные земельные площади, огромное число зданий и сооружений различного назначения. По некоторым оценкам, площадь пригодных для земледелия и непродуктивно используемых (в военных целях) земель во всем мире составляет до 500 тыс. кв. км, что эквивалентно территории такой страны, как Испания. Только в пределах США

Пентагон располагает земельными участками общей площадью около 97,9 тыс. кв. км, что в три с лишним раза превышает территорию Бельгии и примерно эквивалентно суммарной территории штатов Коннектикут, Массачусетс, Нью-Хэмпшир, Род-Айленд и Вермонт плюс двойная территория штата Делавэр². В связи с повышением технических характеристик вооружения и военной техники, ростом технической оснащенности войск требуются все более обширные районы для устройства испытательных полигонов, проведения учений и маневров. Например, министерство обороны Великобритании наметило вдвое увеличить территорию базы ядерных подводных лодок на реке Клайд в Шотландии, что непосредственно связано с планами приобретения новых подводных лодок с ракетами «Трайидент».

Военные приготовления поглощают огромные энергетические и сырьевые ресурсы. По оценкам специалистов, в ведущих капиталистических странах, главным образом в США, на военные цели идет в среднем от 5 до 10 % общего потребления основных сырьевых материалов. Для многих, прежде всего дефицитных, видов минерального сырья эти показатели значительно выше. Считается, что в последние годы на военные цели идет примерно 5—6 % мирового потребления нефти, что составляет почти половину объема нефти, потребляемой всеми развивающимися странами. К тому же вооруженные силы используют прежде всего высокосортные виды нефтепродуктов.

Одной из форм отвлечения материальных ресурсов от производительного использования является создание стратегических запасов сырья «на случай чрезвычайных обстоятельств». Интенсивное накопление стратегических запасов началось в годы «холодной войны». Номенклатура и количество конкретных видов сырья, помещаемых в стратегические запасы, меняются под воздействием научно-технического прогресса, изменений во взглядах на характер и продолжительность «вероятной войны» и т. д. В США в 1983 г. общая стоимость складированных запасов стратегического сырья составляла 12 млрд долл., т. е. по стоимости в четыре раза превышала американский годовой импорт по группе металлов.

Военно-экономическая деятельность наносит, кроме того, значительный ущерб окружающей среде. Многочисленные исследования показали, что военное производство вызывает гораздо большее загрязнение окру-

жающей среды, чем гражданские секторы экономики. Оно нередко связано с расщепляющимися материалами, тяжелыми металлами, химическими веществами. В США, например, 80 % всех ядовитых отходов выбрасывают военные предприятия.

В качестве ориентировочного показателя относительных масштабов экономической деятельности военно-промышленных комплексов можно использовать долю военных расходов в валовом национальном продукте (ВНП). В 1985 г. эта величина составляла в среднем для всех стран НАТО 5,4 %, а для США — 6,7 %³. Однако доля военных расходов в ВНП — слишком обобщенный показатель, скрывающий крупные диспропорции, связанные с милитаризацией экономики, и не позволяющий в достаточной мере оценить реальные результаты ее воздействия на экономическую жизнь.

Но даже если отвлечься от качественных аспектов и взять уровень военных расходов, равный 5—6 % ВНП, как уже отмечено нами, то это в конечном счете эквивалентно тому, что страна один раз в 15—20 лет уничтожает годовой объем произведенных товаров и услуг. И надо отметить, что в результате продолжения гонки вооружений в последние годы доля военных расходов в ВНП капиталистических стран остается высокой.

Высокий уровень военных расходов отрицательно сказывается на многих важных сторонах экономического развития. Об этом достаточно убедительно свидетельствует один из недавних докладов американской исследовательской организации «Совет экономических приоритетов». Сотрудники этой организации, сопоставив основные экономические показатели 13 крупнейших промышленно развитых стран за 60—70-е годы, пришли к выводу, что в странах, расходующих на военные цели в среднем меньшую долю ВНП, экономика, как правило, развивается более быстрыми темпами, объем капиталовложений больше и эффективность экономики выше. В докладе Совета отмечается, что, по среднегодовым данным за 1960—1979 гг., в этой группе развитых капиталистических стран США занимали 1-е место по уровню милитаризации экономики, а по темпам реального роста валового внутреннего продукта (ВВП) в год (3,6 %) находились на 11-м месте, по доле капиталовложений в ВВП (17,6 %) — на 13-м, по росту производительности труда в обрабатывающей промышленности (2,6 %) — на 11-м, по уровню безработицы — на 1-м месте⁴.

Некоторые исследователи обращают внимание на другие важные аспекты негативного воздействия военных расходов на экономику. В частности, отмечается, что крупномасштабная перекачка финансовых средств в военный сектор неизбежно сокращает базу для капиталовложений в развитие гражданских отраслей экономики и что между масштабами военных расходов и размерами таких капиталовложений существует обратная зависимость: чем больше страна тратит на вооружения, тем меньше у нее остается средств для гражданских инвестиций. Анализируя эту взаимосвязь на конкретных данных, известный американский экономист Дж. Гэлбрейт отмечал, что в 70-х годах доля военных расходов в ВВП США составляла 5—8 %, в ФРГ — от 3 до 4 %, в Японии — менее 1 %, а удельный вес новых капиталовложений в гражданские отрасли экономики равнялся соответственно 16,9—19; 20,6—26,7 и 31—36,6 %⁵.

Американский профессор С. Мелман связывает сокращение новых капиталовложений со снижением темпов прироста производительности труда, что он и считает наиболее тяжелым последствием милитаризации экономики. С. Мелман предложил для оценки влияния военных приготовлений на экономику сопоставить военные расходы США и других стран с новыми капиталовложениями. По его данным, в 1979 г. на каждые 100 долл. вновь созданного в США основного капитала приходилось 33 долл., израсходованных на военные цели. Соответствующие величины составляли для ФРГ 20 долл., а для Японии — 3,7 долл.⁶ Отвлечение огромных средств на военные цели не могло не проявиться в общеэкономическом плане, в частности в динамике производительности труда.

К. Маркс писал, что война «в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала»⁷. Военное производство стало постоянным и тяжелым балластом для экономики. Оно является паразитической частью хозяйства, истощает внутренние ресурсы государств, вставших на путь милитаризации, сужает их возможности для дальнейшего развития экономики. Это характерно даже для тех случаев, когда усиливающиеся военные приготовления ведут к временному увеличению текущего объема производства. Дело в том, что рост производства за счет военной продукции сопровождается увеличением доли в валовом национальном продукте таких товаров, которые не предназначены ни для гражданского

производства, ни для личного потребления. Военная продукция ничего не прибавляет к экономическому потенциалу государств, она выпадает из сферы общественного воспроизводства. Деятельность ВПК является в конечном счете одной из серьезных причин роста экономических трудностей, обострения противоречий и диспропорций в хозяйстве капиталистических государств.

Развитие «перманентной» военной экономики коренным образом преобразило облик многих традиционных отраслей, например авиационной промышленности и кораблестроения, и привело к возникновению принципиально новых отраслей, прежде всего ракетостроения и производства ядерного оружия. В военной промышленности, развивающейся быстрыми темпами, непрерывно идет процесс специализации, выделения новых производств. Так, уже стало многомиллиардным бизнесом производство различных тренажеров и сложных технических средств обучения военного назначения.

Экономически выгодным военное производство оказывается лишь для военно-промышленных комплексов, в первую очередь для монополий, создающих вооружение и военную технику. В США объем контрактов, полученных военно-промышленными корпорациями, увеличился с 61,2 млрд долл. в 1978 финансовом г. до 96,6 млрд долл. в 1981 финансовом г., а в 1985 финансовом г. превысил 150 млрд долл.⁸ При этом особенно быстро росли объемы заказов корпорациям, выпускающим авиационную технику, производителям ракетной и космической техники и корпорациям, производящим радиоэлектронное оборудование и средства связи. Быстро увеличивались соответственно размеры производства крупнейших поставщиков военной продукции. Корпорация «Макдоннелл-Дуглас», военные заказы которой в 1975 финансовом г. составляли «всего» 1,4 млрд долл., а в 1980 финансовом г. — 3,2 млрд долл., в 1985 финансовом г., заняв первое место среди подрядчиков Пентагона, получила их уже на сумму 8,9 млрд долл. Даже находившаяся в 1985 финансовом г. на десятом месте среди военных подрядчиков фирма «Грумман» получила от Пентагона заказы на сумму свыше 2,7 млрд долл. Разумеется, военные заказы подобных размеров намного упрочили экономические и финансовые позиции военно-промышленных монополий, особенно в условиях глубокого экономического спада в США в начале 80-х годов.

Экономическая мощь ведущих военных подрядчиков за послевоенный период многократно возросла. Например, с 1955 по 1986 г. общий объем продаж «Дженерал дайнэмикс» возрос с 0,7 до 9,2 млрд долл., а активы увеличились с 0,3 до 4,5 млрд долл. Такая же картина наблюдается в отношении корпораций «Локхид», «Боинг», «Макдоннелл-Дуглас» и других крупнейших поставщиков Пентагона. Огромная экономическая мощь военно-промышленных монополий дает им возможность оказывать заметное воздействие на развитие целых отраслей, экономику отдельных регионов, штатов и городов.

В послевоенный период произошли крупные сдвиги в размещении военного производства. Центры военной промышленности переместились в США из районов Детройта и Чикаго в Калифорнию и Техас, в ФРГ — из Рурской области в Баварию. Этот процесс, связанный с курсом империалистических государств на наращивание военной мощи, отражал не только развитие военной техники и переход к выпуску новых систем оружия, но и острую конкуренцию между военно-промышленными компаниями.

В США военный бюджет превратился в своего рода гигантский насос для перекачки финансовых средств из одних штатов в другие. С 1975 по 1979 г. 18 штатов Северо-Востока и Среднего Запада выплатили налогов на 165 млрд долл. больше, чем они получили в виде правительственных расходов. Особенно пострадали штаты Среднего Запада, на которые пришлось $\frac{3}{4}$ указанной суммы (122 млрд долл.). Такой отток средств не мог не оказать заметного влияния на размещенные на Среднем Западе традиционные отрасли, в том числе на автомобильную промышленность и производство стали. В то же время 32 штата Юга и Запада получили от федерального правительства на 112 млрд долл. больше, чем они выплатили налогов.

Речь идет отнюдь не о «несправедливом» распределении военных расходов между районами и штатами. Дело в том, что помимо общего пагубного воздействия военных расходов на экономику сосредоточение военных заказов в отдельных районах и штатах, обусловленное, в частности, высокой концентрацией военного производства, усиливает различия в уровнях и условиях деловой активности между районами и штатами. Если бы средства, затрачиваемые ныне на военные цели, шли, например, на здравоохранение или на развитие инфраструкту-

ры, то их географическое распределение было бы по необходимости более равномерным.

Географическая концентрация военно-промышленных предприятий определяет особую прочность позиций ВПК в соответствующих регионах, штатах и отдельных городах. В настоящее время на западные и южные штаты США приходится почти 65 % всех военных расходов и около 80 % общей численности лиц, занятых в военном производстве.

Настоящей вотчиной ВПК стала Калифорния — штат, получающий намного больше военных заказов, чем любой другой. Именно здесь находятся предприятия большинства гигантов военно-промышленного бизнеса — «Дженерал дайнэмикс», «Макдоннелл-Дуглас», «Локхид» и др. Объем военных заказов, приходящийся на Калифорнию, в последние годы составлял свыше 22 % всех расходов Пентагона на закупки. В экономике Техаса важную роль играют сборка самолетов, производство авиационного оборудования и боеприпасов. Вирджиния и Мэн известны как «кораблестроительные штаты», а Мичиган и Огайо производят свыше половины боевых машин для сухопутных войск.

Экономика многих городов попала в сильную зависимость от деятельности крупнейших военно-промышленных корпораций и их отделений, насчитывающих тысячи и десятки тысяч занятых. В Форт-Уэрте господствует «Дженерал дайнэмикс», в Денвере хозяйничает «Мартин-Мариетта», в Атланте — «Локхид», в Уичито — «Боинг». Экономическую жизнь Лос-Анджелеса в значительной мере определяют «Рокуэлл интернэшнл», «Макдоннелл-Дуглас», «Локхид» и «Нортроп».

Сложившуюся в результате золотого дождя военных заказов конкретную экономическую ситуацию в отдельных районах и городах апологеты милитаризма используют для насаждения иллюзий, будто процветание военного бизнеса равнозначно экономическому процветанию вообще.

Крупномасштабность военно-технических программ усиливает влияние ВПК на экономическую жизнь страны, поскольку в их осуществление втягиваются десятки тысяч рабочих и сотни фирм в разных районах. В США, например, стоимость целого ряда программ создания систем оружия составляет десятки миллиардов долларов. Полная стоимость программы «Трайидент-2» (включая затраты на строительство подводных лодок, ракет, боеголовок и т. д.) оценивалась в 1985 г. в 103,5 млрд

долл.⁹ Представитель одной из американских военно-промышленных корпораций охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Для таких крупных систем оружия, как самолет F-16, общая стоимость контракта достигает таких размеров, что в нем могут принять участие многие компании и все могут получать прибыль»¹⁰. Как считают западногерманские специалисты, благополучие авиационной промышленности ФРГ и сотен фирм-поставщиков в других отраслях во многом зависит от одной крупной программы — производства самолетов «Торнадо».

В связи с увеличением масштабов отвлечения ресурсов на военные цели все острее становится вопрос о так называемых «утраченных возможностях», иначе говоря, об экономическом эффекте альтернативных гражданских программ, о результатах, которые могли бы принести людские, финансовые и материальные ресурсы, отвлеченные в военную сферу, если бы они были применены в производственных целях. Вопрос этот весьма непросто, поскольку речь идет именно о нереализованных возможностях, которым крайне трудно дать количественную оценку. Но в то же время вполне ясно, что с ростом производительности труда, повышением эффективности использования ресурсов, внедрением научно-технических достижений и т. д. масштабы «утраченных возможностей» постоянно возрастают. Суть в том, что непроизводительно растрачиваемые на военные цели ресурсы, будь они использованы в гражданской сфере, дали бы сейчас значительно больший эффект, чем, скажем, лет 10 или 20 назад, — при равных размерах. Очевидно также, что в будущем такой экономический эффект станет еще выше.

Таким образом, действительные экономические издержки гонки вооружений состоят не только в крупном отвлечении ценнейших ресурсов, но и во многом в том положительном экономическом эффекте, который эти ресурсы могли бы дать при их рациональном использовании в гражданских целях.

Некоторое (весьма неполное) представление об «утраченных возможностях» можно составить по часто приводящимся в литературе вариантам альтернативного использования отдельных видов военных затрат в гражданских целях. В качестве примера можно привести подсчет, выполненный американским экономистом С. Мелманом. По его оценке, затрат на программу производства истребителя F-18 для ВМС США, составляю-

щих 34 млрд долл., хватило бы на модернизацию станочного парка Америки с целью доведения его технических и возрастных характеристик в среднем до уровня станочного парка Японии ¹¹.

Такие примеры лишь в самых общих чертах иллюстрируют благотворное влияние переключения на гражданские цели средств, затрачиваемых на отдельные военные программы. Можно только предполагать, каким был бы уровень развития отдельных государств и мирового хозяйства в целом, даже само лицо нашей планеты, если бы триллионы долларов, сотни миллионов человеко-лет квалифицированного труда, десятки и сотни миллионов тонн ценнейших и нередко невозобновляемых сырьевых ресурсов, бессмысленно растраченные на гонку вооружений за последние десятилетия, были израсходованы в разумных социально-экономических целях.

В результате общего усложнения хозяйственного механизма промышленно развитых стран, расширения взаимосвязей между военной и гражданской экономикой, все более глубокого вторжения ВПК в экономическую жизнь в условиях наращивания военных приготовлений империализма усиливается общее дезорганизующее воздействие милитаристских процессов на гражданскую экономику, имеющее многообразные проявления. Наглядным примером в этом отношении может служить несбалансированность государственных бюджетов. Большинство экономистов, даже на Западе, сходятся в том, что главным источником огромного дефицита федерального бюджета США являются именно чрезмерные военные расходы. Дефицит государственного бюджета ведет к поддержанию высоких процентных ставок на кредитных рынках, что в свою очередь ограничивает возможности гражданских капиталовложений. Их нехватка тормозит техническое перевооружение традиционных отраслей, что ведет к снижению темпов роста производительности труда. Это лишь одна «цепочка негативного экономического эффекта», имеющая к тому же много важных ответвлений. С усложнением хозяйственных связей появляется все больше таких «цепочек», в которых в качестве исходного звена выступает гонка вооружений, материализующаяся в деятельности ВПК. В результате появляются все новые звенья отрицательных экономических последствий гонки вооружений, возрастает общее дезорганизующее влияние милитаризма на развитие гражданской экономики.

Экономические последствия деятельности ВПК не

ограничиваются национальными рамками. Расширяющееся сотрудничество в сфере военного производства подстегивает гонку вооружений в капиталистических странах, стремительно растущий экспорт оружия способствует втягиванию в гонку вооружений развивающихся государств, бьет по их экономическим интересам. Зарубежная экспансия военно-промышленного бизнеса влечет за собой, помимо прочего, экспорт коррупции и других злоупотреблений, присущих военному бизнесу.

В функционировании ВПК, связанном с растратой ценнейших экономических ресурсов ради получения сверхприбылей на производстве средств массового истребления людей, — средств, способных уничтожить саму жизнь на планете, с предельной ясностью обнажается паразитический характер современного капитализма.

2. Деформация научно-технического прогресса

В эпоху научно-технической революции, когда под ее воздействием происходят коренные изменения в экономике, все более важным и острым становится вопрос о направленности научных исследований.

В США, научно-технический потенциал которых намного выше, чем у любой другой капиталистической страны, преимущественно военная направленность НИОКР и высокая наукоемкость военных отраслей, в которых сосредоточены крупные контингенты ученых и инженеров, оборачиваются нехваткой средств для научных исследований и разработок в гражданской сфере. Традиционные отрасли, включая машиностроение, автомобилестроение и др., лишенные необходимых средств на проведение НИОКР и испытывающие нехватку в научно-технических кадрах, сталкиваются с серьезными последствиями деформации научно-технического прогресса, такими, как снижение роста производительности труда, падение конкурентоспособности производимых гражданскими отраслями промышленности товаров не только на мировом, но и на внутреннем американском рынке.

В послевоенный период общие федеральные расходы США на НИОКР росли быстрыми темпами и достигли огромных размеров. Если в 1954 финансовом г. они составляли 2,9 млрд долл., то в 1964 финансовом г. — 14,2 млрд долл., в 1974 финансовом г. — 17,4 млрд долл., а в 1986 финансовом г. достигли 56 млрд долл.¹² Эти

суммы намного выше соответствующих затрат любой другой капиталистической страны.

Основная часть этих средств направлялась на финансирование исследований и разработок военного профиля. В конце прошлого и начале нынешнего десятилетия крен в сторону военных НИОКР усилился. В середине 80-х годов на военные и космические исследования и разработки направлялось более $\frac{2}{3}$ всех федеральных расходов США на НИОКР. Бюджетные наметки до 1990 финансового г. показывают, что расходы на военные НИОКР будут продолжать расти в среднем на 12 % в год в текущих ценах, в то время как расходы правительства США на гражданские НИОКР будут сокращаться более чем на 7 % в год¹³. Таким образом, налицо сохраняющаяся милитаризация научно-технического прогресса, оказывающая глубокое влияние на все экономическое развитие страны.

В результате в конкретных отраслях промышленности складывается следующая картина. В авиаракетно-космической промышленности — вотчине ВПК — доля государственных средств в общих затратах на НИОКР достигает почти 80 %, в то время как в производстве чугуна и стали, значение которых для военной промышленности в последние десятилетия резко упало, соответствующий показатель не составляет и 2 %. В 1983 г. на разработку только бомбардировщика В-1В было израсходовано больше средств, чем на все НИОКР в сталелитейной промышленности США. Многолетняя широкая поддержка государством НИОКР в военных отраслях позволила последним уйти далеко вперед в научно-техническом развитии по сравнению с гражданскими отраслями.

Концентрация военных НИОКР значительно выше концентрации военного производства в целом. Подавляющая часть расходов на военные НИОКР осваивается крупнейшими военно-промышленными корпорациями, разрабатывающими все новые и новые виды вооружения и военной техники. На 10 крупнейших подрядчиков ежегодно приходится свыше 50 % всего объема контрактов на НИОКР, размещаемых Пентагоном. Концентрация военных НИОКР ведет к сосредоточению в военно-промышленных корпорациях крупных контингентов ученых и инженеров. На ведущих предприятиях, выпускающих новейшую военную технику, численность научного, инженерно-технического и административного персонала намного — иногда в несколько раз — превышает численность производственных рабочих.

По разным оценкам, военными исследованиями и разработками заняты от четверти до половины всех американских ученых. В американской прессе сообщалось, например, что ученые и инженеры страны, взятые как группа, расходуют на военные исследования от 25 до 30 % своего рабочего времени ¹⁴.

Среди мифов о «благотворном» влиянии ВПК на экономическое развитие важное место занимает утверждение о том, что в эпоху научно-технической революции «состязание в области вооружений» будто бы ускоряет общий технический прогресс, а через него стимулирует и развитие экономики. Характерно в этом плане заявление президента Питсбургского университета У. Посвара, который, выступая в одной из комиссий конгресса в поддержку выделения крупных ассигнований на военные НИОКР, говорил: «Когда министерство обороны США финансирует исследования в университетах и промышленности, оно способствует разработке технических новшеств, укрепляющих нашу национальную безопасность, а также стимулирует общий прогресс науки и техники, оживляет экономику и даже содействует улучшению качества жизни в нашем обществе». Такие декларации не подтверждаются, а опровергаются американской действительностью.

Усилиями военно-промышленных кругов в США широко рекламируется так называемый «спин-офф», или «гражданская отдача» военных исследований и разработок. Апологеты милитаризации научно-технического прогресса утверждают, что «спин-офф» достигает значительных размеров, однако в подтверждение этого приводятся лишь отдельные, изолированные случаи успешного использования в гражданской экономике тех или иных результатов военных исследований. Кроме того, утверждается, что военные исследования являются «чистым» дополнением к гражданским НИОКР, а поэтому любой «спин-офф», независимо от его масштабов, — «благо» для гражданской экономики.

Безусловно, между научно-исследовательской деятельностью в военных и гражданских целях, особенно в сфере фундаментальных исследований, существуют определенная общность и взаимовлияние, однако по мере развития науки и техники характер этой взаимосвязи претерпевает изменения. В прошлом веке многие изобретения и открытия, сделанные первоначально в военных целях, оказали заметное влияние на развитие всей американской промышленности. Можно вспомнить

в этой связи об открытом в начале XIX в. американским предпринимателем Эли Уитни способе сборки огнестрельного оружия из стандартных деталей. Нашел гражданское применение ряд изобретений и открытий, сделанных в годы второй мировой войны. В частности, реактивный двигатель и радиолокационная техника коренным образом преобразили облик гражданской авиации в послевоенный период. Но даже в этих случаях в принципе было бы вполне возможным ожидать появления и использования таких изобретений непосредственно в гражданской сфере, минуя стадию их военного применения.

Важно подчеркнуть, что по мере дальнейшего усложнения и специализации средств вооруженной борьбы возможности использования результатов военных исследований и особенно разработок в мирных целях непрерывно сокращаются. Многие западные экономисты и инженеры отмечают, что ускоренное развитие военной техники, усложнение ее производства неизбежно ведут к тому, что она все дальше и дальше отходит от любого возможного гражданского применения. По этому поводу известный американский экономист, профессор Массачусетского технологического института Лестер Туроу писал: «Гражданская отдача будет иной, потому что военная техника становится все более специализированной. Космическая программа не найдет слишком много гражданских применений»¹⁵. По некоторым западным оценкам, в настоящее время от 90 до 95 % военной технологии не может быть использовано для гражданских целей.

Процессу передачи технологии из военного в гражданский сектор экономики препятствует ряд барьеров экономического и административного характера, в том числе секретность военных исследований, ужесточившаяся при администрации Рейгана, жесткие военные спецификации, стремление военно-промышленных фирм использовать научно-технические новшества независимо от связанных с этим затрат, нацеленность военных НИОКР на совершенствование конечного изделия, а не технологических процессов и т. д.

Конечно, эти же барьеры в известной (но меньшей) степени влияют и на обратный процесс — передачу научно-технических достижений из гражданского сектора в военный. Этот процесс всегда был несравненно более широким и важным, чем «спин-офф». Одним из недавних примеров может служить микропроцессор, быв-

ший по существу коммерческой разработкой, быстро подхваченной военно-промышленными фирмами. Микропроцессор сыграл ключевую роль в разработке нового поколения ракет и снарядов точного наведения.

В США, где затраты на военные НИОКР достигли исключительно высокого уровня, нередко говорят об увеличивающемся «технологическом дифференциале» между военной техникой и товарами, производимыми гражданскими отраслями. Этот «дифференциал» нагляднее всего проявляется в непрерывно возрастающей технической сложности новых систем оружия, их чрезвычайно высокой и продолжающей расти быстрыми темпами стоимости, а также в удлиняющихся сроках их производства по сравнению с продукцией невоенного назначения.

Осуществляемый в течение десятилетий упор на военные НИОКР — в ущерб гражданским — обернулся для США серьезными последствиями. Как считают многие американские специалисты, в научно-техническом отношении США оказались по многим направлениям как бы отброшенными назад, хотя и имеют развитые наукоемкие отрасли. Известный американский предприниматель и ученый Саймон Рамо, один из основателей крупной фирмы TRW («Томпсон-Рамо-Вулридж»), работающей на Пентагон, и член многих консультативных комитетов по науке, в своей книге «Технологическое отставание Америки» писал: «Если бы все доллары, затраченные нами за прошедшие 30 лет на военные НИОКР, были вместо этого израсходованы в тех областях науки и техники, которые обещают наибольший экономический прогресс, мы, вероятно, находились бы сегодня в той точке в технологическом отношении, где мы намереваемся быть в 2000 году»¹⁶.

Деятельность военно-промышленных комплексов наносит непоправимый ущерб развитию самой науки. Нельзя, конечно, отрицать, что курс на милитаризацию стимулирует ускоренное развитие некоторых научных отраслей, прежде всего тех, которые связаны с созданием новых вооружений и применением военной силы (например, ядерной физики, океанографии, космических исследований). Однако это приводит к торможению или свертыванию научных исследований в других отраслях. Ориентация на военные исследования ведет к одностороннему, несбалансированному развитию всей науки как системы. Особенно наглядно это видно на примере США. Щедро финансируя, в угоду ВПК, исследования и

разработки военного профиля, страна идет по пути «жесткой экономии» на научных исследованиях в гражданских отраслях, имеющих важное значение для развития всей американской экономики.

Существенный вред науке причиняет отвлечение в военную сферу в крупных масштабах кадров высшей квалификации. Военные исследования и разработки вызывают мощный отток кадров не только из гражданских отраслей, но и из системы высшего образования. В частности, безусловный ущерб науке наносит широкое привлечение к военным исследованиям наиболее подготовленных университетских научных кадров. Военно-промышленные фирмы, имеющие возможность предлагать высокие оклады, переманивают из университетов молодых талантливых специалистов, особенно в области технических наук. Сокращение государственных дотаций на развитие университетской науки затрудняет привлечение новых преподавателей и студентов. На качество обучения неблагоприятно влияет также снижение ассигнований на новое исследовательское оборудование в университетах и колледжах.

Преимущественно военная ориентация научных исследований не дает возможности ученым сосредоточить внимание на поиске решений таких жгучих проблем современности, как голод, нищета, нехватка энергоресурсов, загрязнение окружающей среды. На развитие науки в капиталистических государствах оказывает тормозящее воздействие свертывание научных и научно-технических связей с социалистическими странами.

Серьезными отрицательными последствиями чревата «стратегическая оборонная инициатива» — крупнейшая из военных научно-технических программ, когда-либо осуществлявшихся капитализмом. Реализуя программу «звездных войн», американский империализм помимо военных расчетов стремится укрепить свою научно-техническую гегемонию, мобилизовать и использовать в своих собственных целях научно-технические ресурсы всего капиталистического мира. Эта программа во многом укрепляет позиции американского ВПК, сулит ему новые крупные барыши на десятилетия вперед. К военно-космическому бизнесу спешат приобщиться крупнейшие корпорации Америки. Именно с таким прицелом крупнейшая корпорация «Дженерал моторс» купила «Хьюз эйркрафт» и «Электроник дейта системс», а концерн «Аллайд» (25-е место в списке 500 крупнейших корпораций в 1986 г.) приобрел кон-

трольный пакет акций «Мартин-Мариетта». Программа СОИ используется для укрепления связей между ВПК ведущих капиталистических стран. Приманкой для зарубежных фирм служат «экономические выгоды», «приобщение к новым технологиям» — все тот же пресловутый «спин-офф». Однако сами планы добиться «экономических выгод» путем милитаризации научно-технического прогресса, как показал опыт, не только несостоятельны, но и глубоко порочны.

3. Военные приготовления — за счет трудящихся

Глубокие и многообразные экономические последствия деятельности военно-промышленных комплексов распространяются на социальную сферу, остро затрагивают жизненные интересы трудящихся. Паразитируя на национальной экономике и получая баснословные прибыли на гонке вооружений, ВПК способствуют снижению уровня жизни широких слоев населения империалистических государств.

Достижение огромных размеров военные приготовления капиталистических стран финансируются путем перераспределения национального дохода. Вся система военного финансирования в этих странах построена таким образом, что основное бремя военных расходов перекладывается на трудящихся. В новой редакции Программы КПСС, где развязанная империализмом небывалая по масштабам гонка ядерных и иных вооружений характеризуется как его величайшее преступление перед народами, подчеркивается, что гигантские военные расходы тяжелым бременем ложатся на плечи трудящихся¹⁷.

Военные расходы финансируются через государственный бюджет, доходы которого формируются главным образом за счет налогов, на их долю приходится около 90 % всех бюджетных доходов капиталистических государств. Основная тяжесть налогов падает на трудящиеся массы. Особенно усилилось бремя косвенных налогов, которые включаются в цены почти всех товаров широкого потребления в виде специальных надбавок. Прямые и косвенные налоги, непосредственно связанные с финансированием военных приготовлений, стали одним из главных факторов, препятствующих росту реальной заработной платы или вызывающих ее снижение. В то же время существующая в капиталистических

странах система налогообложения предоставляет крупным предпринимателям многочисленные возможности и лазейки для укрытия своих доходов и освобождения от уплаты налогов.

Широкое распространение получила практика «дефицитного финансирования» военных приготовлений, в конечном счете ведущая к росту налогового бремени. Огромные дефициты государственных бюджетов капиталистических стран, вызванные прежде всего расходами на гонку вооружений, ведут к быстрому росту государственного долга. Государственный долг США, например, превысил в 1986 финансовом г. колоссальную сумму в 2 трлн долл. Только выплата процентов по этому долгу обошлась американской казне в 1985 финансовом г. в 178 млрд долл. По официальным оценкам, к 1991 г. государственный долг США может вплотную приблизиться к 3 трлн долл.¹⁸ и на выплату процентов потребуются соответственно уже гораздо более крупные суммы, чем ныне. Таким образом, «дефицитное финансирование», с помощью которого получают средства на гонку вооружений, превратилось в крупный источник паразитических доходов кредиторов правительства — частных банков и гигантских корпораций. Чем выше военные расходы, тем больше внутренняя задолженность федерального правительства и тем большие суммы из средств, собранных с налогоплательщиков, перекачиваются в виде процентов из государственной казны в сейфы финансовых магнатов, тесно связанных с военно-промышленными монополиями и государственно-бюрократической системой, проводящей в жизнь агрессивную внешнюю политику.

Высокий уровень военных расходов и усиление милитаризации экономики стали одной из важных причин «инфляционного давления» на современное капиталистическое хозяйство. Инфляция, как сложное экономическое явление, обусловлена большим числом различных факторов, в особенности монополистической практикой ценообразования. Такая практика широко распространена в военном секторе экономики. Монопольное положение многих производителей вооружений дает им возможность диктовать высокие цены военным ведомствам, особенно при возникновении «узких мест» в промышленности в результате ускоренного наращивания военных приготовлений.

Быстрый рост цен на военные товары связан не только с практикой военно-промышленных монополий

в сфере ценообразования, но и с особенностями системы военной контрактации, которая, как правило, не создает преград для высоких цен, диктуемых производителями вооружения и военной техники.

На развитие инфляционных тенденций не может не влиять общий рост военного потребления. Такое потребление, охватывающее не только саму военную технику, но и средства производства и предметы личного потребления, сопровождается образованием обширного платежеспособного спроса, которому не противостоит и не компенсирует его соответствующее товарное предложение в условиях, когда военные приготовления являются прямой растратой людских и материальных ресурсов.

Апологеты ВПК искажают связь таких приготовлений с одной из острейших проблем современного капиталистического общества — массовой безработицей. Манипулируя данными о военной занятости, они пытаются доказать, что гонка вооружений якобы способствует рассасыванию безработицы, а сокращение расходов, наоборот, увеличивает ее. Подтасованные данные не только публикуются в специальных «докладах» и «исследованиях», но и активно используются на практике для защиты интересов ВПК. Так, глава военного ведомства США, выступая в конгрессе в марте 1982 г., утверждал, что сокращение военного бюджета на 1983 финансовый г. на 10 млрд долл., на чем настаивали некоторые конгрессмены, приведет к потере 350 тыс. рабочих мест в стране ¹⁹.

Представляя военную занятость лишь как дополнение к занятости в гражданских секторах и тем самым как «благо» для общества в периоды усиления безработицы, военно-промышленные круги всячески затушевывают общее неблагоприятное воздействие милитаризации на использование трудовых ресурсов. Военная экономика, нанося ущерб гражданскому производству и деформируя общеэкономические процессы, множеством путей, прямо или косвенно способствует росту массовой безработицы.

Нацеленное на использование самой передовой техники и технологии, военное производство требует относительно меньшего количества рабочей силы, чем выпуск гражданской продукции. Многочисленные исследования, проводившиеся западными экономистами, несмотря на различия в методике и в итоговых конкретных цифрах, неизменно приводили к единому общему выво-

ду: одна и та же сумма средств (скажем, миллиард долларов или западногерманских марок) создает в военном секторе значительно меньше рабочих мест, чем в подавляющем большинстве гражданских отраслей, при альтернативном использовании этих средств. Приведем примеры таких расчетов.

Американский исследователь М. Андерсон, используя модель, разработанную Б. Рассеттом из Йельского университета, подсчитала, что каждый миллиард долларов, вложенный в военный сектор, создает на 35 тыс. рабочих мест меньше, чем такая же сумма, израсходованная на осуществление гражданских проектов администраций штатов и местных властей. По подсчетам Совета экономических приоритетов, миллиард долларов, затраченный на военные закупки, создает 28 тыс. рабочих мест; такая же сумма, израсходованная на производство потребительских товаров, создает 57 тыс. рабочих мест, а в системе образования — 71 тыс. рабочих мест²⁰. По данным Германского института экономических исследований в Западном Берлине, государственные расходы в 10 млрд западногерманских марок создают в военной промышленности 180 тыс. рабочих мест, в здравоохранении — свыше 200 тыс., а в социальной сфере — 230 тыс. рабочих мест.

Можно отметить также, что в результате научно-технического прогресса, автоматизации, роста производительности труда сокращается число занятых и в самой военной промышленности. Одно из выполненных в ФРГ исследований показало, что с 1972 по 1976 г. число рабочих мест в военной промышленности сократилось по крайней мере на 20 тыс., хотя за тот же период расходы бундесвера на закупки вооружения и военной техники возросли с 6,8 до 8,6 млрд западногерманских марок в год²¹.

Статистика наглядно показывает, что резкое увеличение объема военных заказов не сопровождается соответствующим ростом занятости в военной промышленности. Объем военных заказов фирмы «Локхид» с 1980 по 1984 г. возрос с 2 до 4,97 млрд долл. (почти на 150 %), а число занятых за это же время увеличилось с 74,6 до 81,3 тыс. (на 9 %). Объем военных заказов фирмы «Макдоннелл-Дуглас» за этот же период вырос с 3,2 до 7,7 млрд долл. (на 140,6 %), а число занятых — с 82,6 до 88,4 тыс. (на 7 %). Аналогичная картина наблюдается практически по всем военно-промышленным корпорациям.

Динамика безработицы в США за последние десятилетия не подтверждает тезис о том, что крупномасштабные военные расходы стимулируют занятость. Среднегодовая численность официально зарегистрированных полностью безработных в США в 1960—1969 гг. составила 3,6 млн человек, в 1970—1979 гг. — 7,4 млн. К 1983 г. число безработных в США достигло рекордного за последние сорок лет уровня — 12 млн человек. Хотя в последующие годы число безработных снизилось, вполне очевидно, что реализация предпринятой в США в начале 80-х годов небывалой в условиях мирного времени программы наращивания военной мощи происходила при сохранении безработицы на более высоком, чем в прошлом десятилетии, уровне.

Хорошо известно, что не менее тяжелым является положение с безработицей у западноевропейских партнеров США. Милитаристские приготовления в европейских странах НАТО также не ослабляют, а усугубляют остроту проблемы занятости трудоспособного населения.

Вместе с другими группировками монополистической буржуазии военно-промышленные комплексы являются активными соучастниками небывалого со времени окончания второй мировой войны наступления капитала на уровень жизни и права трудящихся, на социальное законодательство. По данным АФТ—КПП, в корпорации «Литтон индастриз» из свыше 60 тыс. занятых лишь менее 30 % являются членами профсоюза, а Национальный совет по трудовым отношениям неоднократно привлекал к ответственности эту корпорацию за нарушения трудового законодательства²². Когда процветающая на военных заказах корпорация «Дженерал дайнэмикс» приобрела танкостроительное отделение фирмы «Крайслер», рабочие этого отделения, согласившиеся в свое время на урезанную заработную плату из-за тяжелого финансового положения фирмы, рассчитывали на ее повышение. Однако руководство «Дженерал дайнэмикс» категорически отказалось поднять зарплату и даже разработало специальный план действий на случай забастовки, предусматривавший использование штрейк-брехеров, увеличение числа охранников, усиление надзора за рабочими местами и т. д.²³ В то же время военно-промышленные корпорации не скупятся на средства, когда им необходимо переманить к себе высококвалифицированные кадры, особенно ученых и инженеров.

Военно-промышленные круги развращают сознание людей, вовлеченных в военную сферу, внушая им мысль,

будто труд на производство оружия, включая вооружения, применение которых грозит глобальной ядерной катастрофой, ничем не отличается от труда в любой другой области человеческой деятельности. В условиях массовой безработицы, когда над многими трудящимися висит угроза увольнения, подобная пропаганда находит отклик у части рабочих военных предприятий. Так, выступая по телевидению, сотрудник одной из компаний, работающих на Пентагон, заявил: «В 40-е и 60-е годы нам было хорошо. В то время всегда где-нибудь да шла война. Когда они там посылают куда-нибудь войска, то это идет нам на пользу».

Рост военных расходов, приносящий новые прибыли военно-промышленным монополиям, сопровождается урезанием государственных социальных программ. Это стало настолько очевидным, что бывший глава Пентагона К. Уайнбергер был вынужден заявить во всеуслышание: «Мы должны признать, что наращивание американской военной мощи будет означать замедление роста или вообще прекращение роста ассигнований на социальные нужды». А от сокращения социальных программ страдают прежде всего низкооплачиваемые слои населения.

Перекачка в пользу ВПК крупных бюджетных средств серьезно затрудняет решение проблем здравоохранения, жилищного строительства, регионального развития, благоустройства городов, модернизации инфраструктуры, пенсионного обеспечения и многих других становящихся все более острыми проблем. Гонка вооружений больно бьет по народному образованию и системе профессионального обучения, ассигнования на которые в последние годы сокращаются. В выступлениях в сенате США отмечалось, что лишь программа строительства бомбардировщика В-1В обойдется Америке дороже, чем все, вместе взятые, программы профессионального обучения, одобренные конгрессом за 20 лет. Из-за нехватки средств ухудшается качество обучения в школах.

Среди широких слоев населения США и других капиталистических стран растет понимание не только смертельной опасности гонки вооружений, но и ее губительных социально-экономических последствий. Об этом свидетельствуют лозунги, под которыми проходят антивоенные демонстрации: «Мир и труд вместо вооружений!», «Работу вместо ракет!», «Мир и работу — сейчас!»

ВПК И АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Рост роли и влияния военно-промышленных комплексов и связанных с ними реакционных, воинствующих группировок в общественной жизни развитых капиталистических стран в 80-е годы, особенно в первой их половине, сопровождался одновременно активизацией и существенным расширением социально-политического спектра противостоящих им кругов. «...Международные реакционные силы, — подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — отнюдь не всемогущи. Развитие мирового революционного процесса, подъем массовых демократических и антивоенных движений значительно расширили и усилили огромный потенциал мира, разума и доброй воли. Это — мощный противовес агрессивной политике империализма»¹. Противодействие ВПК в различных слоях и структурах современного буржуазного общества обусловлено прежде всего тем, что деятельность этих комплексов усиливает угрозу выживанию человечества и современной цивилизации, влечет за собой дегуманизацию международной политики и общества в целом.

1. Деятельность ВПК — угроза миру

Чем ближе мировое развитие подводит нас к концу XX в., тем яснее становится, что человечество впервые в своей истории столкнулось со становящейся все более острой и актуальной проблемой выживания. Задачи сохранения жизни на планете, предотвращения краха цивилизации, деградации материальной и духовной культуры стали абсолютными общечеловеческими приоритетами. Выявилась принципиальная несовместимость усилий по решению этих задач с милитаристской политикой и милитаристским мышлением. Это обстоятельство в условиях резкого обострения международной напряженности и конфронтации, характерных для первой половины 80-х годов, и обусловило подъем массовых антивоенных движений в странах Запада, а также на-

растание оппозиции воинствующим фракциям монополистической буржуазии в правящих кругах.

Наиболее серьезной угрозой выживанию является мировая ядерная война. Итоги объективных научных исследований со всей очевидностью показывают, что такая война была бы поистине глобальной катастрофой. В 80-е годы выяснилось, в частности, что так называемые «вторичные» эффекты ядерного конфликта — экологические, климатические, социально-экономические, медико-биологические — неизбежно привели бы к подрыву биологических и технологических условий существования человеческого общества. Единственной надежной гарантией предотвращения военной катастрофы являются ликвидация ядерных вооружений, сокращение неядерных вооруженных сил до уровня разумной достаточности и перестройка их структуры в соответствии с чисто оборонительными нуждами, гуманизация и демократизация мировой политики, создание мощных политико-правовых механизмов регулирования международных отношений.

Между тем всей своей деятельностью военно-промышленные комплексы и связанные с ними политические силы противостоят такого рода переменам в отношениях между государствами, порождают в них негативные и дестабилизирующие тенденции. При их непосредственном участии и во многом под их давлением в 80-е годы в США были запущены крупномасштабные военные программы, нацеленные на существенное повышение американской военной мощи. Действуя единым фронтом, милитаристские группировки добиваются финансирования и реализации все новых таких программ. И поскольку любые реальные меры ограничения и сокращения вооружений затрагивают экономические интересы и политические устремления военно-промышленных комплексов, последние представляют собой по отношению к разоружению активную противодействующую силу. Используя все каналы давления на правительственные и законодательные органы, они стремятся сорвать или затормозить переговоры по ограничению и сокращению вооружений, завести их в тупик или использовать как ширму, под прикрытием которой осуществлялись бы новые раунды гонки вооружений.

Особая опасность связана с использованием научно-технического прогресса в военных целях. Происходящее, например, качественное совершенствование и количественное наращивание все более и более изощренных

ядерных вооружений способно привести к тому, что даже стратегический паритет перестанет быть фактором военно-политического сдерживания. Этот процесс представляет собой прямое следствие стремления ультрамилитаристских кругов выйти за пределы «ядерного тупика», получить возможность использовать военную силу для достижения политических целей. Весьма показательными в этой связи являются попытки ряда американских военных теоретиков разработать такие сценарии ядерного конфликта, когда применение ядерного оружия не влекло бы за собой массовых пожаров, вызывающих «ядерную зиму». «Различные методы осуществления ударов по промышленно-городским центрам, — писали, например, эксперты министерства обороны США, — включают в себя мощные всплески электромагнитного излучения, порождаемые ядерными взрывами на больших высотах; боеголовки, создающие многократно усиленные потоки радиоактивных излучений при сниженной ударной волне, взрываемые на средних высотах; высокоточные «зарывающиеся» (под поверхность земли. — Ю. Ф.) боеголовки малой мощности; высокоточные обычные вооружения; химические или биологические вещества. Общим знаменателем этих методов является стремление ограничить разрушения, вызываемые пожарами вообще и огненными бурями в особенности» ².

Исключительно опасную роль с точки зрения подрыва стратегической стабильности и, следовательно, роста военной угрозы может сыграть девальвация Договора по ПРО в результате осуществления СОИ. Показательно такое суждение. «...Ядерная война, — писал Зб. Бжезинский, — может и не быть просто коротким спазматическим апокалипсисом, который надежнее всего предотвращается доктриной «взаимного гарантированного уничтожения». Эта война может вестись на разных уровнях интенсивности в течение длительного периода времени... Для того чтобы эффективно вести такой конфликт... Соединенные Штаты нуждаются в сочетании наступательных и оборонительных вооружений» ³.

Обеспечение выживания человечества требует снижения военно-политической конфронтации, создания атмосферы доверия, укрепления сотрудничества. Это, однако, коренным образом противоречит устремлениям милитаристских кругов. И действительно, нагнетая международную напряженность, ВПК и связанные с ними политические силы создают обстановку, благоприят-

ствующую их своекорыстной деятельности. В условиях острой конфронтации, постоянно существующих и чреватых угрозой эскалации конфликтных и кризисных ситуаций, взаимной подозрительности военно-промышленным комплексам совместно с другими реакционными фракциями правящих кругов Запада легче проталкивать все новые военные программы. Обострение ситуации на мировой арене способствует усилению политической роли ВПК в странах капитала. Гонка вооружений заметно повышает значение военного производства с присущей ему системой приоритетов в экономике капиталистического мира. Наконец, климат недоверия в отношениях государств благоприятствует милитаризации общественного сознания, что является одним из важных условий усиления позиций ВПК в странах Запада.

Таким образом, международная напряженность самой логикой политического развития усиливает роль и значение военно-промышленных комплексов как инструментов наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии, инициаторов агрессивных планов и действий на мировой арене. В свою очередь переход к разоружению, прежде всего сокращение вооружений и военных расходов, конверсия военного производства на гражданские нужды, снижение конфронтации и усиление доверия между государствами не только ограничивали бы политическую роль ВПК, но и подрывали их материальную основу. В ходе такого процесса политико-идеологические звенья ВПК лишались бы своей экономической опоры и рычагов влияния.

Необходимым условием движения к безопасному и ненасильственному миру, в котором было бы гарантировано сохранение и дальнейшее развитие цивилизации, является утверждение нового политического мышления, исходящего, в частности, из признания взаимосвязанности, взаимозависимости, в значительной мере — целостности мира, из понимания того, что подлинной безопасностью может быть лишь безопасность для всех. Такой подход, однако, подрывает идеологические постулаты милитаризма. Военно-промышленными комплексами и втянутыми в орбиту их деятельности средствами массовой информации создана система идеологических и пропагандистских мифов, которыми они прикрывают и оправдывают свою деятельность. И это не случайно. Усиление влияния ВПК, как и других реакционных группировок правящего класса Запада, рост их значения в политической структуре буржуазного государства тре-

буют милитаристской обработки сознания масс, широко распространения шовинистических настроений, великодержавных амбиций, антисоветских и антикоммунистических стереотипов. Так, выдвижение практически каждой новой военной программы в США предварялось и сопровождалось изощренными антисоветскими кампаниями, призванными убедить американскую общественность и законодателей в «коварных агрессивных замыслах» Советского Союза, в необходимости для США эффективно и активно противодействовать «советской угрозе». Но дело сегодня заключается не только в этом.

Военно-промышленные круги и правоконсервативные политические деятели развернули в последние годы интенсивное идеологическое наступление, призванное заблокировать переход к новому политическому мышлению. Вновь и вновь повторяется давно пришедший в непримиримое противоречие с реальностями ядерного века тезис о том, что лишь военная сила может быть гарантом мира, международной и национальной безопасности, что интересы «свободного мира» требуют глобального военного превосходства Запада, в первую очередь США. В сознание западной общественности настойчиво внедряется исключительно опасная мысль о том, что источник ядерной угрозы — само существование двух социально-экономических систем, что мирного сосуществования принадлежащих к ним государств быть не может, что единственный путь решения противоречий эпохи — силовое противоборство вплоть до вооруженной конфронтации. Пытаясь отравить сознание масс, идеологи, отражающие интересы ВПК, отрицают саму идею возможности политического решения спорных международных проблем, пытаются опровергнуть взаимозависимость в сфере безопасности, неделимость безопасности в ядерный век.

Милитаристская трансформация общественного сознания является немаловажным фактором, препятствующим позитивным изменениям на международной арене. В атмосфере недоверия и подозрительности, в условиях широкого распространения антисоветских предубеждений поиски реалистически мыслящими деятелями западных стран взаимоприемлемых подходов к ограничению и сокращению вооружений нередко истолковываются там как преступное легкомыслие, недооценка опасности извне и даже чуть ли не как предательство национальных интересов. Подобная обстановка заметно сужает возможности таких представителей правящих

кругов буржуазных стран оказывать воздействие на формирование внешнеполитического курса своих государств, способствует закреплению жесткого, силового, конфронтационного подхода к ключевым вопросам мировой политики.

Негативные последствия деятельности ВПК, ее несовместимость с императивами выживания не ограничиваются лишь военно-политической областью. Угроза регресса производительных сил современного общества, материальной и духовной культуры связана не только с возможностью новой мировой войны. Она обусловлена также нарушением экологического равновесия и обострением ряда других глобальных проблем. В последние годы росло осознание того, что расходование все больших материальных и интеллектуальных ресурсов на военные цели препятствует устранению серьезных трудностей в развитии человечества, порождаемых сохранением слаборазвитости обширных регионов Азии, Африки и Латинской Америки, обострением экологической, энергетической, сырьевой и продовольственной проблем.

Наступление милитаристских сил оказалось сопряженным — и это не могли не почувствовать широкие слои населения — с ухудшением экономического положения и нарастанием антидемократических тенденций в капиталистическом мире, растущим ущемлением социальных завоеваний и прав трудящихся. Характеризуя, например, сложившуюся в ФРГ ситуацию, один из деятелей Германской коммунистической партии, тов. Г. Квиатовски, писал: «Коренная противоположность интересов труда и капитала нигде, пожалуй, не проявляется сегодня столь резко и наглядно, как в сфере военного производства. Чем больше расходов на «оборону», тем довольнее фабриканты оружия, хозяева военно-промышленного комплекса, прибыли которых растут. Но положение трудящихся ухудшается... Чем сильнее милитаризация, тем крепче закручиваются тиски социального гнета, тем интенсивнее становятся попытки урезать демократические права»⁴. Нами отмечалось, что даже в наиболее развитой в экономическом отношении стране капиталистического мира — США наращивание военных расходов, обогащая военные корпорации, оборачивается ухудшением положения трудящихся.

Тормозя или вообще блокируя меры в области разоружения и решения других насущных общечеловеческих проблем, военно-промышленные комплексы не только обрекают сотни миллионов человек в несоциали-

стическом мире на голод, нищету и болезни. Они тем самым создают также объективные предпосылки перманентной нестабильности международных отношений, консервируют глубинные основы межгосударственных конфликтов и кризисов в зоне развивающихся стран, которые уходят своими корнями и в прошлое, и в нынешние социально-экономические условия этих стран и регионов, прежде всего их слаборазвитость.

Усиление антидемократических тенденций в странах капитала, являющееся следствием активизации ВПК, в свою очередь создает благоприятные условия для деятельности там милитаристских сил. Чем слабее, например, контроль выборных законодательных органов и иных буржуазно-демократических учреждений над разработкой и реализацией военных программ, тем больше возможностей имеют военно-промышленные круги для достижения своих узкогрупповых целей, для реализации планов погони за военно-стратегическим превосходством империализма.

Негативное воздействие ВПК на все стороны жизни капиталистического общества и на мировое развитие в целом привело к значительной активизации массовых выступлений против империалистической реакции, милитаризма, военно-промышленных монополий и связанных с ними политико-идеологических структур буржуазного общества.

Специфика этой борьбы во многом определяется тем, что военно-промышленные комплексы представляют собой одну из крайне реакционных и авантюристических фракций монополистического капитала, обладающих немалой самостоятельностью в форсировании милитаристских программ. Цели и интересы ВПК далеко не всегда и не во всем совпадают с целями и интересами буржуазии в целом, не говоря уже о других социальных слоях современного западного общества, которым чужды и враждебны милитаристские устремления. Действия ВПК все более входят в противоречие с общечеловеческими интересами и ценностями. И поэтому спектр социальных сил, самой логикой исторического развития вовлекаемых в борьбу за изоляцию и ослабление ВПК, весьма широк. Возможно — и предпосылки к этому постепенно складываются — образование широкого общедемократического фронта борьбы за достижение этой цели, включающего в себя представителей практически всех слоев населения капиталистических государств.

2. Антивоенное движение и борьба против ВПК

Борьба против военно-промышленных комплексов и других милитаристских сил вышла в 80-е годы на новый уровень. Нарастание гонки вооружений и военной угрозы привело к активным выступлениям широких масс населения в западных странах за снижение конфронтации, укрепление международной безопасности. «...Ход событий на международной арене, — подчеркивал, например, в этой связи член Политбюро и секретарь ЦК СЕПГ Г. Аксен, — определяется в наши дни не только противоборством трех главных революционных потоков с империализмом. Налицо новое непримиримое противоречие: между одержимыми идеей ядерной войны наиболее реакционными кругами империализма... и подавляющим большинством человечества (включая значительную часть монополистической буржуазии), чьи жизненные интересы неразрывно связаны с предотвращением ядерной катастрофы...»⁵

Массовое антивоенное движение 80-х годов — явление весьма сложное и подчас противоречивое как в социально-политическом, так и в организационном отношении. Во многом это обусловлено тем, что в это движение широко вливаются так называемые средние слои современного капиталистического общества с присущими им стереотипами, симпатиями и антипатиями. Определенная неоднозначность и непоследовательность политических установок этих слоев и движений, однако, не только не умаляет, но иногда даже подчеркивает значение того факта, что действия ВПК и других реакционных сил стали несовместимыми с потребностями и устремлениями народных масс, которые через избирательные системы оказывают немалое воздействие на функционирование механизма власти в западных странах.

Подъем антивоенных выступлений в 80-е годы связан с серьезными сдвигами в общественном сознании в развитых капиталистических странах. В частности, проблема войны и мира, предотвращения ядерной катастрофы и сопряженные с ней международно-политические вопросы утратили отвлеченно-абстрактный характер, вошли в число тех проблем, которые непосредственно определяют не только умонастроения, но и в известной мере политическое поведение масс. Они стали своеобразным «элементом повседневности», попали в число факторов, которые расцениваются как объективно и субъективно важные. «Проблемы ядерного оружия и уг-

роза войны вызывают особую озабоченность в странах НАТО, уступая только безработице и несколько опережая проблемы преступности и инфляции», — писал американский политолог Р. Ливингстон в первой половине 80-х годов ⁶.

Кроме того, в общественном сознании широких слоев населения стран Запада возникло и заняло немалое место стремление не передоверять решение проблем войны и мира правительствам и разного рода милитаристским структурам и институтам. Эти вопросы все чаще увязываются с проблемами демократии. Рост военной угрозы рассматривается как нечто коренным образом противоречащее демократическому мироустройству и одновременно как следствие эрозии буржуазной демократии, отчуждения масс от принятия важнейших военно-политических решений. Отражая такие настроения, вице-президент Американской ассоциации содействия ООН Э. Лек писал: «Концепциям широкого обмена ядерными ударами присуще нечто, в основе своей противоречащее принципам демократии» ⁷. Ширится убеждение в том, что общественность не может оставить решение проблем обеспечения международной безопасности на усмотрение военно-промышленных комплексов и связанных с ними других промилитаристских сил. «Оборона — слишком важное дело, чтобы оставить его в руках профессиональных военных, — подытожил такого рода взгляды один из деятелей американского антивоенного движения, Б. Денич. — Этот жизненно важный вопрос нельзя также оставить в руках ястребов и вообще правых» ⁸.

У общественности западных стран вызывает тревогу ощущение растущей иррациональности концепций «ядерного сдерживания» в военной политике НАТО. Эти концепции, предполагающие применение ядерного оружия первыми, обоснованно рассматриваются как наиболее яркий пример дегуманизации международных отношений. «Стратегическая теория, — писал, например, отражая такие настроения, один из лидеров антивоенного движения США, Дж. Шелл, — стала, кажется, жить своей собственной жизнью, в которой вооружениям как бы надлежит улаживать свои конфликты, независимо от человеческих намерений. Вообще в теоретически стройном, но лишенном человеческого измерения мире ядерной стратегии, вероятно, теряется из виду то, что развязывание ядерной войны само по себе предполагает крах разума и гуманности» ⁹.

Таким образом, в первой половине 80-х годов в общественном сознании Запада возникло весьма значительное антимилитаристское течение, направленное в основе своей против ВПК и связанных с ним реакционных фракций правящих кругов капиталистических государств. Это нашло свое отражение в опросах общественного мнения.

«В 1949 г., — отмечается, например, в одном из исследований СИПРИ, — только 29 % опрошенных в США людей полагали, что изобретение ядерной бомбы — событие негативного порядка. В 1982 г. соответствующая цифра достигла 65 %... В ходе исследования был выявлен определенный консенсус установок, характерный для примерно 75 % населения... Он заключается в убеждении в том, что ядерная война самоубийственна, что и СССР и США имеют способность много раз уничтожить друг друга, что гонку вооружений нельзя выиграть, поскольку Советский Союз неизбежно догонит Соединенные Штаты, что ни США, ни Советский Союз никогда не должны полагаться на войну, ибо это слишком опасно»¹⁰.

Показательны перемены в отношении американского населения к военным расходам. На протяжении 70-х годов в Соединенных Штатах, как показывали опросы общественного мнения, росла доля лиц, поддерживающих увеличение расходов на военные цели. В начале 70-х годов она составляла примерно 10 %, а в 1980 г. — 70 %. Но уже в 1982 г. — когда администрация Р. Рейгана начала осуществлять далеко идущие военные программы — соответствующая цифра упала до 17 %¹¹. Весной 1985 г. 53 % американцев высказывались за существенное сокращение бюджета Пентагона¹².

Опросы общественного мнения в Западной Европе в середине 80-х годов показывают, что подавляющее большинство населения против размещения там американских ракет. Против этого тогда высказались 83 % итальянцев, 75 % граждан ФРГ и около 60 % англичан. Указанные сдвиги в общественном сознании привели к резкому подъему политической антивоенной активности масс.

В капиталистических странах возникло множество антивоенных групп, действующих на местном уровне, главным образом в небольших городах. Появились новые, ведущие борьбу за мир организации национального, регионального, а иногда и международного масштаба. Часть из них построена на профессиональной основе.

Они объединяют врачей, ученых, учителей, юристов, фермеров, отставных военных и т. д. В антивоенную борьбу активно включились державшиеся ранее в стороне от нее женские, религиозные, молодежные, экологические движения. Значительно усилили свое влияние традиционные пацифистские организации.

Несмотря на социальную, политическую и идеологическую неоднородность антивоенного движения, в его среде сформировалась совокупность лозунгов, отражающих то общее, что присуще подавляющему большинству его участников.

Антивоенное движение недвусмысленно выступило против подготовки ядерной войны. В ответ на установку военно-политических кругов США о допустимости «ограниченного» ядерного конфликта были в массовом масштабе распространены материалы, показывающие с научных позиций катастрофические последствия использования ядерного оружия. Ученые, имеющие мировую известность, доказали, что ядерная война приведет к уничтожению материальной и духовной культуры человечества, поставит под угрозу жизнь на планете. Так, группой видных американских ученых было проведено исследование, предсказывающее неизбежность глобальной климатической катастрофы в результате ядерной войны. Один из его авторов, астроном К. Саган, писал, что различные исследования «приводят к одному неизбежному выводу — необходимости как можно более быстрого продвижения к сокращению мировых ядерных арсеналов»¹³. Большое значение в развитии антивоенного движения в 80-е годы имело активное включение в него врачей, убедительно показавших, что ядерная война стала бы «последней эпидемией».

Участники антивоенных выступлений борются за предотвращение милитаризации космического пространства, требуют прекращения роста военных расходов и их сокращения. Антивоенное движение решительно выступило против использования ядерного оружия первыми, потребовало замораживания ядерных арсеналов и ядерного разоружения, отказа от принятия на вооружение в США новых систем оружия — ракет МХ, стратегических бомбардировщиков В-1В и «Стелс», запрещения производства и ликвидации всех видов химического оружия. Широкое распространение получила борьба за создание безъядерных зон на местном, национальном и региональном уровнях.

Вся политическая программа антивоенного движе-

ния — при определенной ее неоднозначности, связанной с широким социальным составом участвующих в нем организаций, — в целом противостоит интересам и деятельности военно-промышленных комплексов империалистических государств. Реализация требований антивоенного движения означала бы серьезный удар по ВПК, подрыв их позиций и влияния. Вместе с тем в капиталистических странах усиливаются выступления, направленные непосредственно против военно-промышленных комплексов, против тех сил, для которых форсированная гонка вооружений оборачивается экономическими и политическими выгодами.

Это связано с закономерностями развития антивоенных общественных движений. Возникая под влиянием какого-либо одного импульса, такого, как, скажем, страх перед роковыми последствиями ядерной катастрофы, они самой логикой борьбы вынуждены выявлять подлинные источники угрозы, социальные группы, заинтересованные в развитии событий по опасному руслу, анализировать мотивы и степень такой заинтересованности, видеть гонку вооружений в многообразии ее негативных политических и экономических последствий. «...Страх, — подчеркивал, например, один из руководителей антивоенного движения в Западном Берлине, П. Герлингхофф, — действительно первопричина массовости борьбы. Но, кроме того, он породил несколько важных проблем. Прежде всего заставил задуматься... Чувство страха породило напряженный процесс осмысления сложных закономерностей гонки вооружений. В свою очередь такой процесс помог различным группам населения увидеть, как гонка вооружений непосредственно влияет на условия их жизни. Скажем, осознание взаимосвязи между безработицей или перспективой остаться без работы, с одной стороны, и наращиванием вооружений — с другой...»¹⁴ Стихийный протест масс против угрозы ядерной катастрофы, как отмечает Генеральный секретарь Компартии США тов. Г. Холл, способствует усилению антиимпериалистической борьбы. «*Под воздействием* стремления к миру, — подчеркнул он, — формируются сознательные антиимпериалистические настроения, все сильнее охватывающие различные круги общественности. На политической арене появляются отражающие эту тенденцию движения»¹⁵.

Участники антивоенного движения все яснее осознают опасную роль ВПК как генератора гонки вооружений и военной угрозы, бросают резкие обвинения в адрес

военно-промышленных кругов США и НАТО. Так, в ходе крупной демонстрации американских женщин около Пентагона 17 ноября 1982 г. было принято обращение, в котором выражался решительный протест против «гигантских корпораций, которые неизменно превращают научные достижения в средства разрушения», и против «финансовых связей между Пентагоном, многонациональными корпорациями и банками, которым служит Пентагон»¹⁶. Подчеркивая необходимость активного участия общественности в борьбе против военно-промышленных комплексов, за международную безопасность, президент Федерации американских ученых Ф. фон Хиппель писал: «В век быстро развивающейся технологии казалось бы естественным предоставить решение вопросов национальной безопасности техническим экспертам. Это, однако, было бы опасной ошибкой. Поиски обеспечения безопасности только на основе технологии привели к увеличению уязвимости и... патологическому росту военно-промышленного истеблишмента». Отмечая рост массовой озабоченности ядерной угрозой, он призвал «превратить эту озабоченность в эффективные и целенаправленные политические действия»¹⁷.

Непосредственно против ВПК направлено мощное течение в современном антивоенном движении Запада, выступающее за сокращение военных расходов и перевод военного производства на гражданские нужды. Такие требования содержатся в программных документах многих антивоенных организаций. В последние годы возникли даже организации, которые ставят достижение этой цели в центр своей деятельности. Среди них, например, новая американская общенациональная организация «Рабочие места в результате мира», выступающая за увеличение занятости в стране путем переключения военных расходов на мирные цели, конверсии военной промышленности.

Этому направлению антивоенной деятельности уделяют сегодня большое внимание профсоюзы в странах Запада, в том числе и те, которые ранее воздерживались от активных политических выступлений. Они убедительно опровергают распространяемый военно-промышленными кругами тезис о том, что рост военных расходов способствует повышению занятости. По инициативе ряда профцентров в США, Великобритании, ФРГ и других странах Запада были подготовлены доклады, показывающие, что гонка вооружений подхлестывает безработицу

в капиталистическом мире, усиливает налоговое бремя, приводит к сокращению социальных программ.

Так, в 1982 г. по заказу профсоюза механиков и работников аэрокосмической промышленности и Коалиции за новую внешнюю и военную политику американский Совет экономических приоритетов подготовил серьезный документ, показывающий экономические издержки американской программы наращивания военной мощи. Президент этого профсоюза У. Уинписингер в предисловии к названному докладу писал: «Наш долг перед членами профсоюза, перед их семьями и в конечном счете перед нацией в целом — достаточно полно ознакомить их с последствиями безумных расходов на гонку вооружений... Ведь именно им, как и всем другим трудящимся, придется жертвовать, нести тяжкое бремя раздутых военных бюджетов»¹⁸. Показательно, что в этом докладе категорически опровергается распространяемый на Западе миф о якобы существующем отставании США от СССР в военной области.

Непосредственно против военно-промышленных комплексов нацелены действия большого числа возникших в последние годы организаций, действующих на местном уровне, главным образом в небольших городах и сельских общинах. Они часто выступают против расположенных в соответствующих районах военных баз или военных предприятий, требуя их ликвидации или перевода на мирные рельсы, объявления своей местности безъядерной зоной. Участники такого рода движений подчеркивают недостаточность лишь принятия общих призывов и политических деклараций, они делают упор на конкретные, пусть небольшие по масштабу, практические действия, направленные на реальное ограничение военного производства и другой милитаристской деятельности. Широкое распространение таких акций и настроений — свидетельство ведущихся в антивоенном движении Запада поисков активных средств борьбы с засильем военно-промышленных комплексов.

Резкая активизация антивоенной деятельности средних слоев не снижает роли рабочего класса как силы, противостоящей в странах капитала милитаризму и деятельности военно-промышленных комплексов. По сей день актуальны слова К. Маркса, писавшего, что рабочий класс вступает на международную арену «как независимая сила, сознающая свою собственную ответственность и способная диктовать мир там, где его так называемые хозяева кричат о войне»¹⁹.

Авангард рабочего класса — коммунисты являются наиболее активной и последовательной силой в борьбе против линии военно-промышленных комплексов на форсированную гонку вооружений и подготовку к ядерной войне. «Мы, коммунисты, — подчеркивалось в Призыве коммунистов к народам европейских стран за мир и разоружение, принятом 29 апреля 1980 г., — являемся поборниками мира, мы хотим разоружения, сотрудничества и дружбы между народами. Поэтому мы говорим: «Мир — это наше общее дело, и наша совместная борьба способна обеспечить торжество этого дела»²⁰. События 80-х годов, вышедшая на новые рубежи гонка вооружений, возросшая угроза мировой ядерной катастрофы придали новый смысл, определили глобальное значение мироутверждающей деятельности коммунистических партий. Она направлена на обеспечение максимального участия коммунистов в практической борьбе антивоенных сил, поддержку этой борьбы, мобилизацию самых широких народных масс во имя сохранения человеческой цивилизации. При этом коммунистическое движение выступает за равноправное сотрудничество всех антивоенных сил, за их совместные действия. Особое внимание оно уделяет подлинно научному анализу движущих сил гонки вооружений и роста военной угрозы, включая изучение сущности и практической деятельности военно-промышленных комплексов империалистических государств. Принципиальная важность такого анализа возрастает, поскольку в общественном мнении Запада, в том числе и среди части рабочего класса, известное распространение получила в корне ложная идея «равной ответственности» империализма и социализма за обострение напряженности в мире, воздействующая на политическое поведение значительных масс населения.

Свой вклад в антивоенную деятельность вносят также другие отряды рабочего класса, в том числе социал-демократические и социалистические партии. На рубеже 70-х и 80-х годов, когда в политике империализма начался поворот в сторону нагнетания напряженности и усиления гонки вооружений, социал-демократия в целом выступила за сохранение политики разрядки и продолжение усилий по ограничению гонки вооружений. В 80-е годы такие влиятельные ее отряды, как западно-германская, греческая, шведская, финская, австрийская социал-демократические партии, английские лейбористы, настойчиво выдвигали или поддерживали полезные

инициативы в области ограничения и сокращения вооружений.

В руководящих кругах социал-демократии растет понимание опасности бесконтрольной гонки вооружений, распространения ее на космическое пространство. Так, выступая в Москве в мае 1985 г., председатель Социалистического интернационала В. Брандт подчеркнул: «Я не только разделяю сомнения многих ученых в возможности стратегического использования космоса, но и считаю ошибкой идти таким путем, вызывающим дополнительные угрозы и сковывающим умы, а также ресурсы, в которых мы остро нуждаемся для выполнения огромных задач на нашей земле. Мы нуждаемся отнюдь не в большем количестве и «лучшем» качестве смертоносного оружия, а в лучшей политике. Неумелые действия на Земле не могут быть компенсированы бегством в космос, этим положение даже еще больше ухудшится»²¹.

Разумеется, современная социал-демократия и особенно ее руководство далеко не однородны в своем отношении к вопросам войны и мира, к борьбе против военно-промышленных комплексов. Важно, однако, что подавляющая часть социал-демократического движения, прежде всего его рядовые члены, все активнее участвует в массовой борьбе за мир и разоружение, против бесконтрольной деятельности военно-промышленных комплексов.

Участие в антивоенном движении представителей самых различных слоев населения, придавая ему широкий размах, создает одновременно ряд проблем. Участники движения подчас по-разному оценивают источники военной угрозы, не совпадают их взгляды, касающиеся природы и характера военно-промышленных комплексов, возникают сложности при организации параллельных или совместных действий различных организаций. Объективные трудности в развитии антивоенного движения, порождаемые его широким социальным составом, намеренно усугубляются пропагандистскими кампаниями против этого движения, организуемыми реакционными силами, в том числе военно-промышленными кругами.

Однако объективная политическая реальность, логика активных действий в пользу мира и разоружения все ощутимее подталкивают антивоенное движение Запада к пониманию подлинных причин гонки вооружений и обострения международной напряженности, убеждают

в необходимости единства всех миролюбивых сил в борьбе против военной опасности, против ударных отрядов империалистической реакции — военно-промышленных комплексов.

3. Рост противодействия ВПК

Действия ВПК, нацеленные на подрыв международной безопасности и подхлестывание гонки вооружений, встречают не только растущее сопротивление широких масс трудящихся, но и все более ощутимую оппозицию в правящих кругах Запада. Это одно из конкретных проявлений раскрытой В. И. Лениным неизбежности расслоения господствующего класса капиталистического общества по вопросам внешней политики, и прежде всего войны и мира. В начале 20-х годов нынешнего столетия В. И. Ленин указывал на существование «пацифистского лагеря международной буржуазии» и «лагеря грубо-буржуазного, агрессивно-буржуазного, реакционно-буржуазного»²². Он подчеркивал, что развитие событий на международной арене вынуждает определенную часть правящих кругов Запада встать на путь поиска компромиссов с социализмом по вопросам мировой политики.

Сегодня в правящих кругах капиталистического мира существует значительная фракция, осознавшая бесперспективность и опасность — в том числе и для самих себя — линии на достижение военного превосходства империализма над социализмом. Осознание военных, экономических и политических реальностей конца XX в. заставляет эту фракцию искать пути мирного противоборства с социализмом, а по ряду конкретных проблем, прежде всего экономических, идти на взаимовыгодное сотрудничество. Меняющееся, динамическое соотношение сил реалистически мыслящих и агрессивных кругов в странах капитала и их влияние на принятие внешнеполитических решений во многом определяют зигзаги курса империалистических государств на международной арене.

Расхождение интересов, борьба между ВПК и его противниками среди правящего класса Запада вызваны также тем, что усиление политических и экономических позиций ВПК влечет за собой — хотя и не автоматически — ущемление интересов той части буржуазии, которая в наименьшей мере связана с реализацией военных программ, заинтересована в расширении мирных отрас-

лей промышленности, экономических связей со странами социализма, в наибольшей мере страдает от налоговых и других трудностей, вызванных ростом военных бюджетов, производства вооружения и военной техники. Важно отметить, что значительная и влиятельная часть господствующего в буржуазном обществе класса рассматривает нынешний уровень вооружений, прежде всего вооружений ядерных, как избыточный с точки зрения потребностей и возможностей использования его для защиты интересов современной буржуазии. А это в свою очередь расширяет перспективу выхода на новый, значительно более низкий уровень милитаризации капиталистического общества на основе радикального сокращения вооружений, в первую очередь их наиболее опасных для человечества компонентов.

Представители политических кругов Запада, выступающие против усиления ВПК, не могут не учитывать и антивоенных настроений широких масс населения, от которых зависит, в частности, исход различных выборов, в том числе в высшие законодательные органы. «Милитаризация хозяйства, милитаризм в целом рождаются капитализмом,— подчеркнул в этой связи академик Е. М. Примаков.— Но это бесспорное положение не идентично представлению, что капитализм не может без них существовать. Конечно, капитализм вдруг и тем более сам не откажется от милитаризма, однако радикальные изменения в соотношении сил в мире, активный миролюбивый курс социалистических стран, усиливающаяся борьба с империализмом широких народных масс могут принудить правящие круги империалистических держав пойти на известные шаги по сокращению сферы милитаризации»²³.

Рост оппозиции военно-промышленным комплексам в буржуазной среде Запада проявляется во все более острых дискуссиях по важнейшим проблемам внешней политики, в усиливающемся давлении на правительства империалистических государств с целью отказа от наиболее вызывающих военных программ и перехода на конструктивные позиции по вопросам ограничения гонки вооружений, в выдвижении в ходе предвыборных кампаний рядом буржуазных и социал-демократических партий относительно реалистических программных положений во внешнеполитической области.

Острые противоречия в правящих кругах буржуазных государств вызвала наиболее опасная затея военно-промышленного комплекса США и связанных с

ним политических сил — «стратегическая оборонная инициатива». С осуждением программы выступили многие влиятельные представители господствующего класса современного капиталистического мира. «Сегодня мы находимся на одном из наиболее критических перекрестков гонки вооружений после взрыва первой атомной бомбы,— говорится, например, в Национальной платформе демократической партии США, принятой в 1984 г.— Мистер Рейган хочет открыть небеса для войн. Его проект «звездных войн» создает уязвимый и провоцирующий «щит», который внушит нашей нации ложное чувство безопасности... Эта программа, стоящая триллион долларов, спровоцирует опасную гонку наступательных и оборонительных вооружений»²⁴.

Показателен тот факт, что в американском конгрессе усиливается оппозиция курсу на создание ударных космических вооружений. «Предполагать, что звездные войны могут загнать ядерного джина обратно в бутылку,— значит жестоко обманывать американский народ и упрощать до предела сложную природу нашего ядерного века» — с таким откровенным заявлением выступил член палаты представителей конгресса США Дж. Браун²⁵. Оппозиция «стратегической оборонной инициативе» в американском конгрессе проявилась и в том, что при утверждении бюджета на 1987 финансовый г. законодатели выделили на ее осуществление значительно меньше средств, чем было запрошено Пентагоном²⁶. В конгрессе США нарастает также противодействие попыткам деятелей администрации перейти к так называемой «широкой интерпретации» Договора по ПРО. «Рейган,— заявил сенатор К. Левин,— должен будет придерживаться традиционной интерпретации (Договора по ПРО.— Ю. Ф.) или же примириться с резким сокращением финансирования СОИ по сравнению с сегодняшним днем»²⁷. Намерение правых сил обесценить этот важнейший договор вызвало также вежливое, но достаточно твердое негативное отношение со стороны даже таких верных союзников США, как консервативное руководство Великобритании и ФРГ. Факты таковы — авантюристические устремления военно-промышленного комплекса наталкиваются на противодействие со стороны части правящей элиты капиталистического мира, отдающей себе отчет в том, что императивом ныне стало мирное соревнование и сотрудничество двух общественных систем. «Мы разделяем с Советским Союзом общую заинтересованность в выживании,— заявил по-

сол Великобритании в США О. Райт.— Будучи разумными, нам не нужно быть либо красными, либо мертвыми».

Реалистически мыслящие представители правящего класса Запада отвергают усиленно пропагандируемую ультрамилитаристскими кругами идею о возможности ведения «ограниченной ядерной войны». «Пришла пора понять, — со всей определенностью отмечали М. Банди, Дж. Кеннеди, Р. Макнамара и Дж. Смит, — что еще никто не сумел выдвинуть сколько-нибудь убедительного обоснования того, что любое использование ядерного оружия даже в минимальных масштабах может остаться ограниченным»²⁹. В США и других странах НАТО все тревожнее звучат предупреждения о том, что ядерный конфликт даже тактических масштабов неизбежно выйдет из-под контроля. «Весь мой боевой опыт говорит, что ядерная эскалация... не может контролироваться»³⁰, — пишет, например, бывший заместитель главнокомандующего американскими войсками в Европе генерал А. Коллинз. Многие видные западные специалисты и политические деятели отвергают поддерживаемую апологетами ВПК концепцию применения первыми ядерного оружия. Следствием подобной роковой акции, писал Р. Макнамара, «будет уничтожение западной цивилизации»³¹.

Показательна позиция по вопросам войны и мира, занятая влиятельной частью церковной иерархии Запада, прежде всего США. С заявлениями, содержащими по сути дела резкую критику политического курса ВПК, выступили в последние годы в Соединенных Штатах католическая, епископальная, лютеранская, объединенная методистская, баптистская и пресвитерианская церкви.

В принятом, например, в 1982 г. документе епископальной церкви гонка вооружений осуждается как «аморальная и несправедливая», поскольку она «поглощает в астрономических количествах экономические, технические и природные ресурсы»³². Практически все названные церкви решительно осудили ядерную войну, потребовали замораживания ядерных арсеналов СССР и США. «Мы не видим какой-либо ситуации, в которой развязывание ядерной войны, даже в самых ограниченных масштабах, было бы морально обоснованным», — отмечается в пастырском послании католических епископов США³³. В этом документе подчеркнуто, что политика «ядерного сдерживания неприемлема как до-

лгосрочная основа мира»³⁴, содержатся призывы прекратить развертывание наиболее дестабилизирующих систем оружия, заключить договор о полном запрещении испытаний ядерного оружия. Эти и другие призывы нельзя расценить иначе как прямой вызов действиям военно-промышленных кругов США и НАТО. Объединенная пресвитерианская церковь в 1982 г. объявила 80-е годы «декадой миротворчества», призвала к замораживанию ядерного оружия, потребовала приостановить разработку ракет МХ и бомбардировщика В-1В. Такая позиция многих влиятельных религиозных организаций США отражает в присущей ей форме происходящие сдвиги в политическом мышлении части правящих кругов этой страны и растущие антивоенные настроения широких слоев трудящихся. В свою очередь взгляды церковного руководства оказывают стимулирующее воздействие на антивоенное движение в США, способствуют росту оппозиции крупномасштабным военным приготовлениям страны.

Среди правящих кругов и интеллектуальной элиты Запада получают распространение противоречащие установкам и практической деятельности ВПК концепции, согласно которым обеспечение подлинной национальной и международной безопасности требует не нагнетания «сверхвооружений», а их ограничения и сокращения, проведения в этой области разумной, сдержанной политики, выделения значительно больших, чем ныне, средств для решения острых экономических проблем. «В глобальном контексте, — отмечается, например, в докладе комиссии Брандта, — подлинная безопасность не может быть обеспечена нагромождением оружия — обороной в узком смысле этого слова. Она требует обеспечения надежных условий для мирных отношений между государствами, решения не только военных, но и невоенных проблем, которые им угрожают. Гонка вооружений... создает положение, при котором угасание человечества становится реальной возможностью»³⁵.

Другая сторона этой проблемы была проанализирована группой авторитетных специалистов, созданной Федерацией американских ученых. Их вывод опровергает выдвигаемые военно-промышленными кругами тезисы о необходимости постоянного наращивания вооружений. «Наращивание военной мощи может быть контрпродуктивным, — отмечается в исследовании. — Это особенно ясно видно в наши дни, когда «запас мощи»

провоцирует гонку вооружений. Америка сегодня была бы в большей безопасности, если бы в 40-е и 50-е годы она удовлетворилась ограниченным ядерным балансом»³⁶.

Оппозиция ВПК со стороны части правящих кругов США не ограничивается противоборством в идеологической и теоретической областях, она проникает и во внутривластную сферу, отражается в деятельности законодательных органов. Однако пока еще рано говорить о реальном размежевании сил в конгрессе, там еще не сформировалась устойчивая оппозиция милитаристским программам, навязываемым военно-промышленным комплексом и другими реакционными силами. И все же некоторые тенденции в этом направлении уже проявляются.

О наличии разногласий в правящем классе США свидетельствует принятая летом 1984 г. предвыборная платформа демократической партии страны. При очевидной непоследовательности этой платформы в ней все же критиковалась политика «погони за призраком военного превосходства», отвергалась возможность победы в ядерной войне. Было высказано намерение ввести временный мораторий на испытания ядерного оружия и противоспутниковых систем, начать переговоры по взаимному замораживанию ядерных вооружений и предотвращению милитаризации космоса, прекратить разработку и производство ракет МХ, бомбардировщиков В-1В и т. д.

Растущая оппозиция милитаристским процессам характерна и для правящих кругов западноевропейских стран. Большинство политических сил в этом регионе выступает против неконтролируемой гонки вооружений, стремится ограничить, а по возможности и снизить остроту конфронтации государств противоположных общественных систем. Правящие круги западноевропейских государств заинтересованы в поддержании диалога с СССР, считают необходимым сохранить достигнутое в переговорах об ограничении и сокращении вооружений. Так, например, с публичной критикой решения администрации США отказаться от соблюдения Договора ОСВ-2 выступила весьма влиятельная часть политической элиты западноевропейских стран, в том числе многие из тех, кто обычно поддерживает военнополитический курс США. Этот и другие примеры являются конкретным отражением и свидетельством растущего понимания в правящих кругах западноевропей-

ских стран того, что будущее Европы требует мирного сотрудничества государств континента.

Опыт истории и современная практика свидетельствуют, что нет фатальной предопределенности постоянного роста роли и влияния ВПК. Позиции милитаризма никоим образом не являются незыблемыми. Даже в цитаделях империализма действуют все более мощные силы и факторы, прямо или косвенно противостоящие военно-промышленным комплексам. Это противодействие обусловлено в основе своей растущим противоречием между корыстными интересами и устремлениями военно-промышленной элиты, с одной стороны, и интересами сохранения человеческой цивилизации — с другой.

ИСТОЧНИКИ

Глава I

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 248; Т. 27. С. 388.
- ² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 11.
- ³ См.: Белов Н. А. Вопросы экономики в современной войне. М., 1951. С. 113.
- ⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 3.
- ⁵ Там же. Т. 34. С. 191.
- ⁶ Stern. 1983. 3.XI. S. 104.
- ⁷ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 133.
- ⁸ US Department of Commerce: Census of Manufactures. Wash., 1975. SR 2. P. 232—233.
- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 290.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 232.
- ¹¹ Army Times. 1977. 5.V. P. 30.
- ¹² The Economic Almanac 1953—54. N. Y., 1953. P. 195.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 173.

Глава II

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 398.
- ² Велихов Е., Кокошин А. Ядерное оружие и дилеммы международной безопасности // МЭМО. 1985. № 4. С. 37.
- ³ Aerospace Daily. 1986. 19.XI. P. 269—270.
- ⁴ Цит. по: МЭМО. 1986. № 5. С. 49.
- ⁵ См. подробнее: США: Военное производство и экономика. М., 1983. С. 149.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 318—319.
- ⁷ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 367.
- ⁸ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1979. С. 187, 354.
- ⁹ Цит. по: Борисов В. В. Пентагон и наука. М., 1975. С. 47.
- ¹⁰ См. подробнее: Васюкович В. П. Ценообразование в военном производстве США. М., 1980. С. 16—17.
- ¹¹ Яковлев А. Н. От Трумэна до Рейгана. М., 1985. С. 104.
- ¹² Defense Daily. 1985. 16.V. P. 90.
- ¹³ Melman S. Profits Without Production. N. Y., 1983. P. 210—211.
- ¹⁴ ООН. Экономические и социальные последствия гонки вооружений и военных расходов. 1978. С. 26, 55.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 377.
- ¹⁶ Kaufman R. The War Profitters. N. Y., 1970. P. 41—42.
- ¹⁷ Цит. по: Военно-промышленный комплекс: Приложение к журналу «Новое время». 1986. С. 10.
- ¹⁸ Time. 1983. 23.V. P. 27.

Глава III

- ¹ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 10.
- ² The FY 1987 Department of Defense Program for Research and Development. Wash., 1986. P. I—1, I—9, II—18, III—23.

- ³ Chemical and Engineering News. 1987. № 1. P. 6.
- ⁴ The FY 1987 Department of Defense Program for Research and Development. P. A-2.
- ⁵ Federal Funds for Research and Development. Wash., 1981. P. 38.
- ⁶ Research and Development in Industry: Technical Notes and Detailed Statistical Tables. Wash., 1979. P. 25.
- ⁷ Science Indicators 1982. Wash., 1983. P. 195, 196.
- ⁸ Statistical Abstract of the US 1986. P. 539.
- ⁹ Science Indicators 1982. P. 216.
- ¹⁰ Statistical Abstract of the US 1986. P. 809.
- ¹¹ US Department of Commerce: An Assessment of US Competitiveness in High Technology Industries. 1983. P. 46.
- ¹² The FY 1984 Department of Defense Program for Research and Development. P. A-5.
- ¹³ Federal Funds for Research and Development. Wash., 1983. P. 20.
- ¹⁴ Annual Review of Government Funded Research and Development 1983. L., 1983. P. 8.
- ¹⁵ Federal Funds for Research and Development. Wash., 1985. P. 61-64.
- ¹⁶ The FY 1985 Department of Defence Program for Research and Development. P. A-5.
- ¹⁷ The FY 1987 Department of Defense Program for Research and Development. P. A-4.
- ¹⁸ Ibid. P. 1-9, 1-11, III-6.
- ¹⁹ Defense Daily. 1985. 8.VIII. P. 215.
- ²⁰ New Scientist (L.). 1985. 12.XII. P. 18.
- ²¹ The Nation. 1985. № 4. P. 201-202.
- ²² Defense Daily. 1987. 19.IV. P. 7.
- ²³ Ibid. 1987. 19.II. P. 4.
- ²⁴ World Armaments and Disarmament: SIPRI Yearbook 1985. Stockholm, 1985. P. 237-239.
- ²⁵ Ibid. P. 236-239.
- ²⁶ Contribution to the First International Armament Transition//Conversion Symposium. Williamsburg, 1984. 25.X. P. 5.
- ²⁷ World Armaments and Disarmament: SIPRI Yearbook 1985. P. 424-439.
- ²⁸ Ibid. P. 332-335.
- ²⁹ Ibid. P. 337.
- ³⁰ Aviation Week and Space Technology. 1985. № 24. P. 12.
- ³¹ ADIU Report 7:5 (Brighton). 1985. № 5. P. 12-13.
- ³² The Financial Times. 1985. 1.VI. P. 16.
- ³³ Armament and Disarmament Information Unit. 1985. № 4. P. 4.
- ³⁴ Aviation Week and Space Technology. 1985. № 24. P. 14.
- ³⁵ Bulletin of the Atomic Scientists. 1985. № 8. P. 11.

Г л а в а I V

- ¹ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 11.
- ² The Defense Monitor. 1986. № 3. P. 3.
- ³ 1977 Census of Manufactures: Manufacturing Activity in Government Establishments. Wash., 1980.
- ⁴ Defence and Economy World Report. 1986. VII. P. 5635-5640.
- ⁵ A Time to Choose. Cambridge (Mass.), 1974. P. 231.
- ⁶ Concentration Levels and Trends in the Energy Sector of the US Economy. Wash., 1974. P. 38; Gansler J. S. The Defense Industry. Cambridge (Mass.), 1980. P. 42.
- ⁷ Defense Daily. 1985. 24.IV. P. 311.

- ⁸ *Gansler J. S. Op. cit. P. 93.*
- ⁹ *Ibid. P. 55.*
- ¹⁰ Capability of US Defense Industrial Base: Hearings before the Committee on Armed Services and Panel on Defense Industrial Base of the Committee on Armed Services. Wash., 1980. P. 202.
- ¹¹ Правда. 1986. 15 октября.
- ¹² *Gansler J. S. Op. cit. P. 87.*
- ¹³ Report to the Congress by the Comptroller General of the United States «Causes of Excessive Profits on Defense and Space Contracts». Wash., 1975. P. 1.
- ¹⁴ *Ibid. P. 11.*
- ¹⁵ *Ibid. P. 12.*
- ¹⁶ Department of Defense Contract Profit Policy: Hearings before the Senate Committee on Banking, Housing and Urban Affairs. March 1979. Wash., 1979. P. 7.
- ¹⁷ Capability of US Defense Industrial Base: Hearings. P. 138.
- ¹⁸ Defense Daily. 1985. VIII. P. 210.
- ¹⁹ Capability of US Defense Industrial Base: Hearings. P. 134.
- ²⁰ *Gervasy T. Arsenal of Democracy III: America's War Machine: The Pursuit of Global Dominance. N. Y., 1984. P. 37.*
- ²¹ *Gervasy T. Arsenal of Democracy II: American Military Power in 1980's and the Origins of the New Cold War. N. Y., 1981. P. 34.*
- ²² *Ibid. P. 46.*
- ²³ The Nation. 1981. 31.X. P. 442.
- ²⁴ Aerospace Daily. 1986. 29.V. P. 331.
- ²⁵ Le Monde Diplomatique. 1982. IV. P. 18.
- ²⁶ Stern. 1981. XI. S. 90.
- ²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 248.
- ²⁸ *Koistinen P. The Military-Industrial Complex: A Historical Perspective. N. Y., 1980. P. 123.*
- ²⁹ The Budget of the United States Government: Fiscal Year 1983. P. 5—9.
- ³⁰ *Koistinen P. Op. cit. P. 99.*
- ³¹ Time. 1982. 23.I. P. 4.
- ³² *Yarmolinsky A. The Military Establishment. N. Y., 1971. P. 41.*
- ³³ The New York Times. 1983. 18.II.
- ³⁴ Department of Defense Real and Personal Property. Wash., 1980. P. 3.
- ³⁵ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 64.
- ³⁶ The Defense Monitor. 1986. № 3. P. 2.

Г л а в а V

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 74.
- ² IPW-Berichte. 1982. № 9. S. 43; *Brzoska M., Cuna A., Wellman Ch. Das Geschäft mit dem Tode. Frankfurt am Main, 1982. S. 26.*
- ³ Unsere Zeit. 1981. 30.XII.
- ⁴ IFSH-Forschungsberichte (Hamburg). 1979. XII. H. 15. S. 34.
- ⁵ IPW-Berichte. 1982. № 1. S. 22.
- ⁶ См.: *Шеин А. И. Военно-промышленный комплекс Великобритании. М., 1985. С. 56—59.*
- ⁷ Unternehmer (Bonn). 1981. № 12. S. 20.
- ⁸ Militärpolitik Dokumentation (Frankfurt am Main). 1981. № 21. S. 73.
- ⁹ L'Humanité. 1983. 20.V.
- ¹⁰ Morning Star. 1983. 16.XII.

¹¹ Подробнее см.: *Шмид Ф.* Военно-промышленный комплекс ФРГ. М., 1974; *Бовкун Е.* ФРГ: Бег времени: Тень войны. М., 1984; *Шеин А. И.* Военно-промышленный комплекс Великобритании. М., 1985.

¹² World Armaments and Disarmament: SIPRI Yearbook 1980, 1981; Military Balance. Institute for Strategic Studies. L., 1977—1982 (оценка авторов).

¹³ Милитаризм: Цифры и факты. М., 1985. С. 35, 41—42; The Military Balance, 1984—85; World Armaments and Disarmament: SIPRI Yearbook 1984.

¹⁴ Le Monde. 1985. 21.II.

¹⁵ Revue de Presse. Banque commercial pour L'Europe du Nord. 1982. 7.XI. P. 28.

¹⁶ Statement on the Defence Estimates 1984. Vol. 2. L., 1984. P. 8.

¹⁷ World Armaments and Disarmament: SIPRI Yearbook 1985. P. 271, 290; Economic Trends. 1985. № 382. P. 82, 83.

¹⁸ Statement on the Defence Estimates 1984. Vol. 1. P. 19.

¹⁹ The Times. 1982. 23.VI.

²⁰ Weissbuch 1985; Zur Lage und Entwicklung der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1985.

²¹ Le Monde. 1982. 29.XI.

²² Experiences in Disarmament / Ed. by P. Wallensteen. Upsala, 1978. P. 171—172.

²³ Statement on the Defence Estimates 1984. Vol. 1. P. 4; Survey of Current Affairs. 1983. I. P. 22.

²⁴ Коммунист. 1983. № 5. С. 109.

²⁵ Подробнее о деятельности Еврогруппы см.: Западная Европа: Политическая и военная интеграция. М., 1984. Гл. 7.

²⁶ Wehrtechnik (Bonn). 1981. VI. S. 38—40.

²⁷ SIPRI Yearbook 1986. P. 325, 356—357.

²⁸ Рассчитано по: World Military Expenditures and Arms Transfers. Wash., 1980.

²⁹ Проблемы военной разрядки. М., 1981. С. 329.

³⁰ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 16.

³¹ Там же. С. 63.

Глава VI

¹ Современная Япония: Справочное издание. М., 1973. С. 758.

² The Modern Japanese Military System. Beverly Hills; London, 1975. P. 43.

³ См.: *Лешке В. Г.* Японо-американский союз: Итоги трех десятилетий. М., 1983. С. 28—33.

⁴ *Halliday J., Macormack G.* Imperialism Today, Co-prosperity in Greater East Asia. Suffolk, 1973. P. 108.

⁵ Ibid. P. 107—108.

⁶ Бозэй хакусё (Белая книга по вопросам обороны). Токио, 1985. С. 338.

⁷ Гундзю сангё (Военная промышленность). Хайва кайдзай кэйкаку кайги. Докусэн хакусё иннкай хэн (Совет по планированию мирной экономики. Комиссия по Белым книгам о монополиях). Токио, 1983. С. 182.

⁸ Oriental Economist. 1984. II. P. 22.

⁹ Корё токэйхё (Статистические таблицы по промышленности). 1984. С. 200 (Не учтены компании с числом занятых до 20 человек).

¹⁰ Defense Daily. 1985. 23.IV.

- ¹¹ Japan Economic Yearbook, 1980—1981. P. 16.
- ¹² Гундзю сангё. С. 215—227.
- ¹³ Бэй хандобукку (Справочник по вопросам обороны). Токио, 1980. С. 334.
- ¹⁴ Asian Survey. 1978. VIII. P. 775.
- ¹⁵ Рассчитано по: Financial Times. 1982. 5. III; Нихон токэй нэнкан, 1982. Токио, 1982. С. 333.
- ¹⁶ Japan Economic Yearbook, 1980—1981. P. 75.
- ¹⁷ Langer P. Japanese National Security Policy — Domestic Determinants. Santa Monica, 1972. P. 67.
- ¹⁸ Asahi Evening News. 1980. 26.VII.
- ¹⁹ The Modern Japanese Military System. P. 121.
- ²⁰ Ibid. P. 134.
- ²¹ Asian Survey. 1978. № 8. P. 769—784.
- ²² Langer P. Op. cit. P. 37.
- ²³ Defense Policy Formation: Towards Comparative Analysis/Ed. by J. Roherty. Durham, 1980. P. 217—218; Langer P. Op. cit. P. 22—38.
- ²⁴ Нихон кайдзай симбун. 1985. 28.XII.
- ²⁵ Караку гидзюцу хакусё. 1985. С. 348.
- ²⁶ Defense Policy Formation. P. 175—194.
- ²⁷ Speaking of Japan. 1986. XII. P. 29.
- ²⁸ Asia Pacific Community. Summer 1982. P. 35.
- ²⁹ Бэй хакусё. 1985. С. 199.
- ³⁰ Подробнее см.: Япония 1985: Ежегодник. М., 1986. С. 168.
- ³¹ Бэй хакусё. 1985. С. 199.
- ³² The Department of State Bulletin. 1981. № 2051. P. 3.

Г л а в а VII

- ¹ NATO's Sixteen Nations. 1986. XII—1987. I. P. 102.
- ² Материалы XXVII съезда КПСС. С. 100.
- ³ Le Monde Diplomatique. 1977. II. P. 4.
- ⁴ Daily Telegraph. 1985. 15.VI.
- ⁵ Patriot. 1986.22.X; International Defense Review. 1985. № 6. P. 939—940.
- ⁶ Financial Times. 1986.7.X; Military Technology. 1985. № 12. P. 4—5; South-East Asia: An International Defense Review Editorial Supplement. 1986.
- ⁷ The Ailing Defense Industrial Base: Unready for Crisis: Report of the Defense Industrial Base Panel of the Committee on Armed Services. House of Representatives. Wash., 1980. P. 25.
- ⁸ Ibid. P. 25.
- ⁹ U. S. News and World Report. 1984.28.V. P. 59.
- ¹⁰ Рассчитано по: Defense/Space Business Daily. 1975.13.VIII. P. 239.
- ¹¹ Frankfurter Rundschau. 1985.7.X.
- ¹² Рассчитано по: U. S. News and World Report. 1984.28.V. P. 59; Armament and Disarmament Information Unit Report. 1986. III—IV. P. 1—2.
- ¹³ Flight International. 1981. 31.X.P. 1312.
- ¹⁴ Pierre A. I. The Global Politics of Armes Sales. Princeton, 1982. P. 11.
- ¹⁵ Revista General de Marina. 1983. № 2. P. 313; La Nouvell revue maritime. 1983. № 374. P. 119.
- ¹⁶ Barnet R., Muller R. Global Reach: The Power of the Multinational Corporations. N. Y., 1974. P. 80.

¹⁷ *Modsen A.* Private Power: Multinational Corporations for the Survival of our Planet. N. Y., 1980. P. 23.

¹⁸ *Kade G., Scidt M.* Frieden, Rüstung und Monopole. Köln, 1980. S. 28.

¹⁹ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 15.

Г л а в а VIII

¹ The Budget of the United States Government: Fiscal Year 1988: Supplement. P. 5—6.

² *Luttwack E. N.* The Pentagon and the Art of War. N. Y., 1984. P. 71.

³ NATO's Sixteen Nations. 1986. XII—1987. I. P. 102.

⁴ The Costs and Consequences of Reagan's Military Build-up: A Report... from the Council on Economic Priorities. N. Y., 1982. P. 50—53.

⁵ The Bulletin of the Atomic Scientists. 1981. VI—VII. P. 14.

⁶ *Melman S.* Op. cit. P. 161, 163.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 67.

⁸ Defense Daily. 1983. 11.I.P. 45—46; 1986. 3. III. P. 7.

⁹ Arms Control Today. 1985.IX. P. 8:

¹⁰ NATO's Sixteen Nations. 1983. VIII—IX. P. 48.

¹¹ *Melman S.* Op. cit. P. 152—153.

¹² Defense Daily. 1983.6.X. P. 173; Chemical and Engineering News. 1986. 28.VII. P. 39.

¹³ Research and Development Management. 1985. VII—VIII. P. 3.

¹⁴ Fortune. 1985. 25.XI. P. 76.

¹⁵ The New York Times. 1982. 14.XI.

¹⁶ *Ramo S.* America's Technology Slip. N. Y., 1980. P. 251.

¹⁷ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 133.

¹⁸ The Budget of the United States Government: Fiscal Year 1987. P. 6e—42.

¹⁹ Defense Daily. 1982. 5.III. P. 33.

²⁰ The Bulletin of the Atomic Scientists. 1984. V. P. 37.

²¹ Stern. 1983. 27.X. S. 136.

²² Aviation Week and Space Technology. 1983. 21.XI. P. 13.

²³ *Goodwin J.* Brotherhood of Arms: General Dynamics and the Business of Defending America. New York; Toronto, 1985. P. 265.

Г л а в а IX

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 70.

² Nuclear Winter and National Security: Implications for Future Policy. Air University Press. 1986. P. 28.

³ Promise or Peril: The Strategic Defense Initiative/Ed. by Zb. Brzezinski. Wash., 1986. P. 63.

⁴ Проблемы мира и социализма. 1984. № 5. С. 6.

⁵ Там же. 1985. № 2. С. 12—13.

⁶ The Atlantic Community Quarterly. Spring 1983. № 1. P. 64.

⁷ The Current History. 1983. V. P. 194.

⁸ The END Papers: 5. 1983. V. P. 31.

⁹ The New Yorker. 1982. 1.II. P. 71.

¹⁰ World Armaments and Disarmament: SIPRI Yearbook 1985. P. 36237.

¹¹ The Arms Race and Arms Control, 1983. SIPRI. L., 1983. P. 119.

¹² U. S. News and World Report. 1985. 15.IV. P. 25.

- ¹³ Foreign Affairs. Winter 1983/84. № 2. P. 259.
- ¹⁴ Проблемы мира и социализма. 1983. № 7. С. 57.
- ¹⁵ Там же. № 9. С. 7.
- ¹⁶ Unity Statement of Women's Pentagon Action//B. Welling Hall. Evaluating the Effectiveness of Antinuclear Peace Movement. Mimeo, 1983. P. 45.
- ¹⁷ Foreword to: *Sivard R.* World Military and Social Indicators. Wash., 1983. P. 3.
- ¹⁸ The Costs and Consequences of Reagan's Military Build-up: A Report... from the Council on Economic Priorities. P. V.
- ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 372—373.
- ²⁰ Встреча коммунистических и рабочих партий Европы за мир и разоружение (Париж, 28—29 апреля 1980 г.). М., 1980. С. 7.
- ²¹ Правда. 1985. 28 мая.
- ²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 408.
- ²³ Коммунист. 1986. № 9. С. 109.
- ²⁴ The 1984 Democratic National Platform. Democrats: Building America's Future. 1984. P. 46.
- ²⁵ Implications of the President's Strategic Defense Initiative and Antisatellite Weapons Policy: Hearings before the Subcommittee on Arms Control, International Security and Science. April 24th and May 1st 1985. Wash., 1985. P. 4.
- ²⁶ Congressional Quarterly Weekly Report. 1986. 1.XI. P. 2735.
- ²⁷ The Washington Post. 18.III. 1987.
- ²⁸ The Atlantic Community Quarterly. Summer 1983. № 2. P. 107.
- ²⁹ Foreign Affairs. 1982. № 4. P. 757.
- ³⁰ American Defense Policy/Ed. by J. Reichardt and S. R. Stern. Baltimore, 1982. P. 359.
- ³¹ Newsweek. 1983. 5.XII. P. 17.
- ³² House of Bishops Pastoral Letter: Identity, Pilgrimage and Peace: General Convention, 1982. P. 7.
- ³³ Origins. 1983. 19.V. P. 15.
- ³⁴ Ibid. P. 18.
- ³⁵ North-South: A Program for Survival. L., 1980. P. 124.
- ³⁶ Traditional Views of Security Becoming Outmoded: Public Interest Report: Federation of American Scientists. 1982. № 8. P. 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. ВПК в системе государственно-монополистического капитализма	6
1. Корни и сущность ВПК	—
2. Основные компоненты ВПК	15
3. Механизм функционирования ВПК	27
Глава II. Военное производство как материальная база ВПК	41
1. Масштабы и структура военного производства	—
2. Государственно-монополистическое взаимодействие в производстве вооружений	53
3. Военный бизнес и частнособственнические интересы	62
Глава III. Научно-техническая революция и деятельность ВПК	74
1. Новая роль научных исследований и разработок в военных приготовлениях	—
2. Масштабы и структура исследований и разработок военного профиля	86
3. Международные аспекты милитаризации науки	97
Глава IV. Военно-промышленный комплекс США	110
1. Черты и особенности американского ВПК	—
2. Милитаристские сверхприбыли	122
3. Рычаги влияния комплекса	131
Глава V. Национальный и региональный аспекты деятельности военно-промышленных комплексов в Западной Европе	145
1. Своеобразие развития ВПК стран Западной Европы в 70—80-е годы	—
2. Черты ВПК стран западноевропейского региона	159
3. Взаимодействие ВПК западноевропейских стран	171
4. Тенденции формирования западноевропейского регионального ВПК	181
Глава VI. Особенности формирования ВПК в Японии	188
1. Политические и экономические условия становления ВПК	—
2. Военная сфера взаимодействия монополий и государства	193
3. Усиление милитаристских тенденций	212
Глава VII. Мирохозяйственные аспекты деятельности военно-промышленных комплексов	224
1. Причины выхода ВПК на международную арену	—
2. Формы и методы внешней экспансии ВПК	231
3. ВПК и процесс создания мирового военного хозяйства капитализма	241

Г л а в а VIII. Экономические и социальные последствия деятельности ВПК.	248
1. Прямой ущерб и утраченные возможности	—
2. Деформация научно-технического прогресса	258
3. Военные приготовления — за счет трудящихся	264
Г л а в а IX. ВПК и антивоенное движение.	270
1. Деятельность ВПК — угроза миру	—
2. Антивоенное движение и борьба против ВПК	277
3. Рост противодействия ВПК	286
Источники	293

Альянс меча и бизнеса: (Военно-промышлен-
А59 ные комплексы империалистических госу-
дарств)/Ин-т мировой экономики и междунар.
отношений АН СССР; Отв. ред.: О. Н. Быков,
Е. В. Бугров.— М.: Мысль, 1988.— 300,[1] с.
ISBN 5—244—00029—2

В книге проанализированы сущность, компоненты, механизм функционирования и особенности развития ВПК в центрах мирового империализма. Раскрыта заинтересованность ВПК в создании новых видов и систем вооружений, подчинении научно-технического прогресса милитаристским целям. Тенденции роста связей и взаимодействия национальных ВПК рассмотрены в контексте формирования совокупной военной мощи современного империализма. Показаны негативные социальные и экономические последствия военных приготовлений капиталистических государств.

А 0604000000—044
004(01)—88 **18—88**

ББК 65.8

АЛЪЯНС

**меча
и бизнеса**

**(Военно-промышленные комплексы
империалистических государств)**

Заведующая редакцией Т. А. Воскресенская
Редактор Л. Г. Соловьева
Младший редактор И. Л. Дзыза
Оформление художника Е. А. Ильина
Художественный редактор А. И. Ольденбургер
Технический редактор Ж. М. Голубева
Корректор С. С. Новицкая
ИБ № 2941

Сдано в набор 05.08.87. Подписано в печать 12.02.88. А 10837. Формат 84×
× 108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Обыкновенная новая гарн. Высокая печать.
Усл. печатных листов 15,96. Усл. кр.-отт. 15,96. Учетно-издательских
листов 17,62. Тираж 12 500 экз. Заказ № 1105. Цена 1 р. 60 к.

**Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.**

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ле-
нинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор»
имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном коми-
тете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

НОВАЯ КНИГА

**В 1988 г. издательство «Мысль»
выпускает в свет:**

Империи финансовых магнатов / Под ред. д-ра экон. наук И. Д. Иванова. — 18 л. — 2 р. 10 к.

Каковы масштабы, истоки и закономерности развития транснационального предпринимательства как экономического явления? В чем политико-экономическая сущность международного производства? Как проявляются ныне основные признаки империализма в деятельности его наиболее типичных хозяйственных представителей конца XX в.? Какую роль играет международный бизнес в формировании и проведении империалистической политики? Ответы на эти и другие фундаментальные вопросы, поставленные перед научной мыслью бурной экспансией транснационального монополистического капитала, содержатся в книге.

Для преподавателей, слушателей системы экономического образования, пропагандистов, научных работников.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».